

ISSN 1992–7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 3

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Редакционный совет

А. А. Чувакин, д. ф. н., проф. — председатель (Барнаул), О. В. Александрова, д. ф. н., проф. (Москва), К. В. Анисимов, д. ф. н., проф. (Красноярск), Е. Н. Басовская, д. ф. н., проф. (Москва), В. В. Красных, д. ф. н., проф. (Москва), Л. О. Бутакова, д. ф. н., проф. (Омск), Т. Д. Венедиктова, д. ф. н., проф. (Москва), О. М. Гончарова, д. ф. н., проф. (Санкт-Петербург), Т. М. Григорьева, д. ф. н., проф. (Красноярск), Е. Г. Елина, д. ф. н., проф. (Саратов), Е. Ю. Иванова, д. ф. н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О. Т. Молчанова, д. ф. н., проф. (Польша, Щецин), М. Ю. Сидорова, д. ф. н., проф. (Москва), И. В. Силантьев, д. ф. н., проф. (Новосибирск), К. Б. Уразаева, д. ф. н., проф. (Казахстан, Астана), И. Ф. Ухванова, д. ф. н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А. Д. Цветкова, к. ф. н., доцент (Казахстан, Павлодар), А. П. Чудинов, д. ф. н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т. В. Чернышова

Редакционная коллегия

П. В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л. А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М. П. Гребнева, В. В. Десятов, В. Н. Карпухина, И. Ю. Колесов, Л. М. Комиссарова, А. И. Куляпин, Е. В. Лукашевич, В. Д. Мансурова, С. А. Осокина, Ю. В. Трубникова, Л. Н. Тыбыкова

Секретариат

О. А. Ковалев, С. Б. Сарбашева

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, Институт гуманитарных наук,
оф. 405а. Тел.: 8 (3852) 296617.

E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: <http://journal.asu.ru/pm/>

Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992–7940

© Оформление. Издательство Алтайского университета, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- М. П. Гребнева.** Реминисценции и автореминисценции в трех ранних редакциях поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» 7
- В. В. Десятов.** Образы эпох и исторических периодов в русской культуре XX века. Основные действия 21
- Е. А. Московкина.** Образ церкви и архитектурный экфрасис в рассказах В. М. Шукшина 32
- М. В. Батюшкина.** Государственный язык: дискуссионные вопросы исследования 49
- Л. А. Джелалова.** Русские пословицы в индивидуальном коммуникативном пространстве модели [А<В] 64
- О. И. Ванюшкина.** Роль экстралингвистических факторов в формировании лексико-семантической группы «Твердость (Мужество)» в английском и испанском языках XIII–XV вв. 80
- Ю. С. Серягина.** Переводчики с немецкого языка в газете «Южное обозрение» рубежа XIX–XX вв. 96
- С. А. Макарова.** Непрямая анафорическая референция в англоязычном журналистском дискурсе (на материале жанра некролога) 105

Научные сообщения

- Г. Е. Енсебай, А. С. Демченко.** Пенталогия А. Ж. Жаксылыкова «Сны окаянных» в исследованиях казахстанских ученых 119
- Д. А. Тюлин.** Дэвид Боуи и Т. С. Элиот: к постановке проблемы поэтической «персоны» 129

В. Т. Веред. Идиостиль Андрея Колесникова как автора
репортажного жанра.....137

А. Г. Хабибуллина. Семантико-синтаксические отношения,
выражаемые деепричастными формами, в татарском языке..... 148

Люди. Факты. События

Т. В. Чернышова. Сетевой текст и проблемы его
лингвоэкспертного анализа (итоги круглого стола
«Лингвоэкспертные исследования конфликтности в интернет-
коммуникации»)..... 155

Резюме161

Наши авторы..... 173

CONTENTS

Articles

- M. P. Grebneva.** Reminiscences and Autoreminiscences in Three Early Editions of the Poem by M. Yu. Lermontov “Demon”7
- V. V. Desyatov.** Images of Epochs and Historical Periods in the Russian Culture of the twentieth century. Basic Actions21
- E. A. Moskovkina.** Image of Church and Architectural Ekphrasis in V. M. Shukshin's Stories32
- M. V. Batyushkina.** State Language: Debatable Research Questions49
- L. A. Dzhelalova.** Russian Proverbs in the Individual Communication Space of the Model [A<B].....64
- O. I. Vanyushkina** The Role of Extralinguistic Factors in the Formation of the Lexical-Semantic Group “Fortitude (Courage)” In the English And Spanish Languages of the XIII–XV Centuries80
- Yu. S. Seryagina.** Translators From German in the Newspaper “Yuzhnoe Obozrenie” At the Turn of the XIX–XX Centuries.....96
- S. A. Makarova.** Indirect Anaphoric Reference in English Journalistic Discourse (on the Material of Obituary) 105

Scientific reports

- G. E. Yensebay, A. S. Demchenko.** A. Zh. Zhaksylykov's Pentalogy “Dreams of the damned” in the Studies of Kazakh Researchers 119
- D. A. Tyulin.** David Bowie and T. S. Eliot: Addressing the Problem of Poetic “Persona” 129
- Vered V. T.** The idiostyle of Andrey Kolesnikov as an Author of the Reportage Genre137

L. G. Habibullina. Semantic and Syntactic Relations Expressed by Adverbial Forms in the Tatar Language	148
--	-----

Reviews

T. V. Chernyshova. Network text and problems of its linguo-expert analysis (results of the round table “Linguistic expert research on conflict in Internet communication”)	155
---	-----

Summary	161
----------------------	-----

Our authors	173
--------------------------	-----

СТАТЬИ

РЕМИНИСЦЕНЦИИ И АВТОРЕМИНИСЦЕНЦИИ В ТРЕХ РАННИХ РЕДАКЦИЯХ ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»

М. П. Гребнева

Ключевые слова: редакция, реминисценция, автореминисценция, повесть, поэма, мотив.

Keywords: editorial, reminiscence, autoreminiscence, story, poem, motive.

DOI: 10.14258/filichel (2023)3–01

Несколько редакций поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» создают условия для их последовательного изучения, при этом важнейшим показателем движения творческого замысла поэта наряду с эквивалентами текста [Борисова, 2014; Штайн, 2016; Гребнева, 2021, 2022] являются приемы реминисценции и автореминисценции. Обоими приемами активно пользовались современники Лермонтова — В. А. Жуковский и А. С. Пушкин.

Пушкин описывает прием реминисценции в «Исповеди бедного стихотворца» (1814): *«Ах, батюшка, грешон! Я краду иногда! / (К тому приучены все наши господа)»* (Александр Пушкин. Собрание сочинений. Т. 1. 1974. С. 331). С большой долей иронии излагал суть приема реминисценции В. А. Жуковский в послании «К кн. Вяземскому» (1815): *«И скатерть синих вод сровнялась в берегах: / Равняться в берегах твоих ей не годится, / Когда в моих она сровнялась давно»* (Василий Жуковский. Собрание сочинений. Т. 1. 1980. С. 219).

В произведениях Жуковского был создан необходимый набор слов и выражений, которым пользовались его последователи. Им была разработана «поэтика общих мест» [Подгаецкая, 1974, с. 212] для русской литературы, его стиль «заклучал в себе возможность такого подражания, когда из него можно было черпать устойчивые образы подобно тому, как это делается с фольклорным клише» [Подгаецкая, 1974, с. 213]. Именно в его творчестве «чужой» материал начинает функционировать

как «свой», так как реминисценция — это «невольное воспроизведение в поэзии фраз и стихов какого-либо автора» [Словарь поэтических терминов, 1940, с. 172], это «какие-либо черты, наводящие на воспоминания о других произведениях» [Краткая литературная энциклопедия, 1971, с. 254], «отсылки» к предшествующим литературным фактам, отдельным произведениям или их группам, напоминание о них» [Хализев, 2000, с. 253]. Прием автореминисценции следует рассматривать как частный случай приема реминисценции с учетом того, что в качестве источника материала берется творчество самого сочинителя.

Так, «словесные лейтмотивы, по мнению Г.А. Гуковского, — характерная черта стиля Жуковского и романтизма вообще» [Гуковский, 1965, с. 57], а историю своей жизни, по словам И. Семенко, «он (Жуковский. — М. Г.) чаще всего передает посредством традиционных лирических сюжетов и ситуаций» [Семенко, 1975, с. 93].

Начало изучению самоповторений у Пушкина положил В. Ходасевич, который полагал, что «изучение автореминисценций может оказаться полезным в разных областях пушкиноведения: в изучении пушкинской поэтики, стилистики, биографии, в вопросах об авторстве пьес, даже в датировке их» [Ходасевич, 1924, с. 3]. Автореминисцентные связи между пушкинским «Демоном» и «Евгением Онегиным» подчеркивались в статье И. Медведевой «Пушкинская элегия 1820-х годов и „Демон“» [Медведева, 1941, с. 51–71]. Д.Д. Благой указывал на общие моменты пушкинского романа в стихах и «Графа Нулина» [Благой, 1971, с. 200–203]. О.Б. Лебедева рассматривала пушкинские автореминисценции как носителей «памяти жанра» [Лебедева, 1990, с. 90–110].

Так же, как самоповторения Жуковского и Пушкина, лермонтовские автореминисценции давно привлекают внимание исследователей. Одним из первых к ним обратился В.М. Фишер, который считал, что «повторяющиеся у Лермонтова элементы — это строительный материал для будущих произведений, что он заменял замыслы и сюжеты, а основные элементы форм у него повторяются» [Багрий, 1914, с. 29]. С подобной же точкой зрения выступил Б.М. Эйхенбаум, который писал, что автореминисценции (у Лермонтова. — М. Г.) «действительно представляют собой чисто стилистические клише, не связанные с материалом одной определенной вещи и потому блуждающие по разным произведениям» [Эйхенбаум, 1987, с. 201]. С этих позиций вся история творчества Лермонтова представлялась ему «как упорная и напряженная переработка того, что было им заготовлено в годы ранней юности» [Эйхенбаум, 1987, с. 202]. Так же, как и Б.М. Эйхенбаум, Л.Я. Гинзбург [Гинзбург,

1940, с. 46], С. Н. Дурылин [Дурылин, 1934, с. 23] подчеркивали формальную сторону повторов в творчестве Лермонтова.

В более поздних работах автореминисценции рассматривались не с формальной, а с содержательной, смысловой стороны. В частности, И. Погаецкая указывала на то, что повторы у Лермонтова — «не примета симметрии стиля или расширения смысла слова, но подчеркивание центральной мысли, задержка на ней» [Подгаецкая, 1974, с. 219–220]. Б. Т. Удодов полагал, что «повторяющиеся у Лермонтова художественные константы суть не просто стилиевые клише, не разрозненные, заранее заготовленные эффектные детали формы, а глубоко содержательные „атомы” и „клетки”, **из которых строится его художественная вселенная**» [Удодов, 1973, с. 567]. Образные константы, по мнению исследователя, «имеют не только локальное, конкретное значение, создаваемое контекстом произведения; они обладают еще и „сверхзначением”, выводящим их за пределы отдельных произведений, делающим их элементами **целостной системы писателя**» [Удодов, 1973, с. 567].

Л. М. Аринштейн подчеркивал связь автореминисценций у Лермонтова с проблемой распада жанровой системы в русской литературе рассматриваемого периода. По его словам, «отказ от следования традиционным жанровым образцам повлек за собой формирование опорных моделей **в виде традиционных образов и сюжетов**» [Аринштейн, 1985, с. 45]. Чрезвычайно продуктивными являются мысли исследователей о том, что с помощью самоповторений Лермонтов строит художественную вселенную, и о том, что традиционностью в этой вселенной отличаются не только образы, но и сюжеты.

В последнее время появились работы, посвященные феномену лермонтовского «Демона», но парадоксальность ситуации заключается в том, что после почти двухсотлетнего изучения произведения исследователи все еще находятся у его истоков, о чем свидетельствуют названия работ: «Существующие трактовки поэмы М. Ю. Лермонтова „Демон”» [Журавлев, 2019], «Феномен „самоповторений” в творчестве М. Ю. Лермонтова: к проблеме изучения» [Акимова, 2017]. Исключение составляет статья В. Паперного, который отмечает, в частности, что «лежащее в основе настоящей работы положение о том, что **сюжеты** Лермонтова, или, по крайней мере, некоторая их часть могут быть описаны как принадлежащие определенному типу, не является бесспорным» [Паперный, 2015, с. 13], что «**сюжеты** Лермонтова также стоят под знаком демонизма. При всей их пестроте и неоднородности эти сюжеты складываются в **некое единое пространство**, в котором есть свой центр и периферия» [Там же, с. 15]. А также статья А. С. Янушкевича, который подчеркива-

ет, что «лабораторный палимсест Лермонтова, в отличие от пушкинского, более откровенен, он не боится почти явного плагиата, но зато временная дистанция и ситуация „поэта из подполья” позволяют молодому поэту решительно стирать письма своих предшественников и творить новый мир и нового человека, формируя свой **мирообраз** и создавать свой поэтический язык» [Янушкевич, 2015, с. 31], что «в поэтике палимсеста важен и сущностен не столько момент стирания „чужого”, сколько диалог с ним в процессе сотворения своей „думы”» [Там же, с. 38]. А. С. Янушкевич подчеркивает, что Лермонтов создает **свой образ мира** точно так же, как, по определению Б. Т. Удодова, он создает **свою художественную вселенную**.

Нам представляется, что лермонтовский «Демон» действительно является сложной системой, включающей в себя не только традиционные образы Ангела и Демона, но и традиционную группу **тем-сюжетов**: «демон» — «мелкий бес» — «демонический герой», активно разрабатывавшихся в произведениях Жуковского, Пушкина, представителей массовой литературы [Гребнева, 2017; 2018; 2019].

Лермонтовские архетипы — это не только и не столько традиционные архетипы образов, сколько архетипы самого творчества, его модели. Лермонтовские реминисценции и автореминисценции — это свидетельство наличия модели не только творчества создателя «Демона», не только модели русской литературы, но и одной из моделей мировой литературы в целом, по крайней мере, в той ее части, которая касается демонической темы, образа Демона, поэтики демонической темы. Лермонтов в силу объективных и субъективных причин, по сути дела, представил механизмы авторского творчества. Лермонтовская модель-архетип — это и модель-архетип его творчества, его мирообраз, но это и модель мировой литературы в целом. Это то, что Лермонтов усиленно «изучал» в своем творчестве с помощью реминисценций, и то, что он «творил» в нем с помощью автореминисценций.

Лермонтов предстает в своем наследии и как необыкновенный «скупец», и как необыкновенный «расточитель». При этом надо учитывать, что демоническая тема — центральная в его творчестве — дает богатый материал для объединения того, что есть в мифологии, фольклоре и в литературе по этому поводу.

Давно замечены реминисценции из произведений Жуковского в стихотворениях и поэмах Лермонтова [Лермонтовская энциклопедия, 1981, с. 169-170]. Добавим к ним замеченную нами цитатную реминисценцию из элегии / внежанрового стихотворения «Я Музу юную бывало...» (1822 или 1824) в первом посвящении к варианту «Демона» 1829 года. Лер-

монтов внимательно читал стихотворение Жуковского. Конструкция со словом *пока* у Жуковского утраивается у Лермонтова, она призвана усилить впечатление от стиха, свидетельствует о работе автора «Демона» над ним, не прекращающейся до времени создания последнего варианта поэмы, в котором будет представлена клятва главного героя: «Клянись я первым днем творенья...», которую по ее значительности трудно переоценить как с содержательной, так и с формальной точки зрения: «*Я буду петь, пока поется, / Пока волненья позабыл, / Пока высоким сердце бьется, / Пока я жизнь не пережил*» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. 1962. С. 545); «*Пока еще ее сиянье Душа умеет различать: / Не умерло очарованье! / Былое сбудется опять*» (Василий Жуковский. Собрание сочинений. Т. 1. 1980. С. 300). Названная конструкция в стихотворении Лермонтова, как и в «Демоне», приобретает черты завершенности и даже афористичности.

Надо учитывать и то обстоятельство, что стихотворение Жуковского относится к его художественным манифестам. Это своего рода исповедь автора. Представляется, что клятва Демона — это не только исповедь героя, но и самого автора. Творческие позиции Лермонтова и Жуковского могут быть сближены за счет того, что вопреки жизненным сложностям поэты устремлены в будущее: «*Я буду петь пока поется*» (с. 545), «*Я опущусь на дно морское, / Я полечу за облака, / Я дам тебе все, все земное — / Люби меня!*» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. 1962. С. 533), «*Былое сбудется опять*» (Василий Жуковский. Собрание сочинений. Т. 1. 1980. С. 300).

В стихотворении у Жуковского животворящий луч — напоминание о прошлом: «*На все земное наводило / Животворящий луч оно — / И для меня в то время было / Жизнь и Поэзия одно*» (Василий Жуковский. Собрание сочинений. Т. 1. 1980. С. 300). У Лермонтова — лучи небесного огня — это данность, это настоящее: «*В душе горят, хотя безвестней, / Лучи небесного огня, / Но нежных и веселых песней, / Мой друг, не требуй от меня...*» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. 1962. С. 545). У Жуковского — это свидетельство благополучия в прошлом, у Лермонтова — неблагополучия в прошлом и настоящем. У Жуковского вдохновение оказывается незванным, явившимся без приглашения: «*И Вдохновение летало / С небес, незванное, ко мне*» (Василий Жуковский. Собрание сочинений. Т. 1. 1980. С. 300), у Лермонтова оно присутствует самовольно, не подавая известий: «*В душе горят, хотя безвестней*» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. 1962. С. 545). То, что является благом для Жуковского, оказывается карой для Лермонтова. В настоящем оба поэта оказываются лишенными поэтического вдохновения, пре-

бывают в состоянии творческой смерти: *«Но дарователь песнопений / Меня давно не посещал; / Бывалых нет в душе видений, / И голос арфы замолчал»* (Василий Жуковский. Указ. соч. Т. 1.), *«Я умер. Светлых вдохновенний / Забыта мною сторона / Давно. Как скучен день осенний, / Так жизнь моя была скучна»* (Михаил Лермонтов. Указ. соч. Т. 2).

Заметим также, что мотив свинцовой слезы в первой редакции «Демона» определяется цитатной реминисценцией из поэмы / повести Жуковского «Пери и ангел» (1821) в связи с образом страшного разбойника, насильника и грабителя, поскольку и в том, и в другом случае слеза является свидетельством раскаяния и стремления к добру: *«Все вдруг пред ним возобновилось / И в душу, свежее, втеснилось; / И он заплакал... он во прах / Пред богом пал в своих слезах»* (Василий Жуковский. Собрание сочинений. Т. 2. 1980. С. 249), *«Зачем же демон отверженья / Роняет посреди мученья / Свинцовы слезы иногда, / И им забыты на мгновенье / Коварство, зависть и вражда?...»* (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. 1962. С. 547).

О реминисцентности этого отрывка и мотива свидетельствует также тот факт, что впоследствии он принял характер чисто лермонтовской автореминисцентной формулы: *«Он хочет в страхе удалиться... / Его крыло не шевелится! / И, чудо! из померкших глаз / Слеза тяжелая катится...»* (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. 1962. С. 522).

Строфа «Однажды вечером меж скал» в III редакции «Демона», тесно связанная со своим аналогом в I и II вариантах, также является реминисценцией из поэмы / повести «Пери и ангел» с поправкой на эмоциональное состояние раскаивающейся Пери: *«Стояла в грустной тишине»* (Василий Жуковский. Собрание сочинений. Т. 2. 1980. С. 235) и грешного отступника Демона — *«Без дум, без радости, без горя»* (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. 1962. С. 568), а также того, что Пери находится у желанного для нее места: *«У врат потерянного рая»* (Василий Жуковский. Собрание сочинений. Т. 2. 1980. С. 235), а для Демона таким местом становится монастырь и келья монахини — *«И зрит: бежит под горой / Стена обители святой»* (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. 1962. С. 568).

Лермонтов унаследовал не только творческий опыт Жуковского, но и Пушкина. Взаимосвязям пушкинских и лермонтовских произведений посвящена статья Д. Д. Благого [Благой, 1941, с. 357–363], в которой он указал на влияние южных поэм Пушкина на ранние поэмы Лермонтова «Черкесы», «Кавказский пленник», «Корсар», «Преступник», «Последний сын вольности», на реминисценции из «Кавказского пленника» в I редакции «Демона», из «Полтавы» — в III редакции, из «Пира

во время чумы» — в V редакции поэмы [Благой, 1941, с. 367–368]. Проблеме пушкинских реминисценций у Лермонтова посвящены также работы Б. В. Томашевского, В. Закруткина, М. Т. Ефимовой [Томашевский, 1990, с. 207; Закруткин, 1941, с. 210–220; Ефимова, 1962, с. 44–56].

Наряду с реминисценциями из произведений Жуковского и Пушкина Лермонтов активно использовал в «Демоне» автореминисценции. I редакция его поэмы оказывается в меньшей степени реминисцентной, чем все последующие. Это обстоятельство не случайность, а закономерность, если учесть, что начало творческого пути Лермонтова относится к 1828 году, а названная редакция была написана в 1829 году. Обращает на себя внимание стихотворение «Ответ» (1829), которое связано с вариантом поэмы посредством повторяющегося образа горелого пня. Образ Демона соотнесен с образом пня, пораженного огненной стихией. В данном случае Лермонтов следует традициям русской литературы, позволяющим соотнести образ Демона с огненной стихией: «... *так пень лесной, / Постигнут молнией догорает*» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 1, 1961. С. 52); «*Один чернеет пень горелый. / Сражен стрелой громовой...*» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2, 1962. С. 547–548).

Вторая редакция 1830 года значительно увеличивается в объеме за счет усиления лирического и драматического начал. Усиление драматического начала связано с пьесами «Испанцы» (1830) и «Люди и страсти» (1830). Героиня «Демона» — монахиня и Эмилия в «Испанцах» также должна идти в монастырь, как на этом настаивает Фернандо: «*Ах! Эмилия! / Ступай ты лучше в монастырь, / Ступай в обитель — скрой себя от света, Умри!...*» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 3, 1962. С. 41).

Внешний вид и психологическое состояние сестры Фернандо, Нозми, напоминает переживания монахини II варианта поэмы: «*Эмилия входит бледная...*» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 3, 1962. С. 81); «*Сидела молча у окна...*» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2, 1962. С. 552), «*в черном платье, в черном покрывале*» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 3, 1962. С. 81); «*И кудри черные <... > Служили покрывалом ей*» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2, 1962. С. 552).

Ряд стихотворений 1830 года, среди которых «Разлука», «Элегия» (Дробись, дробись, волна ночная...), «Посвящение» (Прими, прими мой грустный труд), «1830 год. Июля 15-го», «Песнь барда», «Стансы» (Взгляни, как мой спокоен взор), «Ночь» (Один я в тишине ночной...), «Свершилось! полно ожидать...», объединены мотивом слезы, нашед-

шим также отражение в пьесе «Люди и страсти» и во второй редакции «Демона»: «...последняя слеза всех моих слез, свинцовая слеза моих страданий упала ему на грудь» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 3. 1962. С. 225); «Он хочет прочь тотчас — / Его крыло не шевелится. / И — чудо! — из померкших глаз / Слеза свинцовая катится» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. 1962. С. 551–552).

Сюжетная линия Заруцкий — Юрий Волин в пьесе «Люди и страсти» напоминает поэмную антитезу Демон — Ангел. Заруцкий беззаботен, в то время как Юрий поглощен демоническими страстями: «О нет! не испытывай меня... не принимай участия, его не должно для меня существовать... не срывай покровы с души, где весь ад, все бешенство страстей...» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 3. 1962. С. 225).

Следует также отметить, что часть думы «Наполеон» (1830) совпадает с частью 12 строфы II редакции «Демона»: «На берегу, склонивши взор к волнам, / Стоит вблизи нагбенного креста?» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 1. 1961. С. 103); «Он вдался в море одиноко: / На нем чернеет крест высокой» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. 1962. С. 564); «Пред ним лепечут волны и бегут, / И вновь приходят, и о скалы бьют» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 1. 1961. С. 103); «Волна теснится у волны, / И слышен ропот своевольный, / И удаляются толпой, / Другим предоставляя бой» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. 1962. С. 564).

Тема Наполеона волновала Лермонтова и в период написания III редакции поэмы, так как в рукописи поэта ей предшествовал отрывок, напоминающий часть стихотворения 1831 года «Св. Елена». Демон и Наполеон предстают одинаково жертвами рока и прихоти слепой, только герой поэмы — в образе странника — «Изгнанник мрачный жертва странствия и рока, прихоти слепой»¹, а герой стихотворения — не только жертвой прихоти слепой, но и вероломства людей — «Изгнанник мрачный, жертва вероломства / И рока прихоти слепой» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 1. 1961. С. 201).

Демон уподобляется в поэме метеору — «Как метеор игрой судьбы случайной» (там же), а его деяния грозе — «Он пролетел грозой между нас» (там же), тогда как в стихотворении Наполеон предстает героем — «Хоть побежденный, но герой!» (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 1. 1961. С. 201), а его деяния — бурей: «И пролетел, как буря, мимо нас» (Там же, с. 201). Загадочность обоих персонажей и их трагическая судьба оказываются неизменными в обоих произведениях: «Он миру

¹ Набросок стихотворения М. Ю. Лермонтова «Изгнанник мрачный, жертва странствия и рока». ИРЛИ. Ф. 524. Оп. I. Ед. хр. 443.

чужд был: все в нем все было тайной день возвышенья и паденья час!» (там же); *«Все в нем было тайной, / День возвышенья — и паденья час!»* (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 1. 1961. С. 201).

Мотив колокола во второй редакции оказывается реминисцентным из стихотворения «Оставленная пустынь предо мной». Растреснувший колокол — *«Но колокол растреснувший молчит»* (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 1. 1961. С. 118) соотносится со зловещим колоколом — *«Зловещий колокола звон»* (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. 1962. С. 561), заунывный глас одного — *«Его (бывало) заунывный глас»* (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 1. 1961. С. 118) — с глухим гласом другого — *«Раздался глухо над волнами»* (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. 1962. С. 561); образ братии в одном случае — *«Звал братий к всенощне»* (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 1. 1961. С. 118) — с образом сестер-монахинь в другом случае — *«К чему манит отшельниц он?..»* (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. 1962. С. 561). События в стихотворении относятся к прошлому, а поэмы — к настоящему.

В III редакции впервые вводится «Песнь монахини», заменившая историю героини, которая, усиливая повествовательное начало, ослабляла лиризм этой редакции. Часть посвящения к III варианту совпадает со вторым четверостишием стихотворения «Зови надежду — сновиденьем» (1831): *«Такой любви нельзя не верить, / Мой взор не скроет ничего; / С тобою грех мне лицемерить, / Ты слишком ангел для того»* (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 1. 1961. С. 224), *«Такой любви нельзя не верить, / А взор не скроет ничего:/ Ты не способна лицемерить, / Ты слишком ангел для того!»* (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 2. 1962. С. 566).

Только акценты в стихотворении и поэме расставлены по-другому. В стихотворении герой не способен лицемерить по отношению к героине, а в поэме неспособность к лицемерию демонстрирует героиня. Получается, что в одном случае «я не лицемерю, потому что ты — ангел», а в другом случае «ты не лицемеришь, потому что ты — ангел». В одном случае лицемерить по отношению к тебе — грех, в другом случае — ты не лицемеришь, ты не можешь совершить греховный поступок.

В III редакции «Демона» мотив слезы получает дополнительные реминисцентные источники из стихотворений 1831 года: «Отрывок» (Три ночи я провел без сна — в тоске): *«То обожженные моей слезой...»* (Михаил Лермонтов. Собрание сочинений. Т. 1. 1961. С. 256), «Видение»: *«Отчаянья свинцовая слеза»* (Там же, с. 211), К*** (Всевышний произнес свой приговор): *«Но отгадать не мог я тоже, Что всех моих надежд*

и мук и слез Веселый миг тебе дороже!» (Там же, с. 197–198), «Чаша жизни»: *«Мы пьем из чаши бытия / С закрытыми очами, Златые омочив края Своими же слезами»* (Там же, с. 214), «Стансы. К Д***» (Я не могу ни произнести): *«Я видел их! и был вполне Счастлив — пока слеза капала»* (Там же, с. 241).

Реминисценции в ранних редакциях поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» свидетельствуют о поэтических традициях В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, нашедших отражение в лермонтовском произведении. Инвариантный комплекс приемов воплощения образов ангела и демона, используемый предшественниками Лермонтова, оказал влияние и на его творчество. Три первых варианта лермонтовского произведения испытали воздействие произведений в жанре романтической поэмы или повести у Жуковского и Пушкина и внежанровых стихотворений, традиционно именуемых элегиями у В. А. Жуковского. Интерес к внежанровым стихотворениям не случаен и чрезвычайно продуктивен, так как они включают в себя и лирическое, и эпическое, и драматическое начало.

Автореминисценции демонстрируют в названных редакциях влияние только лирического и драматического творчества самого Лермонтова на ранние редакции его поэмы. Тем самым создатель «Демона» привлекает внимание не только к логике творчества Жуковского или Пушкина, но и всей русской литературы этого периода в целом.

Библиографический список

Акимова Е. А., Ермоленко С. И. Феномен «самоповторений» в творчестве М. Ю. Лермонтова: к проблеме изучения // Филологический класс. 2017. № 3 (49).

Аринштейн Л. М. Реминисценции и автореминисценции в системе лермонтовской поэтики // Лермонтовский сборник. Л., 1985.

Багрий А. В. М. Ю. Лермонтов в юбилейной литературе 1914 года: Библиографический обзор с указателем. Петроград, 1915.

Благой Д. Д. «Бездна пространства» (О некоторых художественных приемах Пушкина) // Проблемы теории и истории литературы : сб. ст. М., 1971.

Благой Д. Д. Лермонтов и Пушкин (Проблема историко-литературной преемственности) // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. М., 1941. Сб. 1.

Борисова И. М. О композиционных функциях графических формантов в поэме М. Ю. Лермонтова «Демон» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 11.

Гинзбург Л. Я. Творческий путь Лермонтова. Л., 1940.

Гребнева М. П. Виды эквивалентов текста в редакциях поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» // Культура и текст. 2022. № 1.

Гребнева М. П. О роли скрытых эквивалентов текста в редакциях поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» // Филология и человек. 2021. № 4.

Гребнева М. П. Поэтика демонической темы в романе М. Ю. Лермонтова «Вадим» // Филология и человек. 2017. № 1.

Гребнева М. П. Пушкинский замысел о влюбленном бесе: сквозной образ и жанровая тенденция // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и техники : сб. науч. ст. Барнаул, 2018.

Гребнева М. П., Николаева О. Е. Динамика образа главного героя в редакциях (первой, третьей и шестой) поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 4 (35).

Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965.

Дурылин С. Н. Как работал Лермонтов. М., 1934.

Ефимова М. Т. Традиции Пушкина в реалистических поэмах Лермонтова // Пушкинский сборник. Псков, 1962.

Журавлев М. С. Существующие трактовки поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» // Вопросы русской литературы. 2019. № 1.

Закруткин В. Пушкин и Лермонтов. Исследования и статьи. Ростов н/Д., 1941.

Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6.

Лебедева О. Б. Жанровые функции автореминисценций в творчестве А. С. Пушкина первой половины 1820-х гг. // Проблемы метода и жанра. Томск, 1990. Вып. 16.

Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.

Медведева И. Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941.

Паперный В. Сюжеты Лермонтова в типологической перспективе // Мир Лермонтова. СПб., 2015.

Подгаецкая И. Ю. «Свое» и «чужое» в поэтическом стиле (Жуковский — Лермонтов — Тютчев) // Смена литературных стилей (на материале русской литературы XIX–XX веков). М., 1974.

Семенко И. Жизнь и поэзия Жуковского. М., 1975.

Словарь поэтических терминов. М., 1940.

Томашевский Б. В. Работы разных лет. М., 1990.

Хализев В. Е. Теория литературы. М., 2000.

Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина. Кн. 1. Л., 1924.

Штайн К. Э., Петренко Д. И. Графическая фактура прозаического и поэтического текста М. Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследования о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова. М., 2016. Т. 2.

Эйхенбаум Б. М. О литературе: работы разных лет. М., 1987.

Янушкевич А. С. *Философия и поэтика лермонтовского палимсеста* // Мир Лермонтова. СПб., 2015.

Источники

Жуковский В. А. *Собрание сочинений*: в 3-х т. Т. 1. М., 1980.

Жуковский В. А. *Собрание сочинений*: в 3-х т. Т. 2. М., 1980.

Лермонтов М. Ю. *Собрание сочинений*: в 4-х т. Т. 1. М.-Л., 1961.

Лермонтов М. Ю. *Собрание сочинений*: в 4-х т. Т. 2. М.-Л., 1962.

Лермонтов М. Ю. *Собрание сочинений*: в 4-х т. Т. 3. М.-Л., 1962.

Пушкин А. С. *Собрание сочинений*: в 10-ти т. Т. 1. М., 1974.

References

Akimova E. A., Ermolenko S. I. *Fenomen "samopovtoreniy" v tvorchestve M. Yu. Lermontova: k probleme izucheniya*. [The phenomenon of "self-repetitions" in the work of M. Yu. Lermontov: to the problem of studying]. In: *Filologicheskii klass*. [Philological class.]. 2017. No. 3 (49).

Arinshteyn L. M. *Reministsentsii i avtoreministsentsii v sisteme lermontovskoy poetiki*. [Reminiscences and auto-reminiscences in the system of Lermontov's poetics]. In: *Lermontovskiy sbornik*. [Lermontov's collection]. Leningrad, 1985.

Bagriy A. V. M. Yu. *Lermontov v yubileynoy literature 1914 goda: Bibliograficheskiy obzor s ukazatelem*. [Lermontov in the Jubilee Literature of 1914: A Bibliographic Review with an Index]. Petrograd, 1915.

Blagoy D. D. *"Bezdna prostranstva" (O nekotorykh khudozhestvaennykh priemakh Pushkina)*. ["The Abyss of Space" (On Some of Pushkin's Artistic Techniques)]. In: *Problemy teorii i istorii literatury*. [Problems of Theory and History of Literature]. Moscow, 1971.

Blagoy D. D. *Lermontov i Pushkin. (Problema istoriko-literaturnoy preemstvennosti)* [Lermontov and Pushkin (The problem of historical and literary continuity)]. In: *Zhizn' i tvorchestvo M. Yu. Lermontova*. [Life and work of M. Yu. Lermontov]. Moscow, 1941.

Borisova I. M. *O kompozitsionnykh funktsiyakh graficheskikh formantov v poeme M. Yu. Lermontova "Demon"*. [On the compositional functions of graphic formants in the poem by M. Yu. Lermontov "Demon"]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Orenburg State University]. 2014. No. 11.

Ginzburg L. Ya. *Tvorcheskiy put' Lermontova*. [The creative path of Lermontov]. Leningrad, 1940.

Grebneva M. P. *Vidy ekvivalentov teksta v redaktsiyakh poemy M. Yu. Lermontova "Demon"*. [Types of text equivalents in the editions of the poem by M. Yu. Lermontov "Demon"]. In: *Kul'tura i teks*. [Culture and text]. 2022. No. 1.

Grebneva M. P. *O roli skrytykh ekvivalentov teksta v redaktsiyakh poemy M. Yu. Lermontova "Demon"*. [On the role of hidden text equivalents in the editions of the poem by M. Yu. Lermontov "Demon"]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2021. No. 4.

Grebneva M. P. *Poetika demonicheskoy temy v romane M. Yu. Lermontova "Vadim"*. [The poetics of the demonic theme in the novel by M. Yu. Lermontov "Vadim"]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & man]. 2017. No. 1.

Grebneva M. P. *Pushkinskiy zamysel o vlyublennom bese: skvoznoy obraz i zhanrovaya tendentsiya*. [Pushkin's idea of a demon in love: a cross-cutting image and a genre trend]. In: *Lomonosovskie chteniya na Altae: fundamental'nye problemy nauki i tekhniki*. [Lomonosov Readings in Altai: Fundamental Problems of Science and Technology: Sat. Art.]. Barnaul, 2018.

Grebneva M. P., Nikolaeva O. E. *Dinamika obraza glavnogo geroya v redaktsiyakh (pervoy, tret'ey i shestoy) poemy M. Yu. Lermontova "Demon"*. [The dynamics of the image of the protagonist in the editions (first, third and sixth) of the poem by M. Yu. Lermontov "Demon"]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*. [Topical issues of modern philology and journalism]. 2019. No. 4 (35).

Gukovskiy G. A. *Pushkin i russkie romantiki*. [Pushkin and Russian Romantics]. Moscow, 1965.

Durylin S. N. *Kak rabotal Lermontov*. [How Lermontov worked]. Moscow, 1934.

Efimova M. T. *Traditsii Pushkina v realisticheskikh poemakh Lermontova*. [Pushkin's traditions in Lermontov's realistic poems]. In: *Pushkinskiy sbornik*. [Pushkin collection]. Pskov, 1962.

Zhuravlev M. S. *Sushchestvuyushchie traktovki poemy M. Yu. Lermontova "Demon"*. [Existing interpretations of the poem by M. Yu. Lermontov "Demon"]. In: *Voprosy russkoy literatury*. [Questions of Russian literature]. 2019. No. 1.

Zakrutkin V. *Pushkin i Lermontov. Issledovaniya i stat'i*. [Pushkin and Lermontov. Research and articles]. Rostov-on-Donu, 1941.

Kratkaya literaturnaya entsiklopediya. [Brief literary encyclopedia]. Moscow, 1971. Vol. 6.

Lebedeva O. B. *Zhanrovye funktsii avtoreministsentsiy v tvorchestve A. S. Pushkina pervoy poloviny 1820-kh gg.* [Genre functions of autoreminiscences in the work of A. S. Pushkin in the first half of the 1820s.]. In: *Problemy metoda i zhanra*. [Problems of method and genre]. Tomsk, 1990. Iss. 16.

Lermontovskaya entsiklopediya. [Lermontov Encyclopedia]. Moscow, 1981.

Medvedeva I. *Pushkinskaya elegiya 1820-kh godov i "Demon"*. [Pushkin's elegy of the 1820s and "Demon"]. In: *Pushkin. Vremennik Pushkinskoy komissii*. [Pushkin. Vremennik of the Pushkin Commission]. Moscow-Leningrad, 1941.

Papernyy V. *Syuzhety Lermontova v tipologicheskoy perspective*. [Plots of Lermontov in a typological perspective]. In: *Mir Lermontova*. [World of Lermontov]. St. Petersburg, 2015.

Podgaetskaya I. Yu. "Svoe" i "chuzhoe" v poeticheskom stile (Zhukovskiy — Lermontov — Tyutchev). ["Own" and "alien" in poetic style (Zhukovsky — Lermontov — Tyutchev)]. In: *Smena literaturnykh stiley (na materiale russkoy literatury XIX–XX vekov)*. [Change of literary styles (based on Russian literature of the 19th — 20th centuries)]. Moscow, 1974.

Semenko I. *Zhizn' i poeziya Zhukovskogo*. [Life and poetry of Zhukovsky]. Moscow, 1975.

Slovar' poeticheskikh terminov. [Dictionary of poetic terms]. Moscow, 1940.

Tomashevskiy B. V. *Raboty raznykh let*. [Works of different years]. Moscow, 1990.

Khalizev V. E. *Teoriya literatury*. [Theory of Literature]. Moscow, 2000.

Khodasevich V. *Poeticheskoe khozyaystvo Pushkina*. [Pushkin's poetic economy]. Book. 1. Leningrad, 1924.

Shtayn K. E., Petrenko D. I. *Graficheskaya faktura prozaicheskogo i poeticheskogo teksta M. Yu. Lermontova*. [Graphic texture of prosaic and poetic text by M. Yu. Lermontov]. In: *Lermontovskiy tekst: Stavropol'skie issledovaniya o zhizni i tvorchestve M. Yu. Lermontova*. [Lermontov text: Stavropol studies about the life and work of M. Yu. Lermontov]. Moscow, 2016. Vol. 2.

Eykhensbaum B. M. *O literature: raboty raznykh let*. [About literature: works of different years]. Moscow, 1987.

Yanushkevich A. S. *Filosofiya i poetika lermontovskogo palimpsesta*. [Philosophy and poetics of Lermontov's palimpsest]. In: *Mir Lermontova*. [World of Lermontov]. St. Petersburg, 2015.

List of sources

Zhukovskiy V. A. *Sobraniye sochineniy*. [Collected Works]. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, 1980.

Zhukovskiy V. A. *Sobraniye sochineniy*. [Collected Works]. In 3 vols. Vol. 2. Moscow, 1980.

Lermontov M. Yu. *Sobraniye sochineniy*. [Collected works]: In 4 volumes. Vol. 1. Moscow-Leningrad, 1961.

Lermontov M. Yu. *Sobraniye sochineniy*. [Collected works]: In 4 volumes. Vol. 2. Moscow-Leningrad, 1962.

Lermontov M. Yu. *Sobraniye sochineniy*. [Collected works]: In 4 volumes. Vol. 3. Moscow-Leningrad, 1962.

Pushkin A. S. *Sobraniye sochineniy*. [Collected Works: In 10 vols. Vol. 1. Moscow, 1974.

ОБРАЗЫ ЭПОХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРИОДОВ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА. ОСНОВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

В. В. Десятов

Ключевые слова: темы-доминанты, действия, виды деятельности, литературоведение, культурология, семиотика.

Keywords: dominant themes, actions, types of activities, literary studies, culturology, semiotics.

DOI: 10.14258/filichel (2023)3–02

Каждый из ряда периодов отечественной истории XX столетия репрезентируется в культуре тем или иным действием, видом деятельности, которые можно назвать основными, наиболее для данного периода характерными, выражающими дух времени. Поскольку российская цивилизация в XX веке продолжала оставаться литературоцентричной, большинство приводимых ниже примеров взяты из художественной литературы.

Первый период начинается на рубеже XIX–XX веков и продолжается до 1913 года включительно. Это период *танца* в русской культуре. Париж, культурную столицу Европы, покоряет русский балет, представленный такими известными именами, как Михаил Фокин, Анна Павлова, Тамара Карсавина, Вацлав Нижинский, Ида Рубинштейн и др. Но танцевали тогда не только профессионалы. Своими плясками был, например, славен Григорий Распутин — одна из центральных, эмблематичных фигур той эпохи. *«Его особенная манера танцевать напоминала о хлыстовских радениях с их кружениями; вертясь, Распутин мог соревноваться с профессионалами из Императорского балета»* [Эткинд, 1998, с. 589]. По воспоминанию Е. Джанумовой, *«он плясал с какой-то дикой страстью <...> Ноги <...> носились с легкостью и быстротой поразительной»* [Там же]. Многие современники вспоминали о необычных танцах Андрея Белого. В рассказе И. Бунина «Чистый понедельник» говорится, что свою лекцию Андрей Белый пел, *«бегая и танцуя на эстраде»* (Иван Бунин. Чистый понедельник. 1982. С. 463). А в стихотворении самого Андрея Белого «Веселье на Руси» в пляс идут даже представители церкви: *«Дьякон, писарь, поп, дьячок / Повалили на лужок. <...> / Трепаком-наком размашисто пошли: — / Трепаком, душа, ходи-валяй-вали: // Тре-*

пака да на лугах, / Да на межах, да во лесах — / Да обрабатывай!» (Андрей Белый. *Веселье на Руси*. 1990. С. 102, 103).

На «башне» у Вячеслава Иванова устраивались, по свидетельству Николая Бердяева, некие хоробы с участием крупнейших мыслителей и писателей. Вячеслав Иванов был, вероятно, самым последовательным, но далеко не единственным популяризатором в России ницшеанского «дионисийства» с его экстатическим танцем. Иннокентий Анненский, который перевел на русский язык трагедию Еврипида «Вакханки», в статье «Дионис в легенде и культе» писал о «*томительных плясках, кружении (раденье), бегах, диких завываниях, опьяняющем шуме флейт, <...> хмельных напитков*» (цит. по: [Розенталь, Фоули, 1993, с. 20]). Фридрих Ницше, призывавший танцевать головой, был самым влиятельным мыслителем. В интересных книгах Ирины Сироткиной «Шестое чувство авангарда. Танец, движения, кинестезия в жизни поэтов и художников» [Сироткина, 2016], «Свободный танец в России» [Сироткина, 2021] речь идет о «*танцевализации*» жизни (название одного из разделов второй монографии), уделяется внимание многочисленным кружкам и студиям, в которых танец играл основную или немаловажную роль.

Необходимо, однако, внести уточнение, обозначив особенность, которая мало интересует И. Сироткину. В литературе и театре Серебряного века танец амбивалентен: часто связан не только с эросом, но и с танатосом. Как правило, изображался танец опасный, пугающий, зловещий, данс макабр, пляска на шабаше. Приведем несколько примеров из самых известных, знаковых произведений Серебряного века.

Роман Федора Сологуба «Мелкий бес»: «*О, смертная тоска! О, милая, старая русская песня или и подлинно ты умираешь?..*

Вдруг Дарья вскочила, подбоченилась и начала выкрикивать веселую частушку, с плясом и прицелкиваньем пальцами: Уходи-т-ка, парень, прочь, — / Я разбойницкая дочь. / Наплевать, что ты пригож, — / Я всажу те в брюхо нож. / Мне не надо мужика, — / Полюблю я босяка.

Дарья пела и плясала, и глаза ее, неподвижные на лице, вращались за ее кружением, подобно кругам мертвой луны. <...> вмиг все четыре сестры закружились в неистовом радении, внезапно объятые шальной пошавою, горланя за Дарьею глупые слова новых да новых частушек, одна другой нелепее и бойчее. Сестры были молоды, красивы, голоса их звучали звонко и дико — ведьмы на Лысой горе позавидовали бы этому хорободу» (Федор Сологуб. *Мелкий бес*. 1991. С. 135).

Сцена шабаша в романе Валерия Брюсова «Огненный ангел»: «*Одна из голых ведьм, ведших меня, приняла во мне особое участие и не захотела покинуть, когда другие, втащив меня в толпу, разбежались в сторо-*

ны. Лицо ее привлекало веселостью и задорностью, а молодое тело, хотя и с повисшими грудями, казалось еще свежим и чувствительным. Она крепко держала меня за руку и льнула ко мне, сообщила, что на ночных собраниях зовут ее Сарраской¹, и уговаривала: „Пойдем плясать”, — я же не видел причины отказать ей. Тем временем в толпе раздались крики: „Хоровод! Хоровод!” <...> послышались звуки музыки, — флейты, скрипки и барабана, — и началась дьявольская пляска, становившаяся с каждой минутой все более быстрой, сначала напоминавшая испанский танец *de espadas*² или сарабанду, а потом не похожая ни на что» (Валерий Брюсов. Огненный ангел. 1993. С. 99).

В «Чистом понедельнике» Бунина (где «Огненный ангел» Брюсова упоминается) на шабаш похож театральный «капустник», разыгрываемый именно в чистый понедельник. Участники «капустника» вначале танцуют «отчаянный канкан», а затем польку: «Потом захрипела, засвистала и загремела, вприпрыжку затопала полькой шарманка — и к нам, скользя, подлетел маленький, вечно куда-то спешащий и смеющийся Сулержицкий <...> он, задрав голову, кричал козлом:

Пойдем, пойдем поскорее

С тобой польку танцевать!» (Иван Бунин. Чистый понедельник. 1982. С. 470, 471). Рассказ датирован 1944 годом, но действие происходит накануне и во время начала Первой мировой войны.

Предпоследнее четверостишие пьесы Александра Блока «Балаганчик»: «Она лежала ничком и бела. / Ах, наша пляска была весела! / А встать она уж никак не могла. / Она картонной невестой была» (Александр Блок. Балаганчик. 1981. Т. 3. С. 20).

Последняя реплика и фрагмент финальной авторской ремарки пьесы Леонида Андреева «Жизнь Человека»: «— Тише! Человек умер!

Молчание, тишина. Медленно густеет сумрак, но еще видны мышинные фигуры насторожившихся Старух. Вот тихо и безмолвно они начинают кружиться вокруг мертвеца, потом начинают тихо напевать — начинают играть музыканты. Сумрак густеет, и все громче становится музыка и пение, все безудержнее дикий танец. Уже не танцуют, а бешено носятся они вокруг мертвеца, топая ногами, визжа, смеясь непрерывно диким смехом» (Леонид Андреев. Жизнь Человека. 1990. С. 490).

Финал процитированного выше стихотворения Андрея Белого: «Над страной моей родною / Встала Смерть» (Андрей Белый. Веселье на Руси. 1990. С. 104). Автор включил стихотворение в сборник «Пепел».

¹ Сарацинка, т. е. арабка (от арабск. *Sārḡīn* — восточные, т. е. арабы).

² Танец со шпагами (исп.)

Популярным персонажем декадентского искусства в Европе и в России была библейская Саломея. «<В> 1908 году Ида Рубинштейн, ученица хореографа Михаила Фокина, исполнила на одном закрытом представлении пляску Саломеи, как она была описана в пьесе Оскара Уайльда: для того чтобы воспроизвести танец семи покрывал, она полностью разделась» [Нежинская, 2018, с. 230]. Поставить спектакль по пьесе Уайльда «Саломея» российская цензура не разрешила. «Но танец с семью покрывалами, поставленный Фокиным для Рубинштейн, перекочевал в „Ночь Клеопатры“ в 1909 г., как и сам костюм Саломеи» [Матич, 2004, с. 93]. Переход танца из одного представления в другое стал возможен, очевидно, благодаря сходству главных героинь: Саломея и Клеопатра — два архетипа популярного на рубеже веков типа *femme fatale*, роковой женщины. Костюм Саломеи рисовал Лев Бакст. Валентин Серов, напротив, изобразил Иду Рубинштейн, исполнявшую роли Саломеи и Клеопатры, обнаженной.

Саломея не раз появляется в поэзии Александра Блока («Венечия», «Антверпен», «Возмездие»). В Прологе к поэме «Возмездие» сближаются образы библейского пророка и поэта: «Но песня — песней все пребудет, / В толпе все кто-нибудь поет. / Вот — голову его на блюде / Царю плясунья подает» (Александр Блок. Возмездие. 1981. Т. 2. С. 275).

К этому же библейскому сюжету обращался Владимир Маяковский: «Тысячу раз опляшет Иродиадой / солнце землю — / голову Крестителя. // И когда мое количество лет / выпляшет до конца — / миллионом кровинок устелется след / к дому моего отца» (Владимир Маяковский. Облако в штанах. 1982. Т. 2. С. 41).

Со смертью ассоциируется танец и в ранних стихах Анны Ахматовой: «Меня покинул в новолунье / Мой друг любимый. Ну так что ж! / Шутит: „Канатная плясунья!/Как ты до мая доживешь?“ // <...> Пусть страшен путь мой, пусть опасен, / Еще страшнее путь тоски...» (Анна Ахматова. Меня покинул в новолунье... 1990. С. 42–43). Известное стихотворение о кабаре «Бродячая собака» заканчивается предсказанием: «А та, что сейчас танцует, / Непременно будет в аду» (Анна Ахматова. Все мы бражники здесь, блудницы... 1990. С. 48).

Столь прочная ассоциативная связь двух тем объясняется, во-первых, своеобразием Серебряного века, парадоксально сочетавшего элементы русского культурного ренессанса и общеевропейского декаданса, который воспевал влечение к смерти. Во-вторых — ощущением социально-политического неблагополучия: многие из процитированных произведений создавались во время и после первой революции, а «Облако в штанах» — уже во время Первой мировой войны. Уайльдовская же

«Саломея» была поставлена в Петербурге и Москве после Февральской революции.

Точкой отсчета для **второго периода** становится 1914 год, который был, по мнению Анны Ахматовой, началом не календарного, а настоящего XX века. Заканчивается второй период приблизительно в 1921-м и может быть определен как период **войны** — вначале Первой мировой, затем гражданской. Литературные произведения об этих войнах хорошо известны. О Первой мировой: сборник стихотворений Николая Гумилева «Колчан» (1915), поэма Владимира Маяковского «Война и мир» (1916), стихотворение Осипа Мандельштама «Зверинец» (1916). «*Мы для войны построим клеть <...>*», — надеялся поэт-акмеист (Осип Мандельштам. Зверинец, 2009. С. 91). Финал «Зверинца» интересен для нас сочетанием тем войны и танца — два основных вида деятельности двух периодов начала XX века здесь противопоставляются: «*В зверинце заперев зверей, / Мы успокоимся надолго, / И станет полноводней Волга, / И рейнская струя светлей — / И умудренный человек / Почтит невольно чужестранца, / Как полубога, буйством танца / На берегах великих рек*» (Там же). Произведения о гражданской войне: «Конармия» И. Бабеля, «Чапаев» Д. Фурманова, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Вечер у Клэр» Г. Газданова и др.

Третий период, 1920-е и первая половина 1930-х годов, был периодом **труда**, часто — **строительства**. О стройках, о создании нового мира рассказывали многие литературные произведения конца 1920-х — начала 1930-х годов: «Зависть» Ю. Олеши, «Соть» Л. Леонова, «Котлован» А. Платонова, «Время, вперед!» В. Катаева, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова (строительство Турксиба), поэзия В. Маяковского — например, знаменитый рефрен в стихотворении 1929 года: «*Через четыре / года / здесь / будет / городсад!*» (Владимир Маяковский. Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка. 1982. Т. 1. С. 485).

Заметим, что культ труда в таком масштабе возникает в русской литературе впервые. Своего апогея, скорее даже гротескного предела, культ труда достигает в рассказе А. Беляева о профессоре Иване Степановиче Вагнере. Первый рассказ беляевского цикла «Творимые легенды и апокрифы» (1929) называется «Человек, который не спит»: «*Оказывается, профессор Вагнер изобрел средство от усталости, а также средство против сна; сон же, по словам профессора, представляет собой болезнь. Вагнер поставил себе задачей охватить большее количество знаний, чем то, которое может вместить человеческий мозг. И профессор добился этого благодаря тому, что, не нуждаясь в отдыхе и сне, мог работать по-*

чти двадцать четыре часа в сутки. Кроме того, путем тренировки он выработал способность думать обеими половинками мозга независимо одна от другой. Его глаза двигались также независимо один от другого, и Вагнер мог, таким образом, наблюдать за несколькими явлениями сразу. Он мог писать одновременно левой и правой рукой...» (Александр Беляев. Творимые легенды и апокрифы. 2022. С. 144–145).

Историко-культурную перспективу задает соотношение тем труда и танца, появляющееся в двух, как минимум, известных футурологических произведениях 1920-х годов. Главный герой-повествователь замятинского романа-антиутопии «Мы» Д-503 смотрит на работающие станки: *«Я вдруг увидел всю красоту этого грандиозного машинного ба-лета, залитого легким голубым солнцем. И дальше — сам с собою: почему — красиво? Почему танец — красиво? Ответ: потому что это несвободное движение, потому что весь глубокий смысл танца именно в абсолютной, эстетической подчиненности, идеальной несвободе. И если верно, что наши предки отдавались танцу в самые вдохновенные моменты своей жизни (религиозные мистерии, военные парады), то это значит только одно: инстинкт несвободы издревле органически присущ человеку, и мы, в теперешней нашей жизни только сознательно...»* (Евгений Замятин. Мы. 1988. С. 11). В сознании Д-503, гражданина тоталитарного государства, экстатический, несущий освобождение дионисийский танец ничем не отличается от военного парада и работы механических станков. В искусстве авангарда само понимание танца радикально меняется: танец «тейлоризируется»³, возникает даже понятие «танцы машин».

Как труд понимают танец и люди коммунистического будущего, изображенного В. Маяковским в футурологической пьесе «Клоп»:

«Присыпкин. Что ж это? За что мы старались, кровь проливали, когда мне, гегемону, значит, в своем обществе в новоизученном танце и ра-станцеваться нельзя? <...>

Зоя Березкина. Я возьму тебя завтра на танец десяти тысяч рабочих и работниц, будут двигаться по площади. Это будет веселая репетиция новой системы полевых работ» (Владимир Маяковский. Клоп. 1982. Т. 2. С. 481–482).

Обозначим далее тезисно репрезентативные виды деятельности для последующих периодов российской истории XX столетия.

Вторая половина 1930-х годов, **четвертый период**, — время массового **террора**. В. Набоков в романе «Приглашение на казнь» (1935–1936) обращается к теме репрессий в тоталитарном государстве еще до начала

³ У. Ф. Тейлор — американский инженер, основоположник научной организации труда.

массового террора в СССР, а непосредственной реакцией на репрессии станут произведения Анны Ахматовой («Реквием»), Варлама Шаламова («Колымские рассказы»), Евгении Гинзбург («Крутой маршрут») и другие — опубликованные, по понятным причинам, позднее.

Пятый период: 1941–1956. Вновь **война и террор**. Репрезентативные произведения — поэма Александра Твардовского «Василий Теркин», повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда», пьеса Евгения Шварца «Дракон», окопная поэзия, рассказ М. Шолохова «Судьба человека». Для тех, кто побывал в немецком плену, послевоенный период стал годами выживания в лагерях уже советских. Представление об этом выживании дает лагерная проза Александра Солженицына, который, как известно, в плену не был, но в ГУЛАГ все же попал.

Шестой период: 1957–1968. Основные действия — **пение и полет**. Значение песни возрастает, что обусловлено возникновением в период «оттепели» магнитиздата как формы самиздата. С появлением магнитофонов резко увеличилось пространство свободы советского человека. 1957 годом датированы песни Б. Окуджавы, с которых началась его популярность: «Полночный троллейбус», «Сентиментальный марш», «Песенка о солдатских сапогах». Авторская песня (Б. Окуджава, В. Высоцкий, Ю. Кукин, Ю. Визбор, А. Галич, Ю. Ким) становится народной.

Тема полета в те годы понятна каждому: в 1957 году запущен первый искусственный спутник Земли, в 1961 году в космос отправился первый человек. Фильм А. Тарковского «Андрей Рублев» (1966) начинается с полета, и он становится в дальнейшем сквозным мотивом творчества кинорежиссера. Значимым в ту эпоху был не только физический полет как таковой, но и полет фантазии, ведь в 1961 году, через полгода после вдохновляющего взлета Ю. Гагарина, на XXII съезде КПСС принята программа построения коммунизма. В конце 1950-х и в 1960-е годы появляются фантастические книги, совмещающие изображение коммунистического общества будущего и далеких космических путешествий: роман И. Ефремова «Туманность Андромеды» (1957), произведения братьев Стругацких «Путь на Амальтею», «Стажеры», а также «Полдень, XXII век» — нескудная утопия о жизни в светлом коммунистическом завтра и о покорении космоса.

Седьмой период — 1970-е годы. Впрочем, «семидесятые» начинаются не точно по календарю, а в 1968-м, когда у отечественной интеллигенции после ввода советских войск в Прагу пропадают последние иллюзии относительно «оттепели». Основной способ времяпрепровождения человека в художественных текстах семидесятых — **питие**. Начало нового периода было ознаменовано пьесой А. Вампилова «Утиная

охота» (1968). Ее главный герой Виктор Зилон — человек без иллюзий и без идеалов (если не считать самой утиной охоты, на которую он стремится, но так и не попадает), человек постоянно пьющий. Другие произведения алкогольной тематики, написанные в те годы, — популярная в самиздате поэма Вен. Ерофеева «Москва — Петушки», хиты В. Высоцкого «Милицейский протокол» («Считай по-нашему, мы выпили немного...») и «Диалог у телевизора», повесть для театра «А поутру они проснулись...» В. Шукшина (действие которой разворачивается в вытрезвителе), его же повесть-сказка «До третьих петухов», где изображен спивающийся медведь. Самым популярным телефильмом 1970-х была комедия Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром».

Восьмой период — 1980-е (начиная, пожалуй, с 1979 г.). Темой-доминантой становится сравнительно новая для русской литературы, но громко заявившая о себе в восьмидесятые годы тема **секса**. В 1979 году в Париже публикуется скандальный роман Э. Лимонова «Это я, Эдичка». В 1981 году В. Аксенов издает в США роман «Остров Крым», включающий откровенные сцены. Оба романа к тому же содержат обсценную лексику. В Советском Союзе в 1981 году выходит — благодаря магнитиздату — музыкальный альбом «Треугольник», который принес широкую известность группе «Аквариум». Особенно популярными становятся иронические песни Б. Гребенщикова «Старик Козлодоев» и «Мочалкин блюз». В 1984 году на французском языке публикуется роман С. Юрьенена «Вольный стрелок», ставший заметным событием в литературной жизни Франции. Саша Соколов в 1985 году издает «Палисандрию» — пародийную реакцию в том числе на «Лолиту» В. Набокова и на книгу Э. Лимонова. В годы горбачевской «перестройки» в СССР издаются роман Вик. Ерофеева «Русская красавица», повесть Ю. Полякова «Апофегей», роман С. Юрьенена «Сделай мне больно». Среди кинохитов конца восьмидесятых — «Маленькая Вера» В. Пичула и «Интердевочка» П. Тодоровского.

Последний, **девятый период**, — 1990-е годы. Основное действие — **разбой**. Б. Гребенщиков в 1992 году выпускает «Русский альбом», который записан уже не группой «Аквариум», а группой «БГ-бэнд». Причем «БГ» расшифровывается не как «Борис Гребенщиков», а как «*Беспреддел Гарантирован*» (Борис Гребенщиков. Краткий отчет... 1997. С. 541). И одна из песен «Русского альбома» называется «Кони Беспредела». В этом контексте слово «бэнд» явно созвучно слову «банда». Юрий Шевчук еще в 1989 году написал песню «Родина» с рефреном-обращением «*Эй, начальник!*». Самые известные писатели 1990-х годов Виктор Пелевин и Борис Акунин тоже осваивают лексикон «братков». В одной из глав

пелевинского романа «Чапаев и Пустота» (1996) «братки» (они же — «быки») разговаривают на своем сленге о религиозных и метафизических вопросах. Такая же лексика используется Пелевиным в рассказе «Святочный киберпанк...», изображающем мэра-бандита. Борис Акунин прибегает к этому сленгу в романе «Алтын-толобас» (2000). Стоит отметить, что и сам японский псевдоним Григория Чхартишвили манифестирует интерес писателя к личности, психологии, этике преступника, «злого человека» (так приблизительно переводится с японского слово «акунин»). В романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) даже элитарий умственного труда становится убийцей. Самый известный телефильм о девяностых — «Бригада» А. Сидорова (2002).

Итак, образы различных исторических периодов и эпох определяются темами-доминантами, утвердившимися в искусстве и ставшими (в семиотическом аспекте исследования) символами того или иного времени. Избранный подход позволяет обнаружить достаточно интенсивную культурно-историческую динамику. Художественная культура России была нацелена на выявление новых процессов в социальной и частной жизни, повторы (война, террор) носили вынужденный характер. Быстрые перемены в истории и культуре разрушают стереотипные представления о русском человеке как Обломове или впадшем в зимнюю спячку медведе. Почти круглосуточная работа беляевского профессора Вагнера делает этого героя своеобразным антиподом Обломова. Впрочем, и понятие «обломовщина» возникло в России не на пустом месте, оно взяло реванш во время «застоя» (седьмой период). Семидесятые годы можно рассматривать и как «отдых» после предыдущего периода, в котором совмещение новых тем-доминант (пение, полет) отвечало интенсивности социального, культурного и технического развития. В целом русское искусство XX века стало отражением не только человеческой деятельности, но и стремительной смены различных ее видов.

Деятельность нескольких периодов связана с философией Ф. Ницше: периодов танца, войны, а также разбоя (образы бандитов-нищанцев в романах В. Пелевина «Чапаев и Пустота», «Generation П»). Период труда — с философией К. Маркса. Оба немецких мыслителя не были классическими философами-созерцателями, призывали к изменению реальности.

Первый период свидетельствует о том, что в фокусе внимания представителей искусства было само искусство (танец). Затем фокус перемещается на социальные процессы (война, труд, террор, полет). Долгий закат советской цивилизации (семидесятые и восьмидесятые годы) отмечен вниманием художников к частной жизни человека.

Библиографический список

Матич О. Покровы Саломей: эрос, смерть и история // Эротизм без границ : сборник статей и материалов. М., 2004.

Нежинская Р. Саломея. Образ роковой женщины, которой не было. М., 2018.

Розенталь Ш., Фоули Х. Символический аспект романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб., 1993.

Сироткина И. Шестое чувство авангарда. Танец, движения, кинестезия в жизни поэтов и художников. СПб., 2016.

Сироткина И. Свободный танец в России. История и философия. М., 2021.

Эткинд А. ХЛЫСТ. (Секты, литература и революция). М., 1998.

Источники

Андреев Л. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2. М., 1990.

Белый А. Сочинения : в 2-х т. Т. 1. М., 1990.

Блок А. Собрание сочинений : в 6 т. Л., 1981.

Бунин И. А. Сочинения : в 3-х т. Т. 3. М., 1982.

Брюсов В. Я. Огненный ангел. М., 1993.

Гребенщиков Б. Краткий отчет о 16-ти годах звукозаписи // БГ. Песни. Тверь, 1997.

Замятин Е. Сочинения. М., 1988.

Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем : в 3-х т. Т. 1. М., 2009.

Маяковский В. В. Избранные сочинения : в 2-х т. М., 1982.

Сологуб Ф. Мелкий бес. Заклинательница змей. Рассказы. М., 1991.

References

Matich O. *Pokrovy Salomei: eros, smert' i istoriya*. [Veils of Salome: eros, death and history]. In: *Erotizm bez granits. Sbornik statey i materialov*. [Eroticism without borders. Collection of articles and materials]. Moscow, 2004.

Nezhinskaya R. *Salomeya. Obraz rokovoy zhenshchiny, kotoroy ne bylo*. [Salome. The image of femme fatale who didn't exist]. Moscow, 2018.

Rozenthal Ch., Foley H. *Simvolicheskiy aspekt romana F. Sologuba "Melkiy bes"*. [The symbolic aspect of the novel by Fyodor Sologub *A Minor Demon*]. In: *Russkaya literatura XX veka. Issledovaniya amerikanskikh uchenykh*. [Russian literature of the 20th century. The researches of American scientists]. St. Petersburg, 1993.

Sirotkina I. *Shestoe chuvstvo avangarda. Tanets, dvizheniya, kinesteziya v zhizni poetov i khudozhnikov*. [The sixth sense of avant-garde. Dance, motion, kinesthesia in the lives of poets and artists]. St. Petersburg, 2016.

Sirotkina I. *Svobodnyy tanets v Rossii. Istoriya i filosofiya*. [Free dance in Russia. History and philosophy]. Moscow, 2021.

Etkind A. *KhLYST (Sekty, literatura i revolyutsiya)*. [KhLYST (Sects, literature and revolution)]. Moscow, 1998.

List of sources

Andreev L. *Sobraniye sochineniy*. [Collected Works]. In 5 vols. (Vol. 2). Moscow, 1990.

Belyy A. *Sochineniya*. [Works]. In 2 vols. (Vol. 1). Moscow, 1990.

Blok A. *Sobraniye sochineniy*. [Collected Works]. In 6 vols. Leningrad, 1981.

Bunin I.A. *Sochineniya*. [Works]. In 3 vols. (Vol. 3). Moscow, 1982.

Bryusov V.Ya. *Ognennyy angel*. [Angel of Fire]. Moscow, 1993.

Grebenshchikov B. *Kratkiy otchet o 16-ti godakh zvukozapisi*. [Brief review of 16 years of sound recording] // BG. *Pesni* [Songs]. Tver, 1997. P. 494–527.

Zamyatin E. *Sochineniya*. [Works]. Moscow, 1988.

Mandel'shtam O. *Polnoe sobraniye sochineniy i pisem*. [Collected Works and Letters]. In 3 vols. (Vol. 1). Moscow, 2009.

Mayakovskiy V.V. *Izbrannyye sochineniya*. [Selected Works]. In 2 vols. Moscow, 1982.

Sologub F. *Melkiy bes. Zaklinatel'nitsa zmey. Rassказы*. [A Minor Demon. Snake Charmer. Short Stories]. Moscow, 1991.

ОБРАЗ ЦЕРКВИ И АРХИТЕКТУРНЫЙ ЭКФРАСИС В РАССКАЗАХ В. М. ШУКШИНА

Е. А. Московкина

Ключевые слова: экфрасис, В. М. Шукшин, церковь, архитектура, поэтика, интертекст.

Keywords: ekphrasis, V. M. Shukshin, church, architecture, poetics, intertext.

DOI: 10.14258/filichel (2023)3–03

В традиции интермедиальности архитектурный экфрасис всегда занимал одно из центральных мест¹. Здание, жилище, храм в культурной парадигме, как правило, обладают свойством совмещения декоративности (эстетическое оформление постройки служит средством сакрализации объекта, выполняет магическую охранительную функцию), повествовательности (архитектура нередко выступает как синтез искусств, генерирующих некое послание, текст²) и антропологичности (архитектурные образы часто подчеркнута индивидуализированы, наделяются портретными чертами и даже признаками характера³).

¹ К этому типу визуальной экфразы, как верно отмечает С. Стахорский, обращается уже Геродот, описывая египетские пирамиды и вавилонскую башню [Стахорский, 2019, с. 415; Геродот. История. I: 181; II: 124–137].

² Об этой особенности культовой архитектуры свидетельствуют метафоры В. Гюго: («гранитная книга») (Виктор Гюго. Собрание соч. Т. 1. 1988. С. 329); Н. В. Гоголя, («лепотись мира») (Николай Гоголь. Собрание соч. 1986. С. 77), адресованные зодчеству.

³ Так, дома в литературе и изобразительном искусстве часто корреспондируют с психологическим измерением их владельцев. Например, в жанровых картинах малых голландцев интерьер и экстерьер здания не уступает по значимости фигурам людей: по мысли Е. И. Ротенберга, «интерьерное» впечатление от работ Витте, Хооха всегда закрепляется «в ощущении целостности, неразрывного единства человека и его окружения» [Ротенберг, 1971]. Архитектурные стили, акцентированные в экфрасисе, по мнению Ю. Шалагиновой, Н. С. Бочкаревой, могут соотноситься с идейными предпочтениями героев и, соответственно, с разными сторонами конфликта в художественном произведении [Шалагинова, 2008, с. 197]; описание архитектуры, как правило, по справедливому замечанию Л. Проломовой, Н. С. Бочкаревой, «играет важную роль в создании ... хронотопа, эволюции главного героя и развитии сюжетного действия» [Проломова, 173]; наконец, архитектурная экфраза может дополнять литературный портрет героя: к примеру, в поэтике «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, как верно подчеркивает А. В. Воеводина, каждый значимый персонаж «окружен такой обстановкой, живет в таком доме, которые полностью отражают внутренний мир героя, его привычки и вкусы. Архитектурные образы в поэме, выполняя определенную функцию, дополняют образную характеристику персонажа» [Воеводина, 2017, с. 40].

В русской литературе дома, строения нередко образуют своего рода систему персонажей, которые составляют топос, выступающий в качестве самостоятельного дискурса (ср. inferнальный Петербург Н. В. Голяя, Ф. М. Достоевского, А. Белого; «провинциальная экзистенция» в архитектурной риторике так называемых «деревенщиков» 1960-1970-х годов, интернациональный Ташкент Дины Рубиной и т. п.). В «Некуда» Н. С. Лескова уютный московский ландшафт формируют выразительные персонифицированные фасады: *«На Чистых Прудах все дома имеют какую-то пытливую физиономию. Все они точно к чему-то прислушиваются и спрашивают: „что там такое?“»* (Николай Лесков. Собрание соч. Т. 2. 1956. С. 320). Мандельштам тоже видит лица и лики, а также поэтические, мелодические, живописные и пластические образы в имперской архитектуре Петербурга: *«— ... Слышите, как они поют? — Мандельштам указывает рукой на дворцы, тянущиеся длинным рядом по набережной. ... — вспоминает одну из прогулок с Мандельштамом И. Одоевцева. — Ведь у них у каждого свой собственный голос. И собственная мелодия. Да, лицо. Некоторые похожи на сборник стихов. Другие на женские портреты, на античные статуи. Ведь архитектура ближе всего поэзии. И дополняет, воплощает ее»* (Ирина Одоевцева. На берегах Невы. На берегах Сены. 2016. С. 166).

Творчество Шукшина в этом отношении не исключение. Мимолетные архитектурные зарисовки в его рассказах характеризуются художественным детерминизмом, семиотичностью, метатекстуальностью.

Особое внимание обращают на себя рассказы, в которых архитектурный объект помещается в центр сюжета и вырастает до статуса центрального героя. Чрезвычайно интересны в этом отношении два рассказа, написанные в 1969 году и формирующие миниатюрную философско-эстетическую притчеобразную дилогию, — «Крепкий мужик» и «Мастер». С архитектурным кодом связана и центральная аллюзия первого рассказа — геростратовский мотив разрушения церкви героем⁴.

Церковь в этих рассказах исключительно характерологична, герои, напротив, архитектурны. Скупой портрет Шурыгина ограничивается двумя деталями: толстые жилы и крепкие руки («Крепкий мужик»). По сравнению с ним не менее сдержанное описание церкви в архитектурной экфразе рассказа, несомненно, более индивидуализировано: за-

⁴ «Герострат еще в 550 году до нашей эры поджег в г. Эфесе одно из семи чудес древнего мира храм богини охоты Артемиды, дабы войти в историю. Такой же сомнительной славы, только в местных масштабах, возжаждал и Шурыгин, не ведая, разумеется, ни о самом Герострате, ни о том, что тот был казнен, предан проклятию, а имя его было запрещено к упоминанию» [Голованова, 2015, с. 1139], — отмечают Г. С. Голованова и З. Н. Бакалова.

брошенная церквушка — родная: *как небо*) (Василий Шукшин. Собрание соч. Книга вторая. 1998. С. 24)⁵ и надежная: *«там не кладка, а литые»* (с. 23); *«церковка», «матушка»* — экспрессивные диминутивы сообщают образу некую камерность, интимность, душевность, противопоставленные шумному напору Шурыгина. И «литая» фактура церкви, и «крепость» хозяйственного Шурыгина находят воплощение в портрете Семки Рыся («Мастер»): *«... вот Семка снимает рубаху, ... И тогда-то, ... видна вся устрашающая сила и мощь Семки. Она — в руках... Руки у Семки не комкастые, не бугристые, они ровные от плеча до кисти, толстые, словно литые. Красивые руки. Топорик в них — игрушечный. Кажется, не зная таким рукам усталости»* (с. 82). А изображение церкви в этом рассказе еще более лирично: здесь она сакрализируется и дематериализуется, перевоплощаясь в *«светлую каменную сказку»* (с. 84). Привычный приветливый, радушный облик церкви, разрушенной в рассказе «Крепкий мужик», воскресает в рассказе «Мастер» как немой: *«... сколько лет стоит! — молчит»* (с. 84), но глубоко волнующий *«красотой и тайной»* упрек.

Акцент на руках героев не случаен: руки — символ деятельности, власти, авторитета [Керлот, 1994, с. 442], которые по-разному проявляются в отношении аксиологического ядра рассказов — церкви. Герои-антагонисты, в чьих руках прямо или опосредованно оказалась судьба храма, сразу же вступают в идейный спор: в рассказе «Крепкий мужик» Шурыгин представлен читателю как **бригадир**⁶; портрет Семки Рыся в завязке рассказа «Мастер» включает важную деталь, он *«поигрывая топориком, весело лаетя с бригадиром»* (Василий Шукшин. Указ. соч. Книга вторая. 1998. С. 82).

Образ церкви как ключевой элемент обоих рассказов становится не только предметом нравственной дискуссии (старое / новое, традиция / прогресс, эстетика / прагматика), но и метафорой творчества: поэтического языка, самовыражения художника, вкуса, таланта, озарения, а также силы художественного воздействия, влияния эстетического объекта на окружающее пространство и пр., иными словами, этот образ обобщает многие неспрздные для зрелого писателя вопросы. В традиционном историко-культурном контексте церковь в рассказах Шукшина отождествляется также с образом провинциального уклада и шире — с образом России.

⁵ Здесь и далее ссылки на произведения Шукшина даны по изданию: Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6-ти книгах. Книга вторая. М., 1998.

⁶ В наименовании должности колхозного управляющего видится явная отсылка к простодушному милитаризму героя одноименной комедии Д. И. Фонвизина.

В этом ключе эстетическая позиция Шукшина отчасти близка гоголевской. На связь с гоголевским претекстом указывает центонный финал рассказа «Крепкий мужик»: «*Шурыгин уважал быструю езду*» (с. 28) — явный намек на хрестоматийное лирическое отступление из XI главы «Мертвых душ»: «И какой же русский не любит быстрой езды?» (Николай Гоголь. Полное собрание соч. Т. 7. 1951. С. 246). Православная церковь как поэтический образ России — известный художественный (и, в частности, кинематографический) прием, восходящий, несомненно, к традиции русской классики: «Создавая зримый образ России, — пишет Л. А. Сапченко о «Мертвых душах», — Гоголь помещает в русский пейзаж (сельский или городской) церковь. Как лицо земли определяет несметное множество племен, поколений, народов, так лицо России для автора поэмы определяет „несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами” (Николай Гоголь. Указ. соч. 1951. С. 109)» [Сапченко, 2013, с. 170-171].

В построении хронотопа своей «церковной диалогии» Шукшин, вероятно, пользуется гоголевской техникой. В рассказе «Крепкий мужик» образ церкви, которая «*собирала ... вокруг себя, далеко выставляла напоказ*» (Василий Шукшин. Указ. соч. Книга вторая. 1998. С. 23) деревню, открывает повествование и, соответственно, выполняет функцию магического «священного столба», места силы в структуре деревенского топоса. В рассказе «Мастер» этот образ появляется не сразу, он привлекателен среди прочего — неожиданностью: «*...если идешь в Талицу и задумаешься, то на повороте, у косогора, вздрогнешь — внезапно увидишь церковь, белую, легкую, среди тяжелой зелени тополей*» (с. 84) — и маркирует территорию точки невозврата, которая связана не только с пространственной, но и с характерологической канвой рассказа: обращена в меньшей степени к нравственной (как в рассказе «Крепкий мужик»), в большей степени к философско-эстетической концепции творца, искателя, художника. И в этом плане рассказ «Мастер» примыкает к художественной проблематике Н. С. Лескова, а Семка Рысь, вне всякого сомнения, становится новой вариацией на тему лесковского Левши.

Складывается впечатление, что действие рассказов разворачивается вокруг одной церкви, в то время как герои произведений вступают в отношения идейной, духовной, нравственной конфронтации. Однако эта очевидная оппозиция поверхностна и неоднозначна. И образы героев-антагонистов: Николай Шурыгин и Семка Рысь, и изображение церкви (десакрализация, деэстетизация / персонификация, мистификация) оказываются конгруэнтными; архитектурный экфрасис служит поэтическим средством изображения не столько идеологического, сколько пси-

хологического конфликта. Не случайно оба рассказа включены Шукшиным в сборник «Характеры».

Архитектурный образ, ставший в сюжетологии рассказов одновременно центром притяжения, предметом страсти, жертвой и духовным кристаллом, тоже наделяется характером, и характер этот, как и прочие, антиномичен, он раскрывается в драматургии семиотических оппозиций, определяющих архитектуру художественного строя произведений.

Наиболее заметна «пропорциональная» оппозиция: «большой / маленький». Название колхоза «Гигант», приспособившего опустевшую «церковку» под склад, веско демонстрирует подавляющее преимущество силы, пассионарности, напора над невнятным абрисом опустошенной святыни в рассказе «Крепкий мужик». «*Она хоть небольшая, церковь, а оживляла деревню (некогда село)*» (с. 23). Невзирая на габариты, церковь, становится духовным маркером местности, обуславливающим ее культурный статус: наличие церкви — конвенциональный критерий административно-территориальной дифференциации поселений, существенно возвышающий «некогда село» над лишенной культового объекта деревней.

В рассказе «Мастер» сопоставляются размеры двух храмов, и миниатюрность, «потаенность» талицкой церковки становится ее эстетическим преимуществом: «*Церковка была закрыта давно. Каменная, небольшая, она открывалась взору — вдруг, сразу за откосом, который огибала дорога в Талицу... По каким-то соображениям те давние люди не поставили ее на возвышении, как принято, а поставили внизу, под откосом. <...>*

В Чебровке тоже была церковь, но явно позднего времени, большая, с высокой колокольной. <...> Казалось бы — две церкви, одна большая, на возвышении, другая спряталась где-то под косогором, — какая должна выиграть, если сравнить? Выигрывала маленькая, под косогором. Она всем брала: и что легкая, и что открывалась глазам внезапно... Чебровскую видно было за пять километров кругом — на то и рассчитывали строители. Талицкую как будто нарочно спрятали от праздного взора, и только тому, кто шел к ней, она являлась вся, сразу» (Василий Шукшин. Указ. соч. Книга вторая. 1998. С. 84).

Маленькая церковь в обоих рассказах, несомненно, соотносится с темой малой родины, которая в поэтике Шукшина приобретает по-есенински щемящее звучание.

Не менее убедительно в связи с детализацией мотива разрушения / созидания контрастное изображение инструментов двух шукшинских

«деятелей»: «миниатюрный» топорик-игрушечка Семки Рыся противопоставлен убойной технике Шурыгина.

Из архитектурных деталей в описании церкви в рассказе «Крепкий мужик» фигурирует одна, скорее техническая, нежели эстетическая подробность: «Там не кладка, а литье» (с. 23), обнаруживающая нестигаемый «характер» поруганного храма, и единственная декоративная черта, высветляющая, сакрализирующая образ последнего, — белый фасад.

Праздничный и одновременно привычный, приятный глазу колорит гармонизирует присутствие церкви в советском хронотопе, ставит ее выше вызовов времени («атомный век») и культурных приоритетов: «Люди постарше все крещены в ней, в ней отпевали усопших дедов и прадедов, как небо привыкли видеть каждый день, так и ее...» (с. 24), «... бывало, откуда не идешь, а ее уж видишь. И как ни пристанешь, а увидишь ее — вроде уж дома. Она сил прибавляла» (с. 27). Церковь в рассказе «Мастер» тоже одновременно сдержанно и торжественно ахроматична — «белая красавица» (с. 84).

Идея свечения белокаменного храма в обоих рассказах формирует другую семиотическую оппозицию: «сияющий / зияющий», первый элемент которой становится выходом в пространство творческого озарения, одаренности, вневременного значения искусства; второй ассоциируется с эстетической слепотой, культурным провалом, исторической амнезией, душевной черствостью.

Не случайно в оппозицию с внезапной лучезарностью несколько веков простоявшей и не перестающей удивлять, согревать, радовать церкви вступают такие приметы современности, как щель, небытие, пустота, отверстие — шаг в бездну, духовный провал. В кульминационном эпизоде рассказа «Крепкий мужик» стена церкви, а вместе с нею и патриархальное благополучие деревни, разверзается на глазах в звенящей кинематографической ретардации: «Стена ... вдруг разодралась по всей ширине... Страшная, черная в глубине, рваная щель на белой стене пошла раскрываться» (с. 25); в рассказе «Мастер», как будто щадя талицкую церквушку, Шукшин отдает во власть трещины времени большую чебровскую церковь: «она тоже была закрыта и дала в стене трещину» (с. 84).

Анализируя образ церкви в творчестве Гоголя, Л.А. Сапченко в качестве знака духовного упадка отмечает также «отверстость, уязвимость церковного пространства, проницаемость стен» [Сапченко, 2013, с. 171]. У Шукшина в связи с этим обнаруживается мотив парадоксальной консервации сакральных недр закрытых церквей, однако тема трещины служит печальным свидетельством ущербности, девальвации идеи «нерушимой стены» божественного заступничества под давлени-

ем новой идеологии, прогресса, ураганной скорости социальной и духовной эволюции.

«Световое решение» в изображении церкви Шукшиным тоже сродни гоголевскому. Л. А. Сапченко отмечает, что в эволюции творчества Гоголя «пространство церкви как материальный объем дискредитируется» [Сапченко, 2013, с. 173]: детальное описание церкви сменяет «характеристика церковного пространства как светоносного <...> храм постепенно ... превращается в лучезарное небесное видение <...> Светоносность куполов и крестов предстает как маяк, вежа, ориентир на духовном пути человека» [Сапченко, 2013, с. 174]. Ср. у Гоголя: «И над всем этим собраньем дерев и крыш возносилась свыше всего своими пятью позлащенными играющими верхушками старинная деревенская церковь. На всех ее главах стояли золотые прорезные кресты, утвержденные золотыми прорезными же цепями, так что издали, казалось, висело на воздухе ничем не поддержанное, сверкавшее горячими червонцами золото» (Николай Гоголь. Полное собрание сочинений. Т. 7. 1951а. С. 8); у Шукшина: «... тот мастер хотел, видно, отшлифовать всю стену. А стена — восточная, и если бы он довел работу до конца, то при восходе солнца (оно встает из-за косогора) церковка в ясные дни загоралась бы с верхней маковки и постепенно занималась бы светлым огнем вся, во всю стену — от креста до фундамента» (Василий Шукшин. Указ. соч. Книга вторая. 1998. С. 85). Важно, что у Шукшина свечение дается как некая интенция, нереализованный потенциал, что в целом не отменяет ценности этого семиотического контента. Свет, не разлившийся в полной мере по фасаду церкви, в шукшинском рассказе решительно врывается в интерьер храма: «Лучи света из окон рассекали затененную пустоту церкви золотыми широкими мечами. <...> В самом верху купол, выложен из какого-то особенного камня, и он еще, наверно, шлифован — так светло, празднично там, под куполом. А всего-то четыре узких оконца...» (с. 85-86). Это неземное тихое свечение явно резонирует со светом иной природы — карикатурной репликой на амбиции Люцифера в финале рассказа «Крепкий мужик»: «Мотоцикл вырулил из деревни, воткнул в ночь сверкающее лезвие света и помчался по накатанной ровной дороге в сторону райцентра» (с. 28).

Возвышенность, бестелесность образу церкви и у Гоголя, и у Шукшина придает акцент на верхней части храма — изображению маковки, куполов, однако у обоих писателей высокой семиотичностью наделен и противоположный топос — глубина: «Вознесенности куполов, — пишет Л. А. Сапченко, — противостоит в ранних повестях Гоголя обратная вертикаль: могилы, подземелья, монастырские подвалы» [Сапченко,

2013, с. 171]. Особенно внятно эта оппозиция у Шукшина заявлена в рассказе «Мастер», где взгляд читателя «натывается» на церковь, расположенную не на холме, а в низине, а затем, «прикипая» к этому маленькому шедевру, как бы направляется снизу вверх — от подвала к куполу — и сопровождается таинственным звуком, природа которого отсылает к золотой арфе готических историй: *«В церковь можно было проникнуть через подвал — это Семка знал с детства, не раз лазил туда с ребятами. Ход в подвал, некогда закрываемый створчатой дверью (дверь давно унесли), полуобвалился, зарос бурьяном... Семка с трудом протиснулся в щель и — где на четвереньках, где согнувшись в три погибели — вошел в придел. Просторно, гулко в церкви... Легкий ветерок чуть шевелил оставший, вислый лист железа на маковке, и шорох тот, едва слышимый на улице, здесь звучал громко, тревожно»* (Василий Шукшин. Указ. соч. Книга вторая. 1998. С. 85). За счет «углубления» хронотопа в шукшинские рассказы проникает гоголевская мистичность, парадоксально возвышающая идейный план произведений над плоским социальным конфликтом.

Собственно формы, архитектурные очертания церкви проступают в рассказе «Крепкий мужик» только в момент ее гибели. Призрачность, мимолетность «литого», незыблемого, как скала, обусловленного вековым укладом сельской жизни храма — несомненного архитектурного символа целостности и жизнеспособности деревни — красноречивый ответ на многие нравственно-философские вопросы. Сцена падения церкви подчеркнута драматична. Зрелищность, физиологичность этого эпизода напоминает чудовищный акт насилия: *«Дрогнул верх церкви... Стена, противоположная той, на какую сваливали, вдруг разодралась по всей ширине... Страшная, черная в глубине, рваная щель на белой стене пошла раскрываться. Верх церкви с маковкой поклонился, поклонился и ухнул вниз <...> Через три часа все было кончено. ... Церковь лежала бесформенной грудой, прахом»* (с. 25). Многолетнее осквернение церкви, превращенной в склад, завершается расправой, напоминающей надругательство («я ее свалю» (с. 23), «слетит как миленькая» (с. 23), «— Видела, как мы церкву уговорили?» (с. 26) — в репликах «деятеля с неограниченными полномочиями» (с. 26) подчеркивается грубая маскулинность.

Агония церкви в рассказе «Крепкий мужик» выводит оппозицию 'духовное/материальное', которая связана с темой памяти, исторического наследия. Искалеченное «тело» церкви, ее прощальный поклон — утонченный образ поникшей маковки — выписаны автором рассказа настолько живо, что не оставляют сомнений: именно церковь врежется в память играющих на ее прахе детей (вовсе не дядя Коля Шурыгин — безликий палач), в то время как неприкосновенными и забыты-

ми сохранятся «нетленные» кирпичные мощи — нелепая причина уничтожения памятника: *«К кирпичам, конечно, ни один дьявол не притронется, — рассуждает Шурыгин, — Ну и хрен с ними! Сгребу бульдозером в кучу и пусть крапивой зарастает»* (с. 28).

Архитектурный экфрасис в рассказе «Мастер», как и в «Крепком мужике», тоже лишен конкретики: церковь предстает в рассказе в импрессионистической манере как впечатление: *«светлая каменная сказка»* (с. 84), ее образ вписывается в другую интермедиальную парадигму — музыка, песня: *«О чем же думал тот неведомый мастер? ... Как песню спел человек, и спел хорошо. И ушел»* (с. 84), однако природу этой непостижимой красоты герой пытается отыскать в технических приемах архитектурного решения. Таким путем автор рассказа выходит на общеэстетическую проблематику соотношения замысла, изобразительного эффекта и отточенного мастерства, квалификации исполнителя, технологичности.

Другие эстетические вопросы, «подсказанные» архитектурным экфрасисом, — культурное значение преемственности и новаторства, подлинного искусства и китча. Так, одно из многих, подражательное, по сути, свидетельство позднего древнерусского зодчества — тащичья церковь — никого не оставляет равнодушным (даже чиновников: *«Я почему обманулся: думал, что она тоже двенадцатого века...»* (с. 92), — сожалеет «товарищ» из облисполкома; *«Ну, допустим — копия! Ну, и что? Красоты-то от этого не убавилось»* (с. 92), — горячо возражает Семка Рысь), в то время как тщательная искусная отделка Семкой писательского кабинета на манер деревенской избы — очевидная безвкусица: *«Семка рассказывал, какую они избу уделали в современном городском доме. — Шешнадцатый век! — На паркет настелили плах, обстругали их, и все — даже не покрасили. Стол — тоже из досок сколотили, вдоль стен — лавки, в углу — лежак. На лежаке никаких матрасов, никаких одеял... Лежит кошма и тулуп, и все. Потолок паяльной лампой закоптили — вроде по-черному топится. Стены горбылем обшили...»* (с. 83). В этом эпизоде, предвещающем и оттеняющем архитектурный экфрасис, и автопародия, и неприятие суетливой мелочности художника в противовес выразительным и точным нюансам, и протест шукшина-«деревенщика» против штампов: *«писатель был из деревни, тосковал по родному»* (с. 83).

Архитектурный контекст церкви — свинарник, склад, клуб («Крепкий мужик»), кабинет («Мастер») — нечто вроде пирамиды потребностей человека, даже с учетом иерархичности — физиологических, бытовых, рекреационных, социальных — равноудаленных от неземной цер-

ковной праздничности и светоносности, через прекрасное открывающей путь к духовному.

Размышления Семена Рыся на тему творчества, мастерства, таланта также устанавливают интертекстуальную связь с рассказом «Крепкий мужик». Рассуждая о судьбе церкви, герой буквально воспроизводит один из предсказуемых финалов ее истории (причем конфликт созидания и разрушения дается здесь сквозь призму философии войны и мира: *«Умеешь радоваться — радуйся, умеешь радовать — радуй... Не умеешь — воюй, командуй ...»* (с. 85)), едва ли не сюжет рассказа-перевертыша: *«...можно разрушить вот эту сказку: подложить пару килограммов динамита — дроболызнет, и все дела»* (с. 85).

На этом меланхолическом фоне определяется еще один семиотический узел, объединяющий архитектурные экфрасисы рассказов «Крепкий мужик» и «Мастер», — «кладбищенский» мотив, который, по версии А. И. Куляпина, считается одним из ведущих в творчестве Шукшина: кладбище в поэтике писателя — как правило, окно в другой мир, проницаемая граница царства смерти [Куляпин, 2015, с. 150]. Символика церкви среди прочего связана с маркировкой пространства тонкого мира, рубежа между тленным и вечным, выхода за пределы земного существования. Подобную функцию в мифопоэтической парадигме культуры выполняют и кладбища. Они, как и церкви, по точному замечанию Б. Акунина, — *«островки сгустившегося и застоявшегося времени»* [Акунин, 2004, с. 8]. В рассказе «Крепкий мужик» церковь, уничтоженная задолго до ее разрушения, усилиями Шурыгина превращается в могилу: *«От церкви остался только невысокий, с неровными краями остов <...> свет фары выхватил из тьмы безобразную грудку кирпича, пахнуло затхлым духом потревоженного подвала»* (Василий Шукшин. Указ. соч. Книга вторая. 1998. С. 28); «каменная сказка» в рассказе «Мастер» явилась «на крови» — на месте гибели одного из князей Борятинских, — не столько храм, сколько усыпальница (этим, по мнению чиновника из облисполкома, обусловлены и миниатюрные размеры «красавицы», и ее техническое несовершенство, и откровенное раздражательство владимирскому зодчеству): *«Борятинские увлекались захоронениями в своем храме и основательно раздолбали фундамент. Церковь, если вы не заметили, слегка покосилась на один бок. Какой-то из поздних потомков их рода прекратил это. Сделали вот такой прикладок... Там, если обратили внимание, — надписи на прикладке — в тех местах, где внизу захоронения»* (с. 92). Не случайно образ церкви здесь становится кладбищенским фоном, пробуждающим гамлетовские элегические интонации во внутреннем монологе героя: *«Давно уж истлели в земле строители*

ее, давно стала прахом та умная голова, что задумала ее такой, и сердце, которое волновалось и радовалось, давно есть земля, горсть земли» (с. 84). Таким образом, кладбищенская риторика в архитектурном экфрасисе Шукшина обрамляет, говоря словами А. И. Куляпина, «локус экзистенциальный, изъятый из сферы быта» [Куляпин, 2015, с. 150], отграничивает социальный слой рассказов от их метафизического ядра.

В рассказе «Мастер» как будто «проясняется», детализируется образ церкви, разрушенной Шурыгиным. Интересно, что в этой части «диалогии» экфрасис не ограничивается абрисом храма, но проникает в его интерьер. И здесь на крайне схематичное описание церкви в «Крепком мужике» наслаивается прорисовка формы храма, проступающая неявно, изнутри. Раздумья над архитектурным решением, преодолевающим диктат формы, по справедливому замечанию А. И. Куляпина, и позволяют современному «мастеру» наладить диалог с прошлым [Куляпин, 2015, с. 153]: *«Семка сел на приступку алтаря, стал думать: зачем этот каменный прикладок? И объяснил себе так: мастер убрал прямые углы, разрушил квадрат. Так как церковка маленькая, то надо было создать ощущение свободы внутри, а ничто так не угнетает, не теснит душу, как клетка-квадрат»* (Василий Шукшин. Указ. соч. Книга вторая. 1998. С. 86).

Соображения о масштабах, пропорциях, объеме в проекции на литературное творчество — неявный намек на «чеховскую» тоску Шукшина — блестящего новеллиста — о творческой реализации в крупном эпическом жанре, что протягивает тонкую нить между «церковной» диалогией и романом Шукшина «Я пришел дать вам волю», завершенным в том же 1969 году.

Программная для творчества Шукшина оппозиция, ставшая идейной дилеммой многих его произведений, — ‘традиция/прогресс’. Церковь, выведенная и в рассказе «Крепкий мужик», и в рассказе «Мастер», относится к архитектурному наследию XVII века. *«Немедленно прекратите! ... Это семнадцатый век!..»* (с. 24), — взывает к здравому смыслу «вандалов» учитель в рассказе «Крепкий мужик», и новое упоминание о датировке церкви звучит в финале рассказа уже над ее останками: *«Семнадцатый век, — вспомнил Шурыгин, — Вот он, твой семнадцатый век!»* (с. 28); тот же исторический период возведения храма установлен неутешительным вердиктом чиновника облисполкома в рассказе «Мастер»: *«Талицкая церковь Н-ской области Чебровского района, — стал читать Игорь Александрович. — Так называемая — на крови. Предположительно семидесятые-девяностые годы семнадцатого века. ... Архитектор неизвестен. Как памятник архитектуры ценности не пред-*

ставляет» (с. 91). В художественном мире Шукшина XVII век — смутное время, «разинская эпоха» — своего рода, исторический концепт, определяющий национально-культурные и нравственно-философские приоритеты писателя⁷.

Проблема посягательства на святыню, отождествляемую одновременно с женским / материнским началом, также раскрывается в романе «Я пришел дать вам волю» посредством образа церкви. Так, в одном из эпизодов романа фигурирует любопытный нюанс: прострелянная Разинным икона Божьей Матери, взволновавшая даже отъявленных вояк: «Нет-нет да оглядывались на нее. Чудилось в этом какое-то недоброе знамение. Это томило хуже беды» (Василий Шукшин. Указ. соч. Книга шестая. 1998. С. 238). Еще одно покушение на икону совершается атаманом в астраханской церкви: «Степан с томлением великим оглянулся кругом... Посмотрел на митрополита, еще оглянулся... Вдруг подбежал к иконостасу, вышиб икону Божьей Матери <...> Дурак ты, дурак заблудший... Что ты делаешь? Не ее ты ударил! — он показал на икону. — Свою мать ударил, пес» (с. 289).

В рассказе «Крепкий мужик» инвективную отповедь вероломному бригадире автор вкладывает в уста матери Шурыгина (в образе героя здесь, как и в романе, подчеркивается inferнальное начало; сатанинский прототип Шурыгина проявляется в бесовском мотиве его претензий на церковь — бригадир намерен использовать кирпич церковной кладки для строительства свинарника⁸): «Колька, идол ты окаянный, грех-то какой взял на душу!.. И молчал, ходил молчал, дьяволина... <...> Дьявол зудил руки... <...> Идол ты лупоглазый» (Василий Шукшин. Указ. соч. Книга вторая. 1998. С. 27). «Материнский» контекст — еще одна текстуальная переключка рассказа с романом, церковь в «Крепком мужике» именуется «матушкой»: «тогда устояла, матушка, так он теперь нашелся» (с. 27).

Тема духовного сиротства в связи с утратой метафизической опоры развивается в более поздних произведениях Шукшина. Так, мотив

⁷ «Смутное время», как отмечает А. И. Куляпин, Шукшину представляется «переломным в русской истории» шагом на стезю «оскудения русского мира», и «темпы деградации», ставшие «ужасными» в XX веке, с точки зрения исследователя, живописуются именно в рассказе «Мастер» (Цит. по: [Богумил, 2017, с. 90–91]).

⁸ Оппозицию 'церковь/свинарник' в рассказе отмечают многие исследователи творчества Шукшина, например, Н. Жилина: «Представляется не случайной антитеза, возникающая в рассказе: церковь ... противопоставляется свинарник (а не коровник или, к примеру, птичник), кирпич для которого собирается «добыть», сломав храм, рачительный бригадир. ... Хорошо известна евангельская притча об изгнании Иисусом из двух одержимых бесов, которые вошли затем в стадо свиней (Мф 8:28–34)» [Жилина, 2013, с. 84].

отсутствующей иконы, открывающий рассказ «Письмо» (1971), задает почти сюрреалистический пафос — точное попадание в историю внутреннего опустошения, бренности жизни, тщетности суетных усилий человека, глубоко волнующую позднего Шукшина: *«Старухе Кандауровой приснился сон: молится будто бы она Богу, усердно молится, а — пустому углу: иконы-то в углу нет. И вот молится она, а сама думает: „Да где же у меня бог-то?“»* (Василий Шукшин. Указ. соч. Книга вторая. 1998. С. 291).

Расстановка персонажей вокруг образа церкви служит еще одним общающим приемом. Беспомощность учителя в «Крепком мужике» передается главному герою рассказа «Мастер», в центре которого как будто бы тот же сюжет — по сути, вопрос жизни и смерти, сконцентрированный в семиотике церкви, — представленный с иными акцентами. Герои-антагонисты в этих рассказах как будто повторяют траекторию маятника, оказываясь периодически на противоположных полюсах. Семен Рысь добивается аудиенции с чиновниками, на покровительство которых уповает учитель, однако встреча эта оказывается напрасной. Чиновник в «Мастере» предстает такой же непрошибаемой глыбой, как и энергичный Шурыгин.

Между тем социальная проблематика, как уже отмечалось ранее, далеко не основная в исторической и артистической канве рассказов. За внешним планом реплики деревенского интеллигента: *«Вы не имейте права! Варвар! Я буду писать!..»* (Василий Шукшин. Указ. соч. Книга вторая. 1998. С. 24), как и за слабой угрозой чиновнику Семки Рыся: *«Я буду писать в Москву»* (с. 92) — проступает не только отсылка к критике бюрократической машины, но и намек на писательский, литературный опыт, который становится единственным способом воскресить (в том числе через экфрасис) канувшие *«в черную жуткую тьму небытия»* (с. 84) визуальные образы художественного наследия.

Многие детали архитектурного облика церкви в рассказе «Крепкий мужик» как будто конкретизируются в «Мастере». Так еще более внятно в рассказе «Мастер» обнаруживается женское начало в изображении церкви: *«Обидно было и досадно. Как если бы случилось так: по деревне вели невиданной красоты девуку... Все на нее показывали пальцем и кричали несурзное. А он, Семка, вступился за нее, и обиженная красавица посмотрела на него с благодарностью. Но тут некие мудрые люди отвели его в сторону и разобъяснили, что девка та — такая-то растакая, что жалеть ее нельзя, что... И Семка сник головой. Все вроде понял, а в глаза поруганной красавице взглянуть нет сил — совестно»* (Василий Шукшин. Указ. соч. Книга вторая. 1998. С. 93). Становится очевид-

ным, что архитектурный экфрасис и центральные герои двух рассказов вступают в отношения условного треугольника. Шурыгин олицетворяет грубую власть над хрупкой, раздавленной железным веком духовной культурой, Семка Рысь — бессилие тех, кто может разглядеть непреходящую красоту, но не способен ее отстоять. Герои рассказов, включая церковь, образуют триаду, соотносимую с категориями 'Бог (абсолют) / человек / прекрасное (творение)'. Шурыгин — крайне ограниченный субъект, претендующий на власть, презирующий Творца, постыдно переоценивший свои полномочия; Рысь — человек, наделенный божьим даром видеть и понимать прекрасное, тонко чувствующий, искусный, но не имеющий контроля над ускользающей красотой, беспощадным к прошлому прогрессом. Церковь — собственно красота, божественная гармония — поверженная, отвергнутая, недоступная по большому счету ни тому, ни другому.

Персонификация церкви, уподобление ее истории человеческой судьбе обнаруживает еще одну важную для Шукшина — автора честолюбивого и склонного к мифотворчеству⁹ — проекцию. Посредством образа церкви писатель как будто сопоставляет два сценария исхода, завершения биографии творческой личности: полная драматизма жизнь и «мученическая» смерть, прометево самопожертвование («Крепкий мужик») и мирное угасание «над схваткой» в стороне от протекции компетентных доброжелателей и вмешательства властей предержавших («Мастер»). Очевидно, что первая схема — более впечатляющая — верный путь к славе; вторая, освященная подвигом терпения, открывает исключительность «мастера» не всякому, а только тому, кто «шел к ней» (Василий Шукшин. Указ. соч. Книга вторая. 1998. с. 84).

Автобиографический комплекс предательства деревни, культуры, народа, истории (не случайно начало разорению церкви в рассказе «Крепкий мужик» положил некто Васька Духанин — «закадровый» персонаж, позаимствовавший имя писателя), связанный с образами и «положительных» героев рассказов, выражается в мотивах отдаления, молчания, избегания встречи современного мастера (поэта, художника) с объектом вдохновения; такое подчеркнутое дистанцирование является знаком признания защитниками святыни собственного бессилия: «Шурыгин отпустил учителя, и тот, ни слова не говоря, пошел прочь от церкви» (с. 25) («Крепкий мужик»). Ср. «С тех пор он про талицкую церковь не заикался, никогда не ходил к ней, а если случалось ехать талицкой

⁹ О легендарной биографии Шукшина как отдельном художественном опыте пишет, в частности, А. И. Куляпин [Богумил, 2017, с. 47].

дорогой, он у косогора поворачивался спиной к церкви, смотрел на речку, на луга за речкой, зло курил и молчал» (с. 93) («Мастер»).

В такой позиции-оппозиции по отношению к архитектурной дилемме отвернувшийся от церкви герой смотрит на мир «ее глазами». Точно так же покинутая амбициозным режиссером, писателем, публицистом Шукшиным деревня навсегда останется нравственно-эстетическим мерилом его творчества, его ценностным ориентиром, памятью, укором и разочарованием.

Таким образом, эскизность архитектурного экфрасиса в поэтике рассказов В. М. Шукшина, мнимая изобразительная скупость экфразы становится одновременно и средством установления межтекстовых связей, и методом создания антропоморфного образа церкви, который, в свою очередь, выполняет функцию символического обобщения релевантных для писателя проблем — проблемы малой родины и неизбежного в прогрессивный век болезненного разрыва с нею, проблемы традиции и целесообразности ее сохранения, проблемы творчества в аспекте преемственности и новаторства.

Библиографический список

- Акунин Б. Кладбищенские истории. М., 2004.
- Богумил Т. А. Геопоэтика В. М. Шукшина. Барнаул, 2017.
- Воеводина А. В. Архитектурный экфрасис в художественной прозе Н. В. Гоголя // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2017. № 4 (28).
- Голованова Г. С., Бакалова З. Н. Контраст как способ концептуальной организации художественного пространства (опыт анализа рассказа В. М. Шукшина «Крепкий мужик» в вузе) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 1 (5).
- Жилина Н. П. Храм и икона в художественном мире рассказов В. Шукшина // Слово. ру: Балтийский акцент. 2013. № 2.
- Керлот Х. Э. Словарь символов. М., 1994.
- Куяпин А. И. Кладбищенские мотивы в прозе В. М. Шукшина // VII Кирилло-Методиевские чтения «Славянское слово в контексте времени». Ишим, 2015.
- Проломова Л., Бочкарева Н. С. Функции архитектурного экфрасиса в романе Мэтью Грегори Льюиса «Монах» // Мировая литература в контексте культуры. 2008. № 3.
- Ротенберг Е. И. Искусство Голландии XVII века. М., 1971. URL: <http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000024/index.shtml>

Сапченко Л.А. Пространственный образ церкви в произведениях Н.В. Гоголя // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 1 (39).

Стаخورский С. Нарративы театральной драматургии и их экранные отражения (диегезис и экфрасис) // Вопросы театра. 2019. № 3–4.

Шалагинова Ю., Бочкарева Н.С. Функция архитектурного экфрасиса в новелле Э.Т.А. Гофмана «Церковь иезуитов в Г.» // Мировая литература в контексте культуры. 2008. № 3.

Список источников

- Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. Т. 6. М., 1951.
Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. Т. 7. М., 1951а.
Гоголь Н.В. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М., 1986.
Гюго В. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. М., 1988.
Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 2.: Некуда. М., 1956.
Одоевцева И. На берегах Невы. На берегах Сены: Рассказы. СПб., 2016.
Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 6-ти книгах. Книга вторая. Верую! М., 1998.
Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 6-ти книгах. Книга шестая. Я пришел дать вам волю. М., 1998.

References

- Akunin B. *Kladbishchenskie istorii*. [Cemetery stories]. Moscow, 2004.
Bogumil T.A. *Geopoetika V.M. Shukshina*. [Geopoetics of V.M. Shukshin]. Barnaul, 2017.
Cirlot J.E. *Slovar' simvolov*. [Dictionary of Symbols]. Moscow, 1994.
Golovanova G. S., Bakalova Z. N. *Kontrast kak sposob kontseptual'noy organizatsii khudozhestvennogo prostranstva (opyt analiza rasskaza V.M. Shukshina "Krepkiy muzhik" v vuze)*. [Contrast as a Way of Conceptual Organization of Artistic Space (Experience of Analyzing V.M. Shukshin's Short Story "The Strong Man" at the University)]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2015. Vol. 17. No. 1 (5).
Kulyapin A. I. *Kladbishchenskie motivy v proze V.M. Shukshina* [Cemetery Motifs in V.M. Shukshin's Prose]. In: *VII Kirillo-Mefodievskie chteniya "Slavyanskoe slovo v kontekste vremeni"* [VII Cyril and Methodius Readings "The Slavic Word in the Context of Time"]. Ishim, 2015.
Prolomova L., Bochkareva N. S. *Funktsii arkhitekturnogo ekfrazisa v romane Met'yu Gregori Lyuisa "Monakh"* [The Functions of Architectural Ecphrasis in Matthew Gregory Lewis' Novel "The Monk"]. In: *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture]. 2008. No. 3.

Rotenberg E. I. *Iskusstvo Gollandii XVII veka* [Art of Holland of the XVII century]. Moscow, 1971. URL: <http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000024/index.shtml>

Sapchenko L. A. *Prostranstvennyy obraz tserkvi v proizvedeniyakh N. V. Gogolya* [Spatial Image of the Church in the Works of N. V. Gogol]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture]. 2013. No. 1 (39).

Shalaginova Yu., Bochkareva N. S. *Funktsiya arkhitekturnogo ekfrasisa v novelle E. T. A. Gofmana "Tserkov' uezuitov v G."* [The Function of Architectural Ekphrasis in E. T. A. Hoffman's novella "Die Jesuiterkirche in G."]. In: *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture]. 2008. No. 3.

Stakhorskiy S. *Narrativy teatral'noy dramaturgii i ikh ekrannye otrazheniya (diegezis i ekfrasis)* [Narratives of Theatrical Dramaturgy and their Screen Reflections (Diegesis and Ekphrasis)]. In: *Voprosy teatra* [Theater Issues]. 2019. No. 3–4.

Voevodina A. V. *Arkhitekturnyy ekfrasis v khudozhestvennoy proze N. V. Gogolya* [Architectural ekphrasis in N. V. Gogol's fiction]. In: *Vostochnoslavyanskaya filologiya. Literaturovedenie* [East Slavic Philology. Literature Studies]. 2017. No. 4 (28).

Zhilina N. P. *Khram i ikona v khudozhestvennom mire rasskazov V. Shukshina* [Temple and Icon in the Art World V. Shukshin's Stories]. In: Slovo.ru: *baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Balt. accent]. 2013. No. 2.

List of sources

Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy*. [The Complete Works]. In 14 vols. Vol. 6. Moscow, 1951.

Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy*. [The Complete Works]. In 14 vols. Vol. 7. Moscow, 1951a.

Gogol' N. V. *Sobranie sochineniy*. [Collected Works]. In 7 vols. Vol. 6. Moscow, 1986.

Hugo V. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 6 vols. Vol. 1. Moscow, 1988.

Leskov N. S. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 11 vols. Vol. 2. Nekuda. Moscow, 1956.

Odoevtseva I. *Na beregakh Nevy. Na beregakh Seny: Rasskazy* [On the Banks of the Neva. On the Banks of the Seine: Stories]. Saint-Petersburg, 2016.

Shukshin V. M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. In 6 books. Book six. I Came to Give you Freedom. Moscow, 1998a.

Shukshin V. M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. In 6 books. Book two. I believe!. Moscow, 1998.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. Батюшкина

Ключевые слова: национальный язык, государственный язык, официальный язык, правовой статус и функции языка, нормы, официальная коммуникация.

Keywords: national language, state language, official language, legal status and functions of the language, rules, official communication.

DOI: 10.14258/filichel (2023)3–04

Установление для национального языка статуса государственного, функциональная доминантность того или иного государственного языка обусловлены развитием и числом носителей этого языка, практикой регулирования общественных отношений, стандартами официальной коммуникации, а также историческими обстоятельствами и геополитическими факторами, способностью языка быть средством решения вопросов, актуальных для сообщества наций, территорий и государств.

Статус государственного языка, сферы применения и объединяющая роль в едином многонациональном пространстве юридически закрепляются в законе [Батюшкина, 2022, с. 136–148]. Кроме того, вопрос о государственном языке является одним из аспектов законодательно регламентируемой языковой политики, направленной на управление языковой ситуацией и межэтническими отношениями, вербальным поведением граждан, а также на регулирование функциональной стороны языка (расширение или сужение перечня его функций), нормирование и кодификацию (совершенствование правил правописания, терминологии, стандартов подготовки текстов), развитие функционально-коммуникативных стилей и подсистем [Батюшкина, 2022, с. 148; Ляшенко, 2004; Янускина 2017; и др.].

С опорой на точку зрения Т. В. Губаевой отметим, что институт государственного языка — «результат социального компромисса», который выработан в процессе развития многонационального общества и государства в целях «наиболее эффективной организации и осуществления публично-политической власти», идентификации личности как гражданина государства, защиты интересов и прав населения разных этнических групп, упорядоченного применения языка в наиболее значимых

и типичных ситуациях [Губаева, 1997, с. 10, 21, 22]. Наряду с институционализацией, государственный язык характеризуется ориентацией на конкретную модель федерализма (что проявлено в установлении статусов для разных языков), авторитетностью, связью с публично-политической властью, нормированностью, устойчивостью, универсальностью, сложностью [Там же]. Потребность государственной власти «идентифицировать себя при помощи языка» проявляется по мере «расширения государственной самостоятельности» [Там же, с. 20].

Анализ лингвистических, правовых и междисциплинарных исследований государственного языка позволяет выделить ряд наиболее дискуссионных вопросов, рассматриваемых нами в аспекте методологии русистики, социолингвистики и юридической лингвистики.

Первый вопрос: является ли государственный язык функциональной разновидностью (вариантом, функциональным стилем) современного национального литературного языка либо только терминологическим (сугубо юридическим) обозначением правового статуса, в котором рассматривается данный язык или данная разновидность?

Отметим, что на данное соотношение / разграничение указывают различные научные позиции и определения, в частности: государственный язык — «стандартизированная форма речи», приемлемая для всего многонационального населения страны и в соответствии с конституционными нормами используемая на всей ее территории в качестве средства общения при осуществлении государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти, а также в иных сферах, подлежащих правовому регулированию [Губаева, 1997, с. 10, 21, 22]; государственный язык — это не форма и не разновидность языка, а его официальный статус [Мякишева, Сиротинина, 2019, с. 23]; государственный язык — официально-деловой функциональный стиль дискурсивной практики [Киров, 2019, с. 68]; государственный язык — национальный язык в его стандартной, нормированной, «литературной» форме, получивший статус государственного языка страны / одна из функциональных разновидностей литературного языка, средства которой, способы их отбора и сочетания специфичны именно для государственной сферы общения / литературный язык титульной нации, обязательный для изучения и использования на всей территории страны в сферах государственного и муниципального управления, государственной службы, законодательства, судопроизводства, делопроизводства [Клобуков, Клобукова, 2019, с. 281–283]; государственный язык — особый функциональный макростиль, критериями которого являются языковая правильность, точность, определенность, понятность, стилистическая нейтральность [Кропачев, Кузнецов, 2020].

Автор настоящей работы рассматривает государственный язык с детерминационно-функциональной точки зрения: в качестве идентифицирующего символа государственно-территориального образования, универсального средства коммуникации в различных сферах (государственно-правовой, законотворческой, публично-политической, дипломатической, научной, образовательной и др.), а также средства стандартного регулирования общественных отношений на определенной территории, характеризующейся централизацией государственной власти и разным этноязыковым составом. На наш взгляд, возможность различного понимания государственного языка: и в качестве функциональной разновидности нормированного современного национального литературного языка, и в качестве законодательно закрепленного терминологического обозначения правового статуса, в котором рассматривается данная функциональная разновидность или данный язык, — обусловлена разными лингвистическими, правовыми, междисциплинарными подходами.

Второй вопрос: необходима ли дополнительная кодификация и наличие особой понятийно-терминологической базы государственного языка?

С одной стороны, в официальном тексте не должно быть ошибок (орфографических, пунктуационных, стилистических, иных), т. е. нарушений норм современного национального литературного языка и установленных правил правописания, закрепленных в академических словарях, грамматиках и справочниках. Учет норм языка и правил правописания обеспечивает высокое лингвистическое качество официального текста. Такая позиция, на наш взгляд, отражена не только в предписаниях об обязательном соблюдении норм языка при создании правовых актов и проведении их лингвистической экспертизы, в том числе с использованием информационных технологий, но также в официальном толковании понятия языковой нормы, утверждении перечня грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы языка при его использовании в качестве государственного, требований к таким изданиям.

Так, в соответствии со статьей 1 Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (в ред. от 28.02.2023) при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации в сферах, определенных законом, должны соблюдаться нормы современного русского литературного языка; не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке, перечень которых содержится в нормативных словарях, а также

не допускается использование нецензурной брани; под нормами современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка понимаются правила использования языковых средств, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках.

С учетом анализа постановления Правительства Российской Федерации от 28.06.2023 № 1054 «Об утверждении требований к составлению и периодичности издания нормативных словарей, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» отметим следующее.

Под нормативным словарем, фиксирующим нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка, понимается словарь, являющийся официальным источником информации о нормах современного русского литературного языка, описывающий лексическую систему данного языка и не содержащий фактов, противоречащих современному употреблению языковых единиц. Нормативный словарь должен представлять собой единое непротиворечивое комплексное электронное издание, формируемое на основе разных словарей русского языка (толкового, орфографического, орфоэпического, фразеологического, словаря синонимов, словаря антонимов, словаря паронимов, словаря омонимов, словаря топонимов, словаря сокращений и аббревиатур), кодифицирующее орфографические, орфоэпические, лексические и грамматические нормы (в отношении слов, включенных в данный словарный корпус). В качестве основных требований к описанию языковой единицы называются точность, лаконичность, доступность и общепонятность. В состав нормативного словаря включаются не только общеупотребительная лексика, но также иностранные слова, не имеющие общеупотребительных аналогов в русском языке (слова, обозначающие понятия, для которых нет слов в русском языке либо которые отличаются от сходного по значению русского слова стилистической характеристикой или оттенком значения). Кроме того, в нормативном словаре определяется, какие слова или значения слов не могут употребляться в текстах, употребляемых в сферах обязательного использования русского языка как государственного.

Следует также отметить, что государственные служащие, разрабатывающие официальные документы и непосредственно участвующие в процессах делопроизводства, проходят тестирование на знание русского языка как государственного языка Российской Федерации. С помощью тестов анализируется уровень лингвистической подготовки,

знания норм современного русского литературного языка, правил русской орфографии и пунктуации. (Примеры тестовых вопросов и заданий: *В каком варианте ответа НЕ пишется слитно? В каком варианте ответа числительное употреблено верно? Выберите вариант ответа, в котором запятые расставлены верно. Выберите вариант ответа с написанием через дефис.* См. подробнее на сайте: [https:// gos-sluzhba.ru.](https://gos-sluzhba.ru/))

С другой стороны, в силу ряда объективных причин:

во-первых, тенденции к унификации, единообразному использованию средств изложения и оформления официальных текстов, в том числе однословных и составных терминов, клише, реквизитов;

во-вторых, традиционности написания (например, для законодательных текстов нехарактерны написания, свидетельствующие о начальном этапе заимствования и смене орфографических рекомендаций, такие как *офшиорный* — *оффиорный*, *видео-конференц-связь* — *видеоконференц-связь*, и наоборот, типичны варианты написания, отражающие особенности государственно-правовой сферы, субстандарты, орфографическую двойственность, имеющую правовую аргументацию: *оперативно-разыскной* — *оперативно-разыскной*, *мэр* — *Мэр* [Батюшкина, 2023, с. 74]);

в-третьих, неизбежной внутрителиевой дифференциации [Чернышова, 2012], — государственный язык характеризуется функционально-стилистической и жанровой спецификой, на основе которой формируется представление о государственном языке как подвиде языка. Функционально-стилистические и жанровые особенности получают отражение в ведомственных инструкциях, специализированных справочниках. См., в частности, подготовленные автором *Словарь терминов российского законодательства* (2022 г., под ред. Т. В. Чернышовой), *словарь-справочник «Термины модельного законодательства»* (2023 г., под ред. В. А. Ефремова). Необходимость таких изданий и словарных корпусов обусловлена также тем, что вариативность остается одной из важнейших проблем при выборе того или иного написания, предусматривает обращение к тексту, в котором закреплён официальный вариант и / или содержится правовая аргументация написания.

Третий вопрос: каким образом соотносятся понятия «государственный язык», «общегосударственный язык» и «официальный язык», «государственный язык Российской Федерации» и «русский язык как государственный», а также «общеупотребительный язык» и «средство межнационального общения»: как тождественные, синонимичные или родовидовые? Например, обсуждению данного вопроса посвящены работы [Голев, 2021, с. 89–96; Доровских, 2007; Клобуков, Клобукова, 2019; Орешкина, 2020; Осипов, 1999: с. 65; Северская, 2022; Янускина 2017, с. 31–38] и мн. др.

В этой связи обратим внимание на фиксацию и трансформацию правовых статусов русского языка и иных языков народов России, обусловленные преобразованиями XX века — начала XXI века. Напомним, что в Основных государственных законах 1906 года был закреплён статус русского языка как *общегосударственного*, обязательного «в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях», в том числе при создании государственных законов. В советский период законодательные тексты создавались и официально опубликовывались на русском языке, по отношению к которому использовался термин *общеупотребительный язык*. Наряду с этим русский (общеупотребительный) язык должен был применяться в судопроизводстве, делопроизводстве, государственной символике, взаимодействии органов власти. В автономных республиках и областях одновременно с русским (общеупотребительным) языком в судах и делопроизводстве могли использоваться языки титульных наций. Подробнее: [Батюшкина, 2019]. Практика перевода текстов законов на языки союзных республик получила положительную оценку в работах правоведов [Губаева, 1997, с. 21].

В Законе СССР от 24.04.1990 «О языках народов СССР» в целях обеспечения общесоюзных задач русский язык был назван *официальным языком* и *средством межнационального общения*, а союзная и автономная республики наделены правом определять правовой статус языков республик, в том числе устанавливая их в качестве *государственных языков республик*.

Следующий этап развития статусов языков связан с принятием и дальнейшей корректировкой Закона о языках народов РСФСР (в актуальной редакции: Закон РФ от 25.10.1991 № 1807–1 «О языках народов Российской Федерации»), в котором были подчеркнуты историко-культурные традиции употребления и равноправие языков народов России, их государствообразующая роль, республики наделены правом устанавливать *свои государственные языки* (в этом законе употребляется и тождественный вариант: *государственные языки республик*), а русский язык определен в качестве *государственного языка Российской Федерации на всей ее территории, основного средства межнационального общения, обязательного во всех официальных сферах*.

Положения о *государственном языке Российской Федерации* и *государственном языке республики, находящейся в составе Российской Федерации* (тождественный вариант понятия *государственный язык республики*), а также соответствующие правовые статусы были закреплены в статье 68 Конституции России и Федеральном законе от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Кроме того, в зако-

не о государственном языке России были закреплены и иные функциональные статусы и определительные характеристики данного языка, который рассматривается в качестве языка, способствующего взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве, приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации (статья 1 «Русский язык как государственный язык Российской Федерации»), языка деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства (статья 3 «Сферы использования государственного языка Российской Федерации»), языка официального опубликования международных договоров Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов, языка подготовки выборов и референдумов, конституционного, гражданского, уголовного, административного судопроизводства, языка наименований географических объектов и др. (Там же). Положения о данных функциональных статусах и характеристиках содержатся в отраслевых кодексах и иных законах, в том числе законе о языках народов России.

Поправку, внесенную в статью 68 Конституции России (от 14.03.2020 № 1-ФКЗ), а также аналогичное дополнение закона о государственном языке России, на наш взгляд, можно рассмотреть не только в аспекте развития правового статуса государственного языка Российской Федерации (*государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации*), но и в качестве новой определительной характеристики, нового правового статуса русского языка (*русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации*).

Обратим внимание на то, что в федеральных законах легальные дефиниции государственного и официального языков отсутствуют. Однако в модельном законе «О языках» (см. приложение к постановлению Межпарламентской Ассамблеи СНГ от 04.12.2004 № 24–6) государственный язык определяется как *язык, законодательно закрепленный для обязательного использования в политической, экономической, социальной, культурной и других официальных сферах*, официальный язык — в качестве *языка, законодательно закрепленного для использования в официальных сферах наряду с государственным*.

Цитируя точку зрения Н.Д. Голева, отметим, что «терминологическое совпадение» государственного языка и официального языка обусловлено тем, что оба понятия включают такой элемент, как «сфера официального использования национального языка» (т.е. языка в качестве «средства фиксирования процесса и результатов государственной деятельности»), хотя государственный язык, по сравнению с официальным, выступает в большинстве сфер жизни многонационального общества, а не только официальной [Голев, 2021, с. 89].

Следующий вопрос: каковы общие и частные аспекты исследования русского языка как государственного языка Российской Федерации, а также государственных языков республик, находящихся в составе Российской Федерации?

Прежде всего, констатируем продуктивность рассмотрения вопроса о русском языке как государственном языке Российской Федерации [Вербицкая, 2016; Белов, Кропачев, Вербицкая, 2018; Белоконов, 2023; Киянова, 2016; Кропачев, Вербицкая, Белов, 2017; Кушнерук, 2012; Рудов, Садова, 2017; Рябова, 2016]. Государственные языки республик исследованы в меньшей степени [Иванова, 2022; Катунин, 2015; Побережная, Мачинская, 2016]. См. также монографию [Янускина, 2017, ст. 125-195].

На наш взгляд, не только государственный русский язык, но иные государственные языки могут быть рассмотрены в аспекте формирования политики, определяющей правовые статусы национального языка как государственного, и механизмов закрепления норм языка при его использовании в качестве государственного (в том числе словарной фиксации), а также в аспекте регламентации использования языка в законодательной, правоприменительной, судебной, экспертной практиках, при проведении выборов и референдумов, в делопроизводстве, официальной переписке, образовательной, иных сферах общения. Полагаем, что границы понимания русского языка как государственного, а также государственных языков республик обусловлены представлением о тех сферах общения, в которых использование данных языков является обязательным, приоритетным либо альтернативным (возможным). В качестве актуального обозначим анализ специфики восприятия русского языка как государственного за пределами Российской Федерации (см. например, [Козловцева, Казакова, 2023]).

Развивая подход [Батюшкина, 2017; 2019; 2022, с. 136-148], акцентируем внимание на общих и частных функциях русского языка как языка Российской Федерации и государственных языков республик. К общим функциям относятся: *межнационально-коммуникативная* и *импе-*

ративно-регулирующая (средство общения и управления на определенной территории, характеризующейся государственной целостностью, централизацией власти, полиэтничностью, многоязычием), *знаково-символическая* (идентификация государственно-территориального образования наряду с такими символами-обозначениями, как официальное наименование, государственный флаг, государственный герб, государственный гимн, конституция как основной государственный закон, государственная граница), *нормотранслирующая* (отражение средств регулирования, в том числе выразительных возможностей языка, норм языка и правил правописания).

В связи с федеративным устройством государства частной функцией русского языка как государственного языка Российской Федерации является *интеграционная*. По сути, в данной функции русский язык выступает в качестве общегосударственного, объединительного, связующего для разных народов и культур, направленного на их историческое сосуществование. К частной функции государственных языков республик относится *этноидентифицирующая*, отражающая внутрифедеративное самоопределение этносов в многоязычном и поликультурном пространстве.

Т. В. Дубровская, Е. И. Кожевникова на основе анализа текста закона о государственном языке России выделяют такие инструментально-функциональные репрезентации русского языка, как «единение народов», «поддержание культуры» и «международное влияние» [Дубровская, Кожевникова, 2020, с. 41–43]. Т. С. Садова, анализируя лингвистическое содержание термина «государственный язык Российской Федерации», предлагает рассматривать данное понятие в коммуникативном, нормативном и ценностном аспектах [Садова, 2022, с. 36–39].

В заключение, отмечая корреляцию лингвистических, социолингвистических и юридических характеристик государственного языка (средство официального, межнационального, международного общения, средство взаимопонимания, инструмент государственной и языковой политики, защиты и развития языковой культуры, обязательный символ и атрибут официальной коммуникации, средство достижения государственно-правовой общности, территориальной целостности и межнационального единства, выражения «государственной воли» и реализации права), считаем наиболее продуктивным дальнейшее исследование обозначенных дискуссионных вопросов на основе методологии прикладных наук (прежде всего юридической лингвистики, социолингвистики) и результатов экспертной практики.

Библиографический список

Батюшкина М. В. Государственные языки республик: к вопросу о моделировании статуса, функциональной роли и ситуациях употребления // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. 2017. Т. 3. № 3.

Батюшкина М. В. К вопросу о формировании представления о русском языке как государственном в досоветский и советский периоды // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57.

Батюшкина М. В. Дискурсивные доминанты законоотворчества. М, 2022.

Батюшкина М. В. Дискурсивный подход к исследованию закона и государственного языка // Российская юстиция. 2023. № 2.

Белов С. А., Кропачев Н. М., Вербицкая Л. А. Государственный язык России: нормы права и нормы языка. СПб., 2018.

Белоконь Н. В. Изменение Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» // Юридическая техника. 2023. № 17.

Вербицкая Л. А. Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию // Русский язык в национальной школе. 2016. № 1.

Голев Н. Д. Юрислингвистика. Вводный очерк теории. Кемерово, 2021.

Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

Доровских Е. М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. 2007. № 12 (132).

Дубровская Т. В., Кожевникова Е. И. Государственный язык, языковая ситуация и языковая политика: репрезентации в тексте Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» // Научный диалог. 2020. № 10.

Иванова Н. И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в начале XXI века, этносоциопсихолингвистический аспект. Новосибирск, 2022.

Катунин Д. А. Языковое законодательство Республики Алтай // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов : сб. Томск, 2015.

Киров Е. Ф. Соотношение понятий «государственный язык» и «язык государства» // Русское слово в многоязычном мире. СПб., 2019.

Киянова О. Н. Русский язык как государственный язык Российской Федерации в современных условиях // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 2.

Клобуков Е. В., Клобукова Л. П. О соотношении терминов официально-делового стиля «государственный язык Российской Федерации» и «русский

язык как государства» // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сб. М., 2019.

Козловцева Н. А., Казакова Е. Д. Русский язык как государственный в Республике Беларусь: особенности функционирования и восприятия среди белорусов // Самоуправление. 2023. № 1 (134).

Кропачев Н. М., Вербицкая Л. А., Белов С. А. Требования к устной речи при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2017. Т. 14. № 4.

Кропачев Н. М., Кузнецов С. А. Государственный язык Российской Федерации — понятный русский язык // Мир русского слова. 2020. № 2.

Кушнерук С. П. Федеральный закон России о государственном языке как объект документно-лингвистического анализа (часть I) // Научный диалог. 2012. № 12.

Ляшенко Н. В. Русский язык как государственный язык Российской Федерации: конституционно-правовой анализ : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

Мякшева О. В., Сиротинина О. Б. Современный русский литературный язык как государственный язык Российской Федерации // Русский язык в школе. 2019. Т. 80 № 3.

Орешкина М. В. Официальный язык // Социолингвистика. 2020. № 2 (2).

Осипов Б. И. Языковые проблемы права и правовые проблемы языка // Юрислингвистика. 1999. № 1.

Побережная И. А., Мачинская Д. А. К вопросу о конституционном праве республик Российской Федерации устанавливать свой государственный язык // Россия в XXI веке: экономические, правовые и социально-культурные перспективы развития : сб. М., 2016.

Руднев Д. В., Садова Т. С. Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации») // Журнал российского права. 2017. № 2 (242)

Рябова Л. Г. Государственный язык как лингвистическая категория // Успехи современной науки. 2016. Т. 7. № 12.

Садова Т. С. К вопросу о лингвистическом содержании термина «государственный язык» // Метапредметный подход в образовании: русский язык в школьном и вузовском обучении разным предметам : сб. М., 2022.

Северская О. И. Русский язык в законе «О государственном языке РФ» и в сферах его применения // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7.

Чернышова Т. В. Официально-деловая речь: внутрителивая дифференциация // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 3 (19).

Янускина В. В. Конституционно-правовой статус русского языка и его роль в формировании и развитии российской государственности. М., 2017.

References

Batyushkina M. V. *Gosudarstvennyye yazyki respublik: k voprosu o modelirovanii statusa, funktsional'noy roli i situatsiyakh upotrebleniya*. [State languages of the republics: on the issue of status modeling, functional role and usage situations]. In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates*. [Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian research. humanitates]. 2017. Vol. 3. No. 3.

Batyushkina M. V. *K voprosu o formirovanii predstavleniya o russkom yazyke kak gosudarstvennom v dosovetskiy i sovetskiy periody*. [To the question of the formation of the idea of Russian as a state language in the pre-Soviet and Soviet periods]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. [Bulletin of the Tomsk State University. Philology]. 2019. No. 57.

Batyushkina M. V. *Diskursivnyye dominanty zakonotvorchestva*. [Discursive dominants of lawmaking]. Moscow, 2022.

Batyushkina M. V. *Diskursivnyy podkhod k issledovaniyu zakona i gosudarstvennogo yazyka*. [A discursive approach to the study of law and the state language]. In: *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice]. 2023. No. 2.

Belov S. A., Kropachev N. M., Verbitskaya L. A. *Gosudarstvennyy yazyk Rossii: normy prava i normy yazyka*. [State language of Russia: norms of law and norms of language]. St. Petersburg, 2018.

Belokon' N. V. *Izmeneniye Federal'nogo zakona "O gosudarstvennom yazyke Rossiyskoy Federatsii"*. [Amending the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation"]. In: *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique]. 2023. No. 17.

Verbitskaya L. A. *Russkiy yazyk kak gosudarstvennyy: sovremennoye sostoyaniye i mery po yego ukrepleniyu i razvitiyu*. [Russian language as a state language: the current state and measures to strengthen and develop it]. In: *Russkiy yazyk v natsional'noy shkole*. [Russian language in the national school]. 2016. No. 1.

Golev N. D. *Yurislingvistika. Vvodnyy ocherk teorii* [Jurislinguistics. Introductory essay on theory]. Kemerovo, 2021.

Gubayeva T. V. *Slovesnost' v yurisprudentsii*. [Literature in jurisprudence]. Abstract of Law. Dr. Diss. Moscow, 1997.

Dorovskikh Ye. M. *K voprosu o razgranichenii ponyatiy "gosudarstvennyy yazyk" i "ofitsial'nyy yazyk"*. [On the issue of distinguishing between the concepts

of “state language” and “official language”]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava*. [Journal of Russian Law]. 2007. No. 12 (132).

Dubrovskaya T.V., Kozhevnikova Ye.I. *Gosudarstvennyy yazyk, yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika: reprezentatsii v tekste Federal'nogo zakona “O gosudarstvennom yazyke Rossiyskoy Federatsii”*. [State language, language situation and language policy: representations in the text of the Federal Law “On the State Language of the Russian Federation”]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue]. 2020. No. 10.

Ivanova N.I. *YAzykovaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya): yakutskiy yazyk v nachale XXI veka, etnosotsiopsikholingvisticheskiy aspekt*. [The language situation in the Republic of Sakha (Yakutia): the Yakut language at the beginning of the XXI century, ethnographic sociological-psycholinguistic aspect]. Novosibirsk, 2022.

Katunin D.A. *YAzykovoye zakonodatel'stvo Respubliki Altay. V sb.: Prirodnyye usloviya, istoriya i kul'tura Zapadnoy Mongolii i sopredel'nykh regionov*. [Language legislation of the Republic of Altai. In: Natural conditions, history and culture of Western Mongolia and adjacent regions]. Tomsk, 2015.

Kirov Ye. F. *Sootnosheniye ponyatiy “gosudarstvennyy yazyk” i “yazyk gosudarstva”*. [Correlation between the concepts of “state language” and “language of the state”]. In: *Russkoye slovo v mnogoyazychnom mireno* [Russian word in a multilingual world]. St. Petersburg, 2019.

Kiyanova O. N. *Russkiy yazyk kak gosudarstvennyy yazyk Rossiyskoy Federatsii v sovremennykh usloviyakh*. [Russian language as the state language of the Russian Federation in modern conditions]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta*. [Bulletin of Moscow University]. Series 9: Philology. 2016. No. 2.

Klobukov Ye. V., Klobukova L. P. *O sootnoshenii terminov ofitsial'no-delovogo stilya “gosudarstvennyy yazyk Rossiyskoy Federatsii” i “russkiy yazyk kak gosudarstva”*. [On the relationship between the terms of the official business style “state language of the Russian Federation” and “Russian language as a state”. In: *Ratsional'noye i emotsional'noye v russkom yazyke*. Rational and emotional in Russian]. Moscow, 2019.

Kozlovteva N. A., Kazakova Ye. D. *Russkiy yazyk kak gosudarstvennyy v Respublike Belarus': osobennosti funktsionirovaniya i vospriyatiya sredi belorusov*. [Russian as a state language in the Republic of Belarus: features of functioning and perception among Belarusians]. In: *Samoupravleniye* [Self-management]. 2023. No. 1 (134).

Kropachev N. M., Verbitskaya L. A., Belov S. A. *Trebovaniya k ustnoy rechi pri ispol'zovanii russkogo yazyka kak gosudarstvennogo yazyka Rossiyskoy Federatsii*. [Requirements for oral speech when using the Russian language as the state language of the Russian Federation]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*.

Yazyk i literature. [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature]. 2017. Vol. 14. No. 4.

Kropachev N. M., Kuznetsov S. A. *Gosudarstvennyy yazyk Rossiyskoy Federatsii — ponyatnyy russkiy yazyk*. [The state language of the Russian Federation is understandable Russian]. In: *Mir russkogo slova*. [World of the Russian Word]. 2020. No. 2.

Kushneruk S. P. *Federal'nyy zakon Rossii o gosudarstvennom yazyke kak ob'yekt dokumentno-lingvisticheskogo analiza (chast' I)*. [Federal Law of Russia on the State Language as an Object of Documentary and Linguistic Analysis (Part I)]. In: *Nauchnyy dialog*. [Scientific Dialogue]. 2012. No. 12.

Lyashenko N. V. *Russkiy yazyk kak gosudarstvennyy yazyk Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovoy analiz*. [Russian language as the state language of the Russian Federation: constitutional and legal analysis]: Abstract of Law. Cand. Diss. Moscow, 2004.

Myaksheva O. V., Sirotinina O. B. *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk kak gosudarstvennyy yazyk Rossiyskoy Federatsii*. [Modern Russian literary language as the state language of the Russian Federation]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2019. Vol. 80. No. 3.

Oreshkina M. V. *Oficial'nyy yazyk*. [Official language]. In: *Sociolingvistika*. [Sociolinguistics]. 2020. No. 2 (2).

Osipov B. I. *Yazykovyye problemy prava i pravovyye problemy yazyka*. [Language problems of law and legal problems of language]. In: *Yurisingvistika*. [Jurislinguistics]. 1999. No. 1.

Poberezhnaya I. A., Machinskaya D. A. *K voprosu o konstitutsionnom prave respublik Rossiyskoy Federatsii ustanavlivat' svoy gosudarstvennyy yazyk*. [On the issue of the constitutional right of the republics of the Russian Federation to establish their state language]. In: *Rossiya v XXI veke: ekonomicheskkiye, pravovyye i sotsial'no-kul'turnyye perspektivy razvitiya*. [Russia in the 21st century: economic, legal and socio-cultural development prospects]. In: Moscow, 2016.

Rudnev D. V., Sadova T. S. *Russkiy yazyk kak gosudarstvennyy i sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk (v aspekte realizatsii Federal'nogo zakona "O gosudarstvennom yazyke Rossiyskoy Federatsii")*. [Russian language as a state and modern Russian literary language (in the aspect of the implementation of the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation")]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava*. [Journal of Russian Law]. 2017. No. 2 (242).

Ryabova L. G. *Gosudarstvennyy yazyk kak lingvisticheskaya kategoriya*. [State language as a linguistic category]. In: *Uspekhi sovremennoy nauki*. [Successes of modern science]. 2016. Vol. 7. No. 12.

Sadova T. S. *K voprosu o lingvisticheskom soderzhanii termina "gosudarstvennyy yazyk"*. [To the question of the linguistic content of the term "state language"]. In:

Metapredmetnyy podkhod v obrazovanii: russkiy yazyk v shkol'nom i vuzovskom obuchenii raznym predmetam. [Meta-subject approach in education: Russian language in school and university education in various subjects]. Moscow, 2022.

Severskaya O.I. *Russkiy yazyk v zakone "O gosudarstvennom yazyke RF" i v sferakh yego primeneniya.* [Russian language in the law "On the state language of the Russian Federation" and in the areas of its application]. In: *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii.* [Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia]. 2022. No. 7.

Chernyshova T.V. *Ofitsial'no-delovaya rech': vnutristilevaya differentsiatsiya.* [Official and business speech: intra-style differentiation]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya.* [Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology]. 2012. No. 3 (19).

Yanuskina V.V. *Konstitutsionno-pravovoy status russkogo yazyka i yego rol' v formirovanii i razvitii rossiyskoy gosudarstvennosti.* [The constitutional and legal status of the Russian language and its role in the formation and development of Russian statehood]. Moscow, 2017.

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОДЕЛИ [А<В]

Л. А. Джелалова

Ключевые слова: диалог, пословица, модель, коммуниканты, стратегия, тактика.

Keywords: dialogue, proverb, model, communicants, strategy, tactics.

DOI: 10.14258/filichel (2023)3–05

Введение

За последние годы интерес к изучению пословиц, особенно в филологической среде, становится все более актуальным. Особое внимание уделяется изучению свойств пословиц, их месту в речевом общении в рамках диалогической речи [Баженова Я. Г., 2022; Ван Мен, 2021; Шаров И. А., 2022; Янкина Е. В., 2022], в том числе как психолингвистического механизма [Степыкин Н. И., 2021; Онина С. В., 2022] при непосредственной корреляции с психотипом говорящего и слушателя [Горбунова Д. А., 2022; Алхастова З. Р., 2020; Лой Цзинвэй, 2020], например, при речевой манипуляции в медиaprостранстве [Бай Ган, 2021; Денисова Е. В., 2020; Кохан И. Н., 2020; Мясищев Г. И., 2021; Погорельская О. А., 2022] в рамках структурного и тематического [Джелалова Л. А., 2013; Раадранириана А. М., 2019], семантического [Алексеева Т. Е., Федосеева А. Н., 2021; Лаптева О. В., 2021], национально-культурного [Алхастова З. Р., 2020; Кохан И. Н., 2020; Лой Цзинвэй, 2020] подходов, включая их комбинации на примере одного языка [Орлова Т. Г., 2021; Таказов Ф. М., 2020; Джелалова Л. А., 2013, 2021] или двух и более языков [Денисова Е. В., 2020; Ященина Ю. С., 2022] разных типов дискурса. И это не случайно, так как пословицы обладают суммой взаимосвязанных признаков, требующих, как правило, комплексного подхода [Алхастова, 2020; Денисова, 2020; Лой Цзинвэй, 2020; Раадранириана, 2019 и др.]. Исследуемые изречения, учеными-лингвистами рассматриваемые как «микротексты, обладающие лексическими и прагматическими особенностями при неоднозначности лексического состава» [Раадранириана, 2019, с. 3], являются не только «средствами понимания мира», «образцами ораторского искусства», направленными на «достижение определенной коммуникативной цели и прагматиче-

ского эффекта» [Лой Цзинвэй, 2020, с. 4], «выражают эмоции», передают «оценку окружающего мира» [Там же, с. 8], но и «вспомогательными средствами в привлечении внимания аудитории, достижении иллюкативного эффекта, аргументации своей позиции, эмоционального воздействия на слушателя, создания собственного положительного имиджа» [Алхастова, 2020, с. 3]. Более того, пословицы, по мнению Е. В. Денисовой, как прохибитивные конструкции выступают «в роли предостережений, упреков, наставлений, советов и т.д.», а потому могут быть «средствами речевой манипуляции, выбор которых совершает отправитель высказывания» [Денисова, 2020, с. 4]. С точки зрения нашего исследования пословицы — «семиотические единицы, являющиеся высказываниями, равными предложению, которые реализуют соответствующие синтаксические структуры русского языка; представляют собой суждения, умозаключения и имеют логико-смысловую структуру; образно интерпретируют факты реальной действительности как законы, правила, проверенные временем и принятые обществом за образец / антиобразец, тем самым выступают речевыми произведениями и результатом когнитивной и дискурсивной деятельности коллективной русской языковой и культурной личности» [Джелалова, 2021, с. 7]. Такое понимание пословиц определяет, с нашей точки зрения, необходимость их изучения и на основе коммуникативно-прагматического подхода, например, при описании индивидуального коммуникативного пространства модели [A<B].

Общая характеристика индивидуального коммуникативного пространства модели [A<B]

В коммуникативном пространстве исследуемой нами модели ИКМ [A<B] предполагаются двусторонние отношения между партнерами, построенные на характеристике слушателя / исполнителя (B) как такового или его качества (Кв), с использованием пословиц-аргументов, в которых может содержаться характеристика партнера по общению. Форма общения — монолог с элементами пассивного диалога. Пословицы коммуникативного пространства модели ИКМ [A<B] не предполагают сравнение характеризуемого с другим субъектом или его качеством, т.е. характеристика личности партнера по коммуникации происходит в так называемых границах его личного коммуникативного пространства [B↔B] при рациональной, куртуазной, реже инвективной поведенческих реакциях в основном в рамках личностно-ориентированного дискурса как процесса вербального общения, включенного в каноническую письменную речь.

По В. И. Карасику, данный дискурс возникает чаще всего между хорошо знакомыми людьми, где говорящий «выступает во всем богатстве своего внутреннего мира» [Карасик, 2004, с. 197]. В связи с этим актуальной является «лишь многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего» при «бытовом, обыденном общении, содержащая в свернутой форме особенности общения на статусно-представительском уровне» [Карасик, 2004, с. 197; Джелалова, 2021, с. 68]. Для полноты картины исследования, утверждает ученый, не исключается возможность «переосмысления бытового дискурса в институциональный» (статусно-ориентированный) дискурс [Карасик, 2004, с. 197; Джелалова, 2021, с. 68–69].

Согласно нашему исследованию, общение между партнерами в рамках лично-ориентированного дискурса настоящей модели с использованием пословиц-аргументов не допускает смену коммуникативных ролей. В этом случае роль говорящего остается неизменной, поведение партнера контролируется им на протяжении всего речевого события как при обоюдном согласии партнера / исполнителя — сотрудничество, так и в ущерб интересам последнего — конфронтация. В связи с этим социальный статус говорящего не может меняться слушателем, так как он [говорящий] занимает главенствующую позицию — исключительного получателя результата, а потому может блокировать всякого рода «инициативу» со стороны слушателя относительно себя и своего статуса, например: *Пошла бы баба в лес за грибами — да встречу ей медведь с зубами; И не так меня гладили, да и то не поладили* (Владимир Даль. 1879. Т. 1. С. 280¹); *В добрый час молвить, в худой помолчать* (Указ. словарь. Т. 2, с. 573); *Язык держи, а сердце в кулак сожми* (Владимир Даль. 1879. Т. 1. С. 130) и др.

Внутренняя организация коммуникативного пространства названной нами модели включает в себя: 1) цель, ведущую к положительному результату только говорящего; 2) разработку говорящим стратегий и тактик, способствующих реализации запланированного им результата; 3) выбор языковых средств: пословиц-аргументов, содержащих качественную характеристику лица, его действий, равных по смыслу коммуникативному событию в настоящем. Под стратегией общения нами будет пониматься «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Анохина, 2008, с. 66; Иссерс, 2008, с. 54; Кашкин, 2000, с. 132; Паршина, 2007, с. 11; Янко, 2001, с. 38], что связывает данное понятие с этапом планирования в зависимости от «конкрет-

¹ Здесь и далее ссылки на словарь В. И. Даля даны по следующему источнику: Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. СПб.; М., 1879.

ной направленности речевого поведения» [Кашкин, 2000, с. 132; Паршина, 2007, с. 11], а также «линии речевого поведения» [Анохина, 2008, с. 66] при «конкретных условиях общения» [Иссерс, 2008, с. 54], сопряженных, как правило, «с сотрудничеством или социальной конфронтацией» [Джелалова, 2021, с. 323]. Тактикой нами будут называться «одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии и связанных между собой родовидовыми отношениями» [Иссерс, 2008, с. 111; Джелалова, 2021, с. 330].

Морфологические показатели субъекта и его качества в пословицах индивидуального коммуникативного пространства модели [А<В]

Морфологическими показателями партнера по коммуникации, названного нами слушателем / исполнителем, могут быть такие части речи, как:

- 1) существительные, характеризующие субъект коммуникации по:
 - а) **качеству**: *богач, бедняк, праведник, грешник, разбойник, бездомник* и др., в том числе и закрепившемуся в народе и отраженному в русских пословицах за конкретным лицом;
 - б) **принадлежности партнера к какой-либо профессии**: *булочник, колбасник, запягальщик, пряничник, пирожник, тележник, санник* и др.;
- 2) полными и краткими прилагательными, равными оценочным словам, например, **добрый**: *Доброму человеку — что день, то и праздник* (Владимир Даль. 1879. Т. 1. С. 226); **злой**: *Злой человек не проживет в добре век* (с. 130); **богатый**: *Богатому (счастливому) не что дается: живет да греется* (с. 50); **сильный**: *На сильного Бог да государь* (там же. С. 292) и т.д.; *Божьи невольники счастливы* (Т. 1. С. 292); *<Он> Рожей неказист, да мешком харчист* (Т. 1. С. 292); *Парень не хитер, да удачлив, неказист, да талантлив* (Т. 1. С. 292) и т.д.;
- 3) чаще всего местоимениями 3 лица единственного и множественного числа: **он**: *Он не кот, молока не пьет, а от винца не прочь*; **мы**: *Мы кого обидим, того зла не помним* (там же. С. 22) и др.
- 4) глаголами:
 - а) действия или состояния: *разнесет, возьмет / не возьмет, грызет, перемалывает*; например, *Дедушка умрет — ничего с собою не возьмет* (Т. 1. С. 346);
 - б) длежащегося или повторяющегося действия: *бьет, поет, идет, плачет, горюет, тоскует, ходит*; например, *Сваха ходит собачьей тропой* (Т. 1. С. 459);

- в) предполагающими конечный результат: **(не) полетит**: *Смолоду ворона по поднебесью не летала, не полетит и под старость* (Т. 1. С. 447), и т.д.

Большое количество пословиц-аргументов, ключевые элементы которых выражены в форме повелительного наклонения: молись, берегись: <ТЫ> **Молись**, а злых дел берегись (Т. 1. С. 6); не унывай, уповай: <ТЫ> **В беде не унывай**, на Бога **уповай** (Т. 1. С. 157); отвяжись — привяжись: **Отвяжись**, худая жизнь, **привяжись** хорошая (Т. 1. С. 27; 162); покорись: <ТЫ> **Покорись** беде, и беда покорится (Т. 1. С. 31); дай: <ТЫ> **Дай грош**, да пусти поросенка в рожь — так будешь хорош (Т. 1. С. 67); учись, шаркай, подбирай: <ТЫ> **Учись** у курочки: **шаркай да подбирай** (Т. 1. С. 94); собирай, раздавай: <ТЫ> **Одной рукой собирай**, другой **раздавай** (Т. 1. С. 99) и др.

Качественная характеристика субъекта (В) в пословицах-аргументах, используемых говорящим в процессе общения, может передаваться словосочетаниями чаще всего со связью согласование в модели сущ.+прилаг.: **Голодному Фоме** и щи на уме (с. 94); **Не продажному коню** и цены нет (Т. 2. С. 4); **Невинная душа** не боится смерти (Т. 1. С. 338), реже — сущ.+прич.: **Давущая рука** не отболит, **берущая** <рука> не отсохнет; **Казна шатущая корова**: не доит ее (Т. 1. С. 285) и др.

Пословицы-аргументы индивидуального коммуникативного пространства модели ИКМ [А<В] представляют собой выражения, содержащие качественную оценку партнера через:

- а) совершенные им действия: *Запасливый гость без ложки не ходит <а бурлак ее на шапке носит>* (Т. 1. С. 638);
- б) его качественную характеристику: *И худой человек проживает свой век* (Т. 1. С. 371);
- в) профессиональные качества: *Добрый портной с запасом шьет* (Т. 1. С. 638);
- г) «обращение к партнеру с каким-либо предложением / просьбой» [Джелалова, 2021, с. 565]: *Коли спишь, красавица, почивай; а не спишь — на спрос отвечай* (Т. 2. С. 308);
- д) «описание факта или действия, доказательства определенной истины, суждение по конкретному предмету общения» [Джелалова, 2021, с. 565]: *Скуп не глуп: себе добра хочет <себе бережет>* (Т. 1. С. 101);
- е) «отражение причинно-следственных отношений между событиями, влекущими к каким-либо последствиям для партнера посредством констатации факта реальной действительности, или факта / данности» [Джелалова, 2021, с. 565]: *Врун, так и обманщик*;

обманщик, так и плут; плут, так и мошенник, а мошенник, так и вор (Т. 1. С. 236), и включают следующие прагматические типы:

предсказание — попытка говорящего (выше по статусу своего слушателя) оградить его [слушателя] от нежелательных действий, ведущих к отрицательному результату, формируя модель предполагаемого события: *Кто отца, матери не слушается, послушается телячьей кожи* (Т. 2. С. 152); **убеждение** / утешение, предназначенное смягчить боль, разочарование, неудачу слушателю / исполнителю, испытывающему эмоциональный стресс: *Плачь не плачь, а делать <есть, пить> надо* (Т. 2. С. 392); **утверждение**: *Бедному да вору вся одежда впору* (Т. 1. С. 75); **советы-предупреждения, советы-пожелания** — потребность: *Спорить спорь, а браниться грех* (Т. 1. С. 314); **насмешка**: *У нашего господина ни ржи, ни овина* (Т. 1. С. 76); **упрек с элементами блокировки**: *Сытый голодного не разумеет* (Т. 1. С. 87); **запрещение**: *<Ты> Не стой над иконой, как черт над душой* (Т. 2. С. 153) и др.

Пословицы-аргументы индивидуального коммуникативного пространства модели [А<В]

Пословицы-аргументы коммуникативного пространства модели ИКМ [А<В], используемые говорящим в речевом общении, должны содержать:

1) перспективную модель запланированного говорящим конечного результата с выгодным для него сценарием действия:

Пример 1

Пословица: *«Взялся за гуж, <не говори, что не дюж>»* (Владимир Даль. 1879. Т. 1. С. 295; Владимир Даль. 2007. Т. 1. С. 406).

Контекст: *«Тит: — Смотри, барин, взялся за гуж, не отставать! — сказал он, и Левин услышал сдержанный смех между косцами. Левин: — Постараюсь не отстать, — сказал он, становясь за Титом и выжидая времени начинать. Тит: — Мотри, — повторил старик. Тит освободил место, и Левин пошел за ним. Трава была низкая, придорожная, и Левин, давно не косивший и смущенный обращенными на себя взглядами, в первые минуты косил дурно, хотя и махал сильно...»* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина. Т. 18. 1937. С. 264).

Значение пословицы: «если уж принялся за какое-либо дело, не отказывайся, ссылаясь на трудности или свою слабость» [Жуков, 2000, с. 67].

Стратегия: коммуникативная стратегия манипуляции (подчинения) с элементами информирования (презентации).

Тактики сотрудничества, с элементами конфронтации: Тит — «контроль за инициативой», «обобщение», «прогнозирование», с элемента-

ми «„игры” на понижение», «давление»; Левин — «уступки», с элементами внутреннего «возмущения».

Пословицы-аргументы из словарей В. И. Даля, равные по смыслу представленной в контексте поговорки: «*Кто в кони пошел, тот и воду вози! На ряду жить, рядовую творить; Сидеть на ряду — не говорить: не могу; Надел треух, так не будь вислоух! Назвался грибом (груздем) — полезай в кузов! Вдохни, да охни, а свое отбывай!*» (Т. 1. С. 295). «*Богу молись, а сам трудись! Ори, да бога моли; наши, ни о чем не тужи!*» (Т. 1. С. 103); «*Принялся за дело, так вошь за тело*» (Т. 1. С. 667); «*Люблю серка за обычаем: кряхтит, да везет*» и др. (Т. 1. С. 658).

Установки, по В. И. Карасику, характерные для героев с точки зрения норм поведения относительно заявленной в контексте ситуации: «Нужно отвечать за свои действия»; «Следует трудиться», «Следует выполнять свое дело хорошо»; «Не следует (слишком) рано подводить итоги»; «Не следует принимать необдуманные решения» и др. [Карасик, 2004, с. 25–29].

Законы общения, по И. А. Стернину, которые могут быть применены к героям описываемой нами речевой ситуации: «„притяжения критики”, „речевого поглощения эмоции”, „зависимости результата общения от объема коммуникативных усилий”» [Стернин, 2009, с. 29; 37; 13].

Эмоции: воодушевление с элементами надежды — ключевая эмоция «радость» (Тит); с одной стороны, неуверенность, тревога — ключевая эмоция «страх», а с другой стороны, недовольство — ключевая эмоция «гнев» (Левин);

2) «аргументированную оценку партнеру по коммуникации, его действиям, указав на конкретные факты реальной действительности, доказывающие высказанную говорящим точку зрения» [Джелалова, 2021, с. 290]:

Пример 2

Пословица: *Без стыда лица не износишь* (Владимир Даль. Указ. соч. Т. 1. С. 376), *как платье без пятна*.

Контекст: «*Анисья: — Эх, на это смотреть. Чего стыдиться-то? Разве мы хуже людей? Матрена: — Не мило молвится: без стыда лица не износишь, как платье без пятна*» (Л. Н. Толстой. Произведения 1885–1889. 1937. С. 540).

Значение поговорки: жизнь длинная, а человек несовершенен, а потому ни одному человеку не удастся прожить жизнь без стыда за совершенные когда-то поступки.

Стратегия: коммуникативная стратегия информирования (презентации).

Тактики сотрудничества: «„игры” на повышение», «поддержка», «сотрудничество».

Пословицы-аргументы, равные по смыслу представленному в контексте изречению: *Один всеми доблестями не овладеет* (Т. 1. С. 242); *Виноватого Бог помилует, а правого царь пожалует* (Т. 1. С. 244); *Грех да беда на кого не живет (прибавка: а огонь да вода и попа сожжет)* (Т. 1. С. 242) и др.

Установки: «Нельзя бросать людей в беде»; «Не следует исправлять дурной поступок другим дурным поступком»; «Следует быть справедливым» (этические нормы контроля); «Не следует (слишком) рано подводить итоги»; «Не следует принимать необдуманные решения».

Законы общения: как «„притяжение”, так и „отражение (публичной критики)”; „доверия к простым словам”, „речевого поглощения эмоции”, „ритма общения” и „детального обсуждения мелочей” [Стернин, 2009, с. 29; 25; 26; 37; 18; 33].

Эмоции: огорчение, угнетенность, опустошенность, подавленность, сожаление — ключевая эмоция печаль;

3) душевное состояние говорящего относительно ситуации или же конкретного лица:

Пример 3

Пословица: *Как <сколько> с быком ни биться, а все молока от него не добиться* (Владимир Даль. Указ. соч. Т. 2. С. 455).

Контекст: «...Ноздрев понес такую околесину, которая не только не имела никакого подобия правды, но даже просто ни на что не имела подобия...; один только полицеймейстер долго еще слушал, ... но наконец и рукой махнул, сказавши: „Черт знает что такое!” И все согласились в том, что **как с быком ни биться, а все молока от него не добиться**. И остались чиновники еще в худшем положении, чем были прежде, и решилось дело тем, что никак не могли узнать, что такое был Чичиков» (Н. В. Гоголь. Мертвые души. 1994. С. 423).

Значение пословицы: «бесполезно добиваться от человека того, на что он не способен» [Жуков, 2000, с. 139].

Стратегия: коммуникативная стратегия дискредитации (конвенция).

Тактики конфронтации: «„игры” на понижение», «критика», «дистанцирование» с элементами «отказа от диалога (блокирование)».

Пословицы-аргументы, равные по смыслу представленной в контексте пословице: *Черного кобеля не вымоешь (не домоешься) добела* (Т. 2. С. 454); *Не быть курице петухом, а бабе — мужиком* (Т. 2. С. 455); *Оборотнем медведь, волк пастухом, а свинья огородником не бывают* (Т. 2.

С. 455); *Не поймаешь скакуху (лягушку) за уши* (Т. 2. С. 455); *Как ни гнишь, а поясницу не поцелуешь* (Т. 2. С. 456) и др.

Установки: «Не следует слишком много говорить»; «Нужно отвечать за свои действия», «Нужно признавать свои ошибки», «Нужно исправлять свои ошибки», «Не следует исправлять дурной поступок другим дурным поступком»; «Не следует поручать одно дело (слишком) большому числу людей»; «Следует предпочесть наиболее реальное благо (и наименьшее зло)»; «Не следует (слишком) рано подводить итоги»; «Не следует принимать необдуманные решения» [Карасик, 2004, с. 25–29].

Законы общения: «„притяжения критики“, „речевого поглощения эмоции“, „возрастающего нетерпения слушателей“, „эмоционального подавления логики“» [Стернин, 2009, с. 29; 37; 14; 40].

Эмоции: «сожаление, огорчение, уныние — ключевая эмоция „печаль“, а также недовольство, раздражение, нетерпение, злость — ключевая эмоция „гнев“» [Джелалова, 2021. Таб. 10, с. 393].

Мы видим, что пословицы коммуникативного пространства модели ИКМ [А<В] — это суждения, представляющие собой, как справедливо отмечает Н. Р. Байжанова, и текст, и дискурс одновременно. Они обладают своей структурой, содержанием, прагматическим предназначением и могут быть включены в коммуникативный акт [Байжанова, 2007, с. 65] как в тексте (в нашем случае художественного произведения), так и вне текста как самостоятельные микротексты, соответствующие сложившейся ситуации при характеристике слушателя / исполнителя по качеству через:

- 1) видимые и невидимые характеристики партнера: *Не душою худ, просто плут* (Владимир Даль. Указ. соч. Т. 1. С. 173); <ОН> *Смирен духом, а горд брюхом* (Т. 1. С. 22), а также пример 3;
- 2) оценку партнера или отдельных его элементов: *У нашего господина ни ржи, ни овина* (Т. 1. С. 76); *Гладенькая головка (щеголь) — отцу-матери не кормилец* (Т. 1. С. 486), а также примеры 1–3;
- 3) оценку партнера по совершенному им действию в значении: «„оба“ или „как один“; „единство результата действия“; „без положительного качества действия не будет и его результата“» [Пермяков 1988, с. 108]; *У мошника (тетерева) вся зима одна ночь (за одну ночь)* (Т. 1. С. 486); *Муж кует, жена дует, — что-то будет* (Т. 1. С. 580); *Он куечер, он и кухарь, и косарь, и маляр* (Т. 1. С. 548), а также пример 2;
- 4) начало и конец совершаемого партнером действия: *На словах Волгу переплывет; а на деле ни через лужу* (Т. 2. С. 175); *На словах, что на гусях, а на деле, что на балалайке* (Т. 2. С. 296), а также примеры 1, 3;

- 5) действие партнера на общем фоне равных или подобных ему субъектов: *Всяк родится, да не всякий в люди годится (о неучах)* (Т. 2. С. 474); *Всякий гриб в руки берут, да не всякий в кузовок кладут* (Т. 2. С. 474), а также примеры 1, 2.

Пословицы-аргументы заявленной нами модели представляют собой суждения, подтверждающие мнение говорящего, и могут использоваться им в речевом событии, когда нужно:

- 1) информировать партнера, увидеть его реакцию на информацию и на этом основании разработать или скорректировать план собственного поведения, посредством которого в сознании слушателя / исполнителя будет сформирована некая модель поведения, позволяющая говорящему не только достичь положительного результата, но и помочь партнеру избежать неконструктивного диалога;
- 2) дать обоснованную оценку партнеру или же его действию;
- 3) «представить партнеру в качестве аргумента словесную (или мыслительную) модель конечного результата действия той или иной жизненной (или логической) ситуации так, чтобы получить желаемый результат, не исключая и давление» на собеседника [Джелалова, 2021. Приложение 6. Таблица 5, с. 606];
- 4) «убедить партнера в полном расположении к нему и желании совершить какие-либо действия в качестве доказательств, подтверждающих истинность высказанных говорящим намерений» [Джелалова, 2021. Приложение 6. Таблица 5, с. 610];
- 5) сформировать говорящим положительную модель поведения слушателя / исполнителя, сконцентрировав внимание не на себе, а на партнере по общению, осознавая, что желаемый результат будет зависеть от представленной им [говорящим] информации, включающей при этом давление на партнера с целью установления длительного контакта с ним.

Стратегии и тактики индивидуального коммуникативного пространства модели [A<B]

Для коммуникативного пространства модели ИКМ [A<B] характерны следующие стратегии:

- презентации: *Хозяин в доме, что медведь в бору; Хозяюшка в доме, что оладушек в меду* (Владимир Даль. 1879. Т. 2. С. 98) — в **значении**: сложенный труд кого-либо всегда высоко ценится и служит примером; **применение**: выступает в качестве аргумента при оценке положительного результата, напрямую зависящего от правильно распределенных ролей между участниками;

- положительной самопрезентации: <Я> *Дома не лежу, а в людях не стою* (Т. 1. С. 667) — в **значении**: трудолюбивый человек трудолюбив везде; **применение**: выступает в качестве аргумента при описании положительных качеств человека;
- информирования: *Не всякая пуля в кость да в мясо, иная и в поле* (Т. 1. С. 29) — в **значении**: не все действия извне приводят к одному и тому же результату; **применение**: в ситуации, когда нужно поддержать оппонента и убедить его в закономерности случившегося;
- прагматические (имиджевыми) стратегии, или стратегии положительного эмоционального настроя партнера: *С доброй женой горе — полгоря, а радость вдвойне* (Т. 1. С. 467) — в **значении**: любящая женщина способна на многое: облегчить не только страдания своих близких, но и приумножить их радость; **применение**: представляет собой аргумент при положительной характеристике оппонента посредством оценки его положительных качеств.

Тактики:

- «коррекция модели мира собеседника» через подстройку к эмоциональному состоянию партнера: *Голо, голо, а луковица во щи есть* (Т. 1. С. 79) — РА «ободрение»;
- схожесть эмоционального состояния «друг (соратник) по несчастью» через видимый партнеру упрек: *Сытый голодного не разумеет* (Т. 1. С. 87) — РА «упрек»;
- общность проблем: *Где твой разум, тут и мой, где твоё слово, тут и моё* (Т. 1. С. 276) — РА «убеждение»;
- «контроль над темой»: <ТЫ> *Не веришь повару, сам ступай по воду* (Т. 2. С. 78) — РА «осуждение»;
- эмоционально настраивающая тактика, или отвлечение внимания от цели расспросов: *Не тебе бы говорить, не мне бы слушать* (Т. 2. С. 152) — РА «отказ»;
- оправдание, уход от беспочвенных подозрений: *Не верь своим глазам, а верь моим речам* (Т. 1. С. 227) — РА «убеждение» и др.;
- уклонение от выдачи полной информации: *Многим солгал, да и нам правды не сказал* (Т. 1. С. 230) — РА «мнение»;
- обещание — поддержание добрых отношений: *Ты будешь ноги мыть, а я воду пить* (Т. 1. С. 251) — РА «убеждение» и др.

Весь коммуникативный процесс настоящего пространства модели ИКМ [А<В] можно разделить на три этапа:

I этап (вводный), названный нами условно «подготовка к общению». Цель — создать условия для контакта говорящего со слушателем / ис-

полнителем. Стратегии: «информирование», «манипуляционная», «доминирования», «подчинения». Тактики: «контактоустанавливающая», предполагающая «привлечение внимания», «похвалу», в том числе «„игру” на повышение» и «комплемент»;

II этап (общение) — обсуждение и решение вопросов, предлагаемых говорящим. Цель — вовлечь партнера в созданное говорящим речевое событие, изменив уровень информирования коммуниканта и обозначив его роль. Стратегии: «информирования» и «призыва», а также «подчинения», положительной и отрицательной «самопрезентации», предполагающей «доминирование над партнером», стратегии манипуляции, направленные на защиту интересов только говорящего. Тактики: «согласие»; «апелляция к авторитету»; «контраст»; «„игра” на повышение / понижение»; «рациональное убеждение».

III этап (завершающий) — выход из контакта. Цель — подведение итогов общения и формирование перспективной модели дальнейшего сотрудничества или конфронтации. Стратегии: риторические и диалогические. Тактика: «обобщения», «согласия», «уступки»; «обещание», «поддержание добрых отношений (кооперация)».

На подготовительном этапе говорящим применяются:

- а) контактоустанавливающие пословицы (выражения-аргументы), содержащие, например, приветствия или приветствия с элементом блокировки: *Здравствуй, ты, здравствуй я, здравствуй, милая моя* (Т. 2. С. 321); *Здравствуй, ты, многолетствуй я, ночевать поступи к своей милости!* (Т. 2. С. 325); *Милости просим мимо ворот щей хлебать* (Т. 2. С. 318); <ТЫ> *Пришел не зван, поди ж не гнан* (Т. 2. С. 318) и др.;
- б) пословицы-аргументы, предполагающие ответную реакцию партнера по общению: *Сядем рядком да поговорим (да перетолкуем) ладком* (Т. 1. С. 533); *Где больно, там рука; где мило, там глаза* (Т. 2. С. 302); *Не спрашивай: пьет ли, спрашивай: каков во хмелю* (Т. 1. С. 303) и др.

Такого рода изречения позволяют говорящему, согласно созданной им ситуации общения, реализовать намеченный им план, выбрав (а в некоторых случаях скорректировав) для этого способ подачи информации (стратегия), использовать средства и способы поведения (тактика), руководствоваться характером беседы и ее предполагаемым результатом при всех видах общения.

Основной этап (собственно общение) представлен подразделами, в которых пословицы-аргументы отражают позиции говорящего и слушателя / исполнителя ИКМ [А<В] при абсолютном лидерстве первого

(говорящего) и поддержке второго (слушателя). На данном этапе пословицы, используемые говорящим (Г.) в качестве аргумента, способствуют реализации стратегических целей и тактических задач, направленных (как нами уже говорилось ранее) на получение результата говорящим, а не слушателя (С.). Это позволяет говорящему:

1) сориентироваться в ситуации и дать оценку личности партнера, например, при сотрудничестве сторон: Г.: *Смелый приступ не хуже (половина) победы* (Т. 1. С. 320); С.: *Без отваги нет и браги* (Т. 1. С. 320); Г.: *За правое дело стой смело!* (Т. 1. С. 214); С.: *Лучше умереть, чем неправду терпеть* (Т. 1. С. 214); Г.: *Не струшу, так отведу душу* (Т. 1. С. 321); С.: *Резвого жеребца и волк не берет* (Т. 1. С. 320) и др.;

2) мобилизоваться на поиск компромиссных идей, подходов и вовлечь слушателя в созданную им (говорящим) коммуникативную ситуацию, определив роль партнеру как получателю информации и добровольному или же (реже) принудительному исполнителю:

Г.: <ТЫ>*Не верь повару, иди сам по воду!* (Т. 2. С. 202); <ТЫ>*Ешь мед, да берегись жала* (Т. 2. С. 202); <ТЫ>*Стекланную посуду береги, что девку: расшибешь — не починишь* (Т. 2. С. 203); <ТЫ>*На чужой совет до зову не ходи!* (Т. 1, с. 274]; <ТЫ>*С худой головой не суйся в чад!* (Владимир Даль. Указ. соч. 1879. Т. 2. С. 138) и др.;

3) влиять на принятие решения, включая восприятие, оценку и ответную реакцию собеседника при возможных вариантах корректировки личности партнера, включая направление, стиль и методы чаще всего в неофициальном открытом общении:

Г.: *В праздник — белоличка, в буден — чумичка* (Т. 2. С. 202) — С.: *Умем перешерститься: в будень изнанкой, в праздник лицом* (Т. 1. С. 617);

Г.: *Ты ближе к делу, а он про козу белу* (Т. 1. С. 578) — С.: *С лица не воду пить, умела бы пироги печь* (Т. 2. С. 455) и др.

На заключительном этапе при выходе из контакта обеими сторонами подводятся итоги общения, посредством которых формируются у каждого из них перспективные модели либо полной договоренности сторон — сотрудничества: Г.: *Полюбовного договора и патриарх не отнимет* (Т. 2. С. 173) — С.: *Говорить, так до всего договоришься* (Т. 1. С. 230);

Г.: *Красно поле пшеном, а беседа умом* (Т. 1. С. 533) — С.: *В чужой беседе всяк ума купит* (Т. 1. С. 533) и др., либо разрыва отношений между партнерами — конфронтации: *Вот тебе бог, вот тебе двери* (Т. 2. С. 318); *Пришел не зван, поди ж не гнан!* (Т. 2. С. 318); *Иду мимо, а не зайду, где немилу* (Т. 2. С. 375); *С ним говорить, что решетом воду носить* (Т. 1. С. 251) и др.

Заключение

Знание пословиц, понимание их смысла, значения, а следовательно, уместность и эффективность их применения в качестве аргумента открывает широкие возможности (в нашем случае) говорящему. Это связано с тем, что именно пословицы позволяют ярче подчеркнуть смысл сказанного говорящим, выступая как весомый, обоснованный и неоспоримый аргумент, а в некоторых случаях и как итог сказанному, контраргумента которому может и не быть, тем самым только укрепляя его (говорящего) главенствующее положение в процессе общения. И это не удивительно, так как пословицы обладают широким ситуативным диапазоном: нет такой ситуации, где этим уникальным изречениям не нашлось бы места. Созданные не одним поколением русского народа, они (как и их творцы) могут радовать и огорчать, обоснованно высмеивать и осуждать, например поступки и пороки, на которые обращает внимание говорящий в первую очередь, позволяя слушателю избежать нежелательный, порой отрицательный результат и скорректировать в процессе общения собственную программу действия. Более того, пословицы-аргументы, уместно используемые говорящим в процессе коммуникации, могут вызвать ожидаемую обратную реакцию слушателя на приведенный говорящим аргумент. Это позволит именно говорящему придерживаться ранее намеченного плана или же скорректировать свои действия уже под другим углом, руководствуясь изначально поставленной для себя целью.

Библиографический список

Алхастова З.Р. Словари английских пословиц в парадигме английской национальной лексикографии : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2020.

Анохина В.С. Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семье) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 56.

Байжанова (Ойноткинова) Н.Р. Подходы к изучению пословиц // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3.

Денисова Е.А. Когнитивно-прагматические особенности русских и немецких паремий, содержащих прохибитивные конструкции : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2020.

Джелалова Л.А. Русские пословицы: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты : дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2021.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2000.

- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
- Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж, 2000.
- Люй Дзинвэй. Функционирование китайских пословиц в российском масс-медийном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2020.
- Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика. М., 2007.
- Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988.
- Раадранириана А. М. Лингвокультурологический анализ паремий тематической группы множества людей в русском, французском и малагасийском языках : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2019.
- Стернин И. А. Деловое общение. Воронеж, 2009.
- Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Источники

- Гоголь Н. В. Мертвые души : сочинения : в 2-х т. Т. 2. Самара, 1994.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. М., 2007.
- Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2-х т. СПб. М., 1879.
- Толстой Л. Н. Война и мир. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 9. М., 1937.
- Толстой Л. Н. Анна Каренина. Полное собрание сочинений. Т. 18. М., 1937.
- Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 26. Произведения 1885–1889. М., 1936.

References

- Alkhastova Z. R. *Slovari angliyskikh poslovits v paradigme angliyskoy natsional'noy leksikografii*. [Dictionaries of English proverbs in the paradigm of English national lexicography]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Nizhniy Novgorod, 2020.
- Anokhina V. S. *Strategii i taktiki kommunikativnogo povedeniya v maloy sotsial'noy grupe (sem'e)*. [Strategies and tactics of communicative behavior in a small social group (family)]. In: *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*. [Vestnik of Stavropol State University]. Stavropol, 2008. No. 56.
- Bayzhanova (Oynotkinova) N. R. *Podkhody k izucheniyu poslovits*. [Approaches to the study of proverbs]. In: *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. [Humanities in Siberia]. Novosibirsk, 2007. No. 3.
- Denisova E. A. *Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti russkikh i nemetskikh paremiy, sodержashchikh prokhibitivnye konstruksii*. [Cognitive-pragmatic

features of Russian and German paremias containing prohibitive constructs]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Kazan, 2020.

Dzhelalova L. A. *Russkie posloviy: strukturno-semanticheskiy i kommunikativno-pragmaticheskiy aspekty*. [Russian proverbs: structural-semantic and communicative-pragmatic aspects]. Thesis of Philol. Dr. Diss. Volgograd, 2021.

Zhukov V. P. *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok*. [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow, 2000.

Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi*. [Communication strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, 2008.

Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, 2004.

Kashkin V. B. *Vvedenie v teoriyu kommunikatsii*. [Introduction to the theory of communication]. Voronezh, 2000.

Lyuy Dzinvey. *Funktsionirovaniya kitayskikh poslovits v rossiyskom mass-mediynom diskurse*. [Functions of Chinese proverbs in Russian mass media discourse]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Vladivostok, 2020.

Parshina O. N. *Rossiyskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika*. [Russian political speech: theory and practice]. Moscow, 2007.

Permyakov G. L. *Osnovy strukturnoy paremiologii*. [Fundamentals of structural paremiology]. Moscow, 1988.

Raadraniyana A. M. *Lingvokul'turologicheskiy analiz paremiy tematicheskoy gruppy mnozhemstva lyudets v russkom, frantsuzskom i malagasiyskom yazykakh*. [Linguoculturological analysis of the paremias of the thematic group of many people in Russian, French and Malagasy]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2019.

Sternin I. A. *Delovoe obshchenie*. [Business communication]. Voronezh, 2009.

Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoy rechi*. [Communication strategies of Russian speech]. Moscow, 2001.

List of sources

Gogol' N. V. *Mertvye dushi. Sochineniya v dvukh tomakh*. [Dead Souls. Writings in two volumes]. Vol. 2. Samara, 1994.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. In 4 vols. Moscow, 2007.

Dal' V. I. *Posloviy russkogo naroda*. [Proverbs of the Russian people]. In 2 vols. St. Petersburg — Moscow, 1879.

Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy*. [Complete works]. Vol. 9. Moscow, 1937.

Tolstoy L. N. *Anna Karenina. Polnoe sobranie sochineniy*. [Anna Karenina. Complete works]. Vol. 18. Moscow, 1937.

Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy*. [Complete works]. Vol. 26. Moscow, 1936.

РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ТВЕРДОСТЬ (МУЖЕСТВО)» В АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ XIII–XV ВВ.

О. И. Ванюшкина

Ключевые слова: среднеанглийский период, среднеиспанский период, лексика морально-этической сферы, экстралингвистические факторы.

Keywords: Middle English period, Middle Spanish period, lexis of the moral and ethical sphere, extralinguistic factors.

DOI: 10.14258/filichel (2023)3–06

Опыт многих исследований показывает, что при изучении лексики абстрактного значения в целом и лексики морально-этической оценки в частности целесообразно обращаться к тем историческим и социокультурным реалиям, которые существовали в период создания письменных памятников, являющихся источником материала исследования. Пристальный интерес к роли экстралингвистических факторов в процессе языковых изменений существовал и в XIX–XX вв. Так, Г. Шпербер считал, что для каждого исторического периода характерны определенные темы и связанные с ними понятийные комплексы. Это, в свою очередь, приводило к увеличению числа лексем, которые использовались для обозначения этого комплекса понятий [Sperber, 1922, p. 67–72].

Основатель французской социологической школы в языкознании А. Мейе придавал большое значение роли социальных изменений в объяснении языковых изменений [Meillet, 1926, p. 28–31], так как языковые изменения являются следствием социального варьирования иногда напрямую, но гораздо чаще опосредованно и косвенно. Впоследствии интерес к внешним факторам языковых изменений не угас, и разработка данного вопроса получила новое развитие в рамках антропоцентрической парадигмы в языкознании, переход к которой наметился в 1970-е гг. XX в. Одновременно изменения произошли в других гуманитарных науках: в истории, культурологии, культурной антропологии и других дисциплинах. Например, в истории это проявилось в появлении таких направлений, как история ментальностей, историческая антропология, история повседневной жизни. В качестве примера можно привести работы Ж. Ле Гоффа [Ле Гофф, 1992; 2001], А. Я. Гуревича

[Гуревич, 1984; 1990], посвященные Средневековью как западноевропейскому, так и русскому.

В центре настоящего исследования находятся основные закономерности формирования слоя лексики морально-этической оценки XIII–XV вв. в среднеанглийском и среднеиспанском языках. Наша задача — изучить роль факторов экстралингвистического характера в формировании слоя лексики положительной морально-этической оценки в рассматриваемый период.

Источником испаноязычного материала исследования служит корпус испанского языка (*Corpus del español / CdE*). Историческая часть корпуса содержит письменные памятники XIII–XV вв. как религиозного, так и светского характера. Среди последних — дневники и письма Христофора Колумба, сочинение «Море историй» («*Mar de historias*») Фернана Переса де Гусмана, цикл о крестоносцах «Великое завоевание за морем» («*Gran Conquista de Ultramar*») Гийома Тирского, «История Испании» («*Estoria de España*»), составленная под руководством короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого, и другие документы.

Источником англоязычного материала исследования служит корпус среднеанглийской прозы и поэзии (*Corpus of Middle English Prose and Verse / CMEPV / CME*), содержащий памятники религиозной и светской литературы XII–XV вв. Корпус включает «Кентерберийские рассказы» («*The Canterbury Tales*») Дж. Чосера, «Исповедь влюбленного» («*Confessio Amantis*») Дж. Гауэра, исторические хроники, художественные романы, труды по медицине и астрологии, официальные документы, частную переписку.

Исследуемая эпоха была выбрана нами неслучайно. Период XIII–XV вв. в западноевропейском культурно-историческом ареале, который в историографии принято называть Высоким средневековьем, представляет собой особый этап развития как романских, так и германских языков. Данному периоду предшествовало так называемое «двоемирие» — период первоначального становления христианства как религии в V–IX вв. Однако к X в. этот процесс завершился, и подавляющее большинство населения Европы было обращено в христианство, а среди широких масс утвердилось христианское мировоззрение. Именно в этот период морально-этические требования, которые ранее распространялись преимущественно на священнослужителей, теперь стали предъявляться всем членам общества. В изучаемый период в Западной Европе этические требования не существовали вне контекста христианских представлений о добре и зле. В результате постоянного контакта с христианским учением морально-этические ценности в представлении средне-

векового человека существовали в виде оппозиции «грех» и «добродетель» и были неотделимы друг от друга.

Важную роль в достижении этих целей сыграла религиозно-дидактическая литература, которая писалась на новых, на тот момент народных языках и была доступна широким слоям общества, не знавшим латинского языка. Среди подобных произведений были как оригинальные, так и переводные тексты. Это свидетельствовало о возрастающей роли народных языков, в том числе и в церковной сфере. В результате возникла потребность в формировании слоя лексики морально-этического плана в языках, в том числе в английском и испанском.

В разных языках процесс перевода мог идти с разной степенью интенсивности. Так, например, в Англии данный процесс начался на более ранних этапах развития, так как английский язык, будучи германским по происхождению, отличался от латыни сильнее, чем испанский язык того времени.

Еще одним предметом пристального внимания церкви стала исповедь, которая изначально практиковалась коллективно, но позже стала индивидуальной и тайной. Данное обстоятельство имело большое значение, так как люди были вынуждены анализировать свои поступки, мысли и моральный облик [Foucault, 1965, p. 79]. У мирян появилась потребность использовать лексику морально-этической оценки, в частности положительной оценки.

Исследователи отмечают, что практика исповеди в том виде, в котором она нам известна сегодня, была новой для мирян и церковь стремилась распространять специальную литературу. Этому своим появлением обязана так называемая *confessional literature*, или *literature of penitence*, которая представляла собой тексты морально-дидактического содержания. Этим произведениям была присуща характерная для самой исповеди тематика и структура [Root, 1997, p. 243]. Большую роль в развитии среднеиспанского языка сыграл Альфонсо X Мудрый, создавший центры перевода латинских и французских текстов религиозной и светской литературы на народный язык в XIII в., в том числе Библии. В процессе перевода в испанский язык вошло много книжных слов, слов абстрактного значения, заимствованных из латинского и французского языков [Шишмарев, 1941, с. 154]. Все больше испанские тексты перенимали лексику из латинских первоисточников религиозного содержания. Часто это была вынужденная мера, так как культурные сдвиги в обществе создали новую потребность в использовании высокоабстрактных лексических единиц, в частности лексем положительной морально-этической оценки. Помимо латыни, большое влияние на формирование испанского язы-

ка оказал провансальский язык. Это было связано с культурным влиянием Прованса и поэзии трубадуров, которая была известна всей Европе.

Важную роль в формировании лексики сыграло учение средневековых авторов о добродетелях. Средневековые авторы выделяли семь добродетелей, три из которых считались богословскими (*Вера*, *Надежда*, *Любовь*), а остальные четыре назывались *кардинальными*: *Благоразумие*, *Справедливость*, *Умеренность*, или *Чистота*, и *Сила* [Словарь средневековой культуры, 2003]. Такая добродетель, как *Сила*, также имела наименования *Твердость*, *Мужество*. В настоящей статье мы будем пользоваться ими.

Стоит отметить, что понятия «твердость» и «мужество» тесно переплетаются в контексте средневековой культуры и, в частности, с точки зрения кардинальных добродетелей. Два рассматриваемых понятия представляют одну и ту же добродетель. Их связь объясняется тем, что с точки зрения системы ценностей западноевропейского Средневековья мужество заключается не только в умении воина противостоять врагу на поле боя, но также во внутренней твердости христианина, его способности противостоять соблазну и греху.

В ходе анализа материала нами были выделены шесть групп лексики положительной морально-этической оценки, образовавшихся вокруг семантических центров — наименований вышеуказанных добродетелей, вокруг которых формировался слой лексики положительной морально-этической оценки в английском и испанском языках XIII–XV вв. Данный список групп включает следующие лексико-семантические группы: «Добродетель», «Милосердие», «Благоразумие», «Справедливость», «Чистота» и «Твердость (Мужество)».

При выделении ядерных лексем в качестве основных критериев выступают частотность употребления, а также наличие широких лексико-семантических, ассоциативных, тематических, словообразовательных связей.

Корпусное исследование показало, что следующие испанские лексемы были ключевыми в системе средств положительной морально-этической оценки и в изучаемый период использовались для наименования добродетели *Твердость (Мужество)* следующие лексемы: *fortaleza*, *fuerte*, *valiente*, *rezio*, *esforzado*, *ardido*, *denodado*, *animoso*, *bravo*, *guerrero*, *belicoso*, *glorioso*.

Рассмотрим среднеиспанское прилагательное *fuerte*, имеющее значения 'сильный', 'здоровый', 'храбрый' и произошедшее от латинского прилагательного *fórtis* со значениями 'сильный, храбрый, мужественный, стойкий', которое имело положительную морально-этическую оценку.

Приведем примеры употребления среднеиспанского прилагательного *fuerte*:

...*pora seer fuerte de cuerpo & de coraçon*¹.

...*el coraçon fuerte & noble*.

В данном примере изучаемое прилагательное стоит в одном сочинительном ряду с прилагательным *noble*, имеющим выраженную положительную оценочность, а также особенно важно, что оно сочетается с существительным *coraçon* (совр. исп.: *corazón*)², поскольку понятие *сердце* было сосредоточием духовной жизни.

...*quando vjno a tienpo que fuese omne salio tan fermoso & tan fuerte & tan ardit*.

Перед нами испаноязычный перевод фрагмента древнегреческой легенды, где повзрослевший герой характеризуется прилагательным положительной эстетической оценки: *fermoso* (совр. исп. *hermoso*), а также лексемами *fuerte*, *ardit* (совр. исп. *ardido*, мужественный), обладающими положительной морально-этической оценкой и входящими в лексико-семантическую группу «Твердость (Мужество)». Значение всех вышеупомянутых слов усилено трехкратно использованным наречием *tan*.

Однокоренное рассматриваемой лексеме существительное, употребляемое как наименование добродетели в рассматриваемый период — *Fortaleza* (вариант написания: *fortalesa*), согласно этимологическому словарю испанского языка, пришло из староокситанского (старопровансальского) языка, куда, в свою очередь, попало из латыни, и в испанском имело значение 'крепость' (укрепленная постройка или замок), а также выражало абстрактные значения 'твердость', 'стойкость', 'мужество'.

Следующий фрагмент принадлежит сочинению под названием «Oracional de Fernán Pérez de Guzmán» испанского писателя, епископа Бургосского Альфонсо де Картахена, который был одним из самых образованных людей своего времени:

...*sancta fe...es asaz buena grandeza de fe / & loable. Pero la primera que consiste enla fortaleza / & feruor es de mas alto prescio / & conueni / ble a todos asi ecclesiasticos commo seglares / & omnes / & mugeres / ... E por esta deue todo omne trabajar / & si alcança que sea enla sancta fe fuerte / & fir /*

¹ Здесь и далее все примеры контекстов на испанском языке приводятся по корпусу испанского языка *Corpus del español (CdE)*. URL: <https://www.corpusdelespanol.org>.

² Здесь и далее исследуемые лексемы проверялись по следующим словарям: Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь: около 50 000 слов. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., 1976; Corominas J. Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico // Madrid, 1984. Этимологический словарь английского языка. URL: <https://www.etymonline.com>; Stelten L. Dictionary of Ecclesiastical Latin. Columbus, Ohio, 1994.

me necesario es que se arredre de peccar. E arredrandose dello lue go cobrara la esperança que es la segunda virtud theologal. E e / stas hauidas la caridad es con el. la qual es el postrimero / soberano bien ... E destas tres virtudes ... son el fundamento principal dela deuota / & fructuosa oracion ...

В данном фрагменте автор рассуждает о том, какие качества, согласно христианской доктрине, присущи настоящему христианину, и о добродетелях, на которых основана истинная вера.

В изучаемую эпоху тексты такого плана обладали особой значимостью в обществе и были широко распространены. Как результат реализуемые в данных текстах специализированные значения лексем с течением времени закреплялись в языке в целом [Колокольникова, 2010, с. 108].

В центре внимания данного фрагмента находятся добродетели, отсюда употребление лексем с положительной морально-этической оценкой, в частности, слов, используемых для наименования конкретных христианских добродетелей: *esperança* (надежда, совр. исп.: *esperanza*), *caridad* (милосердие), а также самого существительного *virtud* (добродетель). В данном фрагменте стоит отметить употребление большого количества слов с положительной морально-этической оценкой: *fortaleza & feruor* (твердость и религиозный пыл), *la sancta fe fuerte & firme* (твердая и сильная святая вера). Интересно совместное употребление данных прилагательных, так как лексема *firme* означает *твердый* как в буквальном, так и в переносном смысле и оба прилагательных употребляются для того, чтобы охарактеризовать абстрактное существительное *fe*, что подтверждает использование рассматриваемого прилагательного *fuerte* в значении не только физической, но и духовной силы, подтверждает его роль в качестве средства положительной морально-этической оценки. Автор употребляет такое словосочетание, как *asaz buena grandeza de fe* — *большая сила веры*, и общеоценочные языковые средства: прилагательное *loable* со значением *похвальный*, оборот с положительным значением *es de mas alto prescio* — *ценится превыше всего, что демонстрирует важность перечисляемых качеств*.

Данный фрагмент также содержит пример антонимических отношений. Указанные выше средства положительной моральной оценки вступают в отношения контраста с глаголом, обладающим ярковыраженной отрицательной морально-этической оценкой: *peccar* — *совершать грехи* (совр. исп.: *pecar*).

Приведенный выше пример — не единственный, где обнаруживаются антонимические связи между лексемами:

Clara cosa es que en todos lugares nasçen onbres virtuosos & valientes & ardides. & otros rrusticos flacos & temerosos. Pero vnas gentes valen mas que

no otras para batalla. No tan sola mente ha fortaleza delos cuerpos. mas a vn delos coraçones.

В данном фрагменте речь идет о личных качествах человека, в частности, насколько он хороший воин. Автор говорит об основных качествах, которыми должен обладать рыцарь, таких как воинская доблесть, храбрость, мужество, верность. Следует отметить, что в формировании слоя лексики положительной морально-этической оценки в испанском языке сыграла роль куртуазная литература, в которой находили отражение идеалы рыцарства, такие как культ поклонения прекрасной даме, а также верность, твердость и мужество.

Антонимические связи оказали влияние на развитие и закрепление морально-этического компонента в структуре лексем. Текст содержит наименования разных характеристик и противопоставляет отрицательные положительным. К отрицательным можно отнести: *rrusticos* (совр. исп. *rústico*), которое может означать 'деревенский', 'крестьянин', либо используется в переносном смысле и означает 'грубый', 'неотесанный', также *flacos* (тощие, слабые) & *temerosos* (боязливые, трусливые). Данные лексемы составляют контраст лексемам положительной оценки. Среди лексики положительной оценки в тексте употребляется: *virtuosos* (добродетельные) & *valientes* (сильные, храбрые) & *ardides* (мужественные), все три выступают в качестве средств положительной морально-этической оценки. Фрагмент завершается словами: *No tan sola mente ha fortaleza delos cuerpos mas a vn delos coraçones*. Данное предложение важно, так как в нем подчеркивается, что значительна не только крепость тела, но и крепость духа. Сочетаемость лексемы *fortaleza* со словом *corazón* играет большую роль в определении нравственного компонента значения слова *fortaleza*, так как именно она указывает на то, что речь идет о душевных качествах человека.

Рассмотрим среднеиспанское прилагательное *valiente* со значением 'ценный', 'здоровый', 'храбрый', произошедшее от испанского глагола *valer*, которое, в свою очередь, произошло от латинского глагола *valere*, обозначавшего 'иметь ценность, быть сильным, здоровым'.

Чтобы исследовать особенности функционирования среднеиспанского прилагательного *valiente* в контексте, обратимся к средневековому памятнику XIV в., содержащему переложение древнегреческой легенды (из фессалийского цикла) на испанский язык:

...Et este eson ouo vn fijo que llamaron Jason & salio este muy rrezio & valiente & muy fermoso & omne de buen Juyzio & tanto que seyendo de muy pocos dias prouaua muy rrezias cosas & salia la su fama a muy grandes fechos & enel rrey no amauanlo mucho tanto.

Речь идет о предводителе аргонавтов Ясоне в юношестве. Будучи еще ребенком, он успел проявить множество выдающихся качеств, снижал славу своими поступками и стал любимцем всего царства. В данном примере характеристика Ясона начинается с прилагательных со значением 'храбрый': *rrezio* (совр. исп. *recio*), *valiente*, которые задают тон всему последующему фрагменту текста, содержащему портрет героя. Затем употребляется лексема со значением положительной оценки: *fermoso* (совр. исп. *hermoso* — 'прекрасный'), которая совмещает в себе функции эстетической и морально-этической оценки, что было характерно для оценочной лексики исследуемого периода. Используется словосочетание *de buen Juyzio* (совр. исп. *de buen juicio* — 'разумный', 'рассудительный'). Употребление лексем, входящих в лексико-семантическую группу «Твердость (Мужество)», в начале ряда прилагательных демонстрирует, что именно это качество выделяется как ведущее и наиболее важное в характеристике героя, что отражает ценности изучаемого периода в исследуемом социокультурном ареале.

Следующий контекст относится к книге под названием «Crónica de Aragón», напечатанной в конце XV в. в Сарагосе, и повествует о храбром и бесстрашном воине, который, получив серьезные ранения в битве, проявил положительные нравственные качества:

...perdio mucha sangre de vna ferida de que fue llagado enel pulso cabe la oreja. ni fue menos franco / y dadiuoso esse dia que animoso: denodado / y valiente.

Данный фрагмент содержит целый комплекс средств положительной морально-этической оценки: прилагательные *franco* (правдивый, щедрый), *dadiuoso* (совр. исп. *dadivoso*, щедрый), *animoso* (мужественный) *denodado* (бесстрашный), *valiente* (храбрый). Три последних прилагательных являются близкими синонимами. Стоит отметить, что употребление целого ряда средств положительной морально-этической оценки было характерным для текстов изучаемой эпохи.

В книге «История Испании», составленной в XIII в. под руководством короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого, встречается следующий фрагмент:

El Rey quando esto uio. entendio que serie omne bueno & mandolo criar. E pues que fue mancebo era tan rezio & tan ualiente que marauilla. E fue assi. que ouo de ser Rey depues de Agel mundo. & fizo gran mortandad en los bulgaros.

Данный фрагмент так же, как и некоторые уже рассмотренные нами выше, содержит парные слова положительной морально-этической оценки *ualiente*, *rezio* (совр. исп. *recio* — 'сильный'). Речь идет о юноше, кото-

рый доказал свое мужество. Экспрессивность прилагательного *valiente* усиливается употреблением его в составе словосочетания *tan ualiente que marauilla* — ‘настолько храбрый, что это поразительно’.

Лексико-семантическая группа «Твердость (Мужество)» также была выделена в слое лексики положительной морально-этической оценки среднеанглийского языка. В данную группу входят следующие английские лексемы: *mighty, fortitude, stable, courageous, corāġeful, corage, steadfast, diligent, strong, strength, mainful, mighty, kēne, stalwart, stalworthy, manli, vailaunt, constaunt*.

В проанализированном материале встречается среднеанглийское прилагательное *stedfast* (варианты написания: *stedfaste, stedefast (e, — vast (e, stedefast, steddefast, steddeffaste, stid (e) fast (e, stodefast* (совр. англ. *steadfast*) со значениями ‘сильный’, ‘стойкий’, ‘решительный’, ‘непоколебимый’ (в т. ч. в своей вере), ‘верный Богу’. Данная лексема является исконной, восходит к древнеанглийскому *stedefæst* со значениями ‘устойчивый’, ‘твердый’, ‘укрепленный’. Когнаты существовали в средненемецком (*stedevast*) и в древнескандинавском (*staðfastr*) со значением ‘верный своим убеждениям, непоколебимый’. Согласно этимологическому словарю, в значении ‘решительный, непоколебимый’ в английском языке изучаемое слово начало употребляться приблизительно в начале XIII в. Проанализируем функционирование среднеанглийской лексемы *stedfast* в контексте:

Pat holy blessede mayde Was euer full stidfast both in hert & pouzt³.

В данном фрагменте слово *stedfast* имеет четко выраженную положительную морально-этическую окраску, поскольку употребляется по отношению к Деве Марии, которая является абсолютным идеалом христианской морали, известна своей мягкостью и кротостью, но также непоколебимостью веры. Автор употребляет словосочетание, которое используется в качестве ее постоянного наименования: *holy mayde* — благовенная Дева. Ей дается ярко выраженная положительная морально-этическая оценка: *тверда сердцем и непоколебима в своих (благих) помыслах*. Таким образом, воспевается важное качество — умение противостоять соблазну и греху.

В тексте следующего памятника содержится латинская лексема, эквивалентом которой являлось английское прилагательное *stedfast*:

Alle stedfast [WB (2): *stidfast*; L *constantes*] *in herte camen to gidre with hym.*

³ Здесь и далее все примеры контекстов на английском языке приводятся по корпусу Corpus of Middle English Prose and Verse. URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme>.

В данном фрагменте идет речь об Иуде, о том, что все храбрые сердцем, непоколебимые в своей вере, увидев врага, пришли к нему. Рассматриваемый контекст содержит лексему на латинском языке из текста оригинала — *constantes* (стандартное написание: *constans*, — *antis* — постоянный). Данная черта — не редкость для текстов изучаемого периода, так как средневековые переводчики могли оставлять слова на старофранцузском или латинском языке в тексте. Это показывает, что лексема *stedfast* стала использоваться в качестве эквивалента латинского слова *constans*. Именно таким образом исконные слова обогащались новыми значениями.

Прилагательное *stedfast* употреблялось вместе с другими прилагательными положительной оценки:

Many we fynde chast, abstinent, pore...and stedfast in þe faith...

Приведенный выше фрагмент является поучительным высказыванием и содержит целый ряд лексем положительной морально-этической оценки: *chast* (целомудренные, совр. англ. *chaste*), *abstinent* (умеренные), *stedfast in þe faith* (непоколебимы в вере). Данный ряд также включает характеристику *pore* (чистые, совр. англ. *pure*). Здесь словосочетания — один из важных механизмов закрепления значения.

Как показал наш анализ, в лексико-семантическую группу «Твердость (Мужество)» также входило среднеанглийское прилагательное *strong* (варианты написания: *stronke*, *stron*, *strang* и др.), которое имеет следующие значения: 'физически сильный', 'здоровый', 'крепкий', 'укрепленный' (о постройке), используется, однако, также в значениях 'храбрый в бою', 'добродетельный', 'непоколебимый в вере'. Данная лексема является исконной, происходит от древнеанглийского слова *strang* в значении 'физически сильный', 'суровый', 'храбрый', 'решительный', 'непоколебимый'. Согласно словарным источникам предтечей данного слова была протогерманская лексема **strangaz*, от которой произошли древнескандинавский, нидерландский, древневерхненемецкий когнаты среднеанглийской лексемы *strong*. Предположительно, в древнеанглийский язык рассматриваемое прилагательное пришло из протоиндоевропейского.

Обратимся к фрагменту:

þet is a uirtue þet makeþ þe herte strang and stedeuest ine god.

Основным содержанием являются человеческие добродетели, поэтому ключевое место занимает слово *uirtue* (совр. англ. *virtue* — добродетель). Тема раскрывается не только с помощью данного существительного, но и далее по тексту: *makeþ þe herte strang and stedeuest ine god* (Эта добродетель делает сердце сильным и непоколебимым в вере Богу). В данном предложении примечательно совместное употребление анали-

зируемого прилагательного в сочетании со словом *herte*, что указывает на наличие у слова *strang* не только общеположительной, но и морально-этической оценки. Важно дальнейшее использование словосочетания *stedeuest ine god* (непоколебим в вере Богу), где ранее рассмотренное нами прилагательное *stedeuest* — синоним слова *strong*. Употребление прилагательных *strong* и *steadfast* в одном синтагматическом ряду в очередной раз подтверждает, что они принадлежали к одной лексико-семантической группе — группе «Твердость (Мужество)».

В среднеанглийских письменных памятниках также встречается однокоренное прилагательному *strong* существительное *strength*:

Virtues is a companye of angels and here seruise is to do...miracles. denys seiþ þat virtues haueþ strenkþe [L virilitatem] to worche as god grauntith hem.

В данном фрагменте говорится о связи между добродетелью и ангелами, а также теми чудесами, которые они совершают. Текст содержит лексемы *virtues*, *strenkþe*, где *strenkþe* — вариант написания лексемы *strength*. Из памятника видно, что текст является переводом с латинского, и включение в скобках слова оригинала *virilitatem* (вин. падеж) со значениями воинский дух, мужество указывает на то, что лексема *strenkþe* является его эквивалентом.

Еще одна лексема, которая входит в рассматриваемую лексико-семантическую группу, — среднеанглийское существительное *corage* (совр. англ.: *courage*), которое характеризовалось полисемией в изучаемый период. Согласно этимологическому словарю, попав в английский язык приблизительно в начале XIV в., лексема употреблялась в значении 'сердце какместилище эмоций', отсюда употребление в значениях 'нрав', 'темперамент', 'дух', 'настрой' в выражениях типа *bold corage*, *careful corage*, *fre corage*, *wikked corage*. В подобных словосочетаниях лексема *corage* могла употребляться и в отрицательном значении: 'ярость', 'похоть'. Также в среднеанглийский период изучаемое слово употреблялось в значениях 'храбрость', 'мужество', актуальных и для современного английского языка.

Данное слово является романским по происхождению, пришло в английский язык из старофранцузского, куда, в свою очередь, пришло из латыни, в которой существовало слово *cor* в значении 'сердце'. Согласно этимологическому словарю, в значении 'храбрость, мужество' среднеанглийская лексема *corage* стала употребляться уже в конце XIV в.

Обратимся к контексту, где среднеанглийская лексема *corage* употребляется в значении 'сердце' или 'дух':

This virtue [Fortitudo] is callid Streynthe of corage or of herte.

Речь идет о добродетели, которая называется «твердость сердца». Фрагмент примечателен тем, что сначала автор конкретизирует значе-

ние среднеанглийской лексемы *vertue* (добродетель) латинским словом *fortitudo* со значениями 'крепость, сила, твердость, храбрость, неустрашимость, отвага', тем самым указывая на то, что речь идет не о добродетели в целом, а, в частности, о твердости или мужестве. Затем данная добродетель характеризуется как *streynthe of corage or of herte* — «сила духа», где в одном синтагматическом ряду употребляется слово французского корня *corage* и его синоним германского происхождения *herte*. Одной из причин (хотя и не единственной) совместного употребления синонимов с разной генетической историей была необходимость помочь читателю понять значение заимствованных абстрактных лексем положительной морально-этической оценки. Вместе с тем совместное употребление влекло за собой семантическую иррадиацию и само по себе являлось механизмом изменения лексического значения.

Знаменитый английский писатель Джеффри Чосер употребляет рассматриваемую лексему *corage* в своем сочинении «Кентерберийские рассказы»:

This vertu [fortitudo] hath manye speses / The firste is cleped Magnanymitee, that is to seyn greet corage.

В данном контексте речь также идет о добродетели. Во фрагменте такая добродетель, как великодушие, объясняется через словосочетание *greet corage*. Далее в текст включена лексема *magnanymitee* (совр. англ. *magnanimity*, великодушие, благородство).

Следующий отрывок из произведения XV в. также содержит исследуемую лексему:

He took onto hym vertu & corage, Vpon a poynt for tabide stable.

Употребление лексем *vertu* и *corage* в одном синтагматическом ряду говорит о том, что обе использовались как лексемы положительной морально-этической оценки.

Среднеанглийская лексема *corage* в исследуемый период может использоваться, с одной стороны, в буквальном значении (сердце) и, с другой стороны, в абстрактном (дух, мужество, храбрость), тем самым проявляя остаточный лексико-семантический синкретизм, в большей степени характерный для предыдущего, древнего, периода, но проявляющийся и в среднеанглийский период. А. В. Алексеев отмечает, что граница между значениями в историческом аспекте, особенно при употреблении слова в ритуальных или ритуализованных контекстах, не только не может, но и не должна быть установлена однозначно. «Такая характеристика полисемии обусловлена ее диахроническим, динамическим характером: переходом от первичных значений ко вторичным. Совмещение значений обусловлено способностью слова к символичности (часто

понимаемой как образность), к семантической дуплановости» [Алексеев, 2021, с. 16]. О проблеме полисемии Ю. С. Сорокин пишет: «...специфические употребления слов в историческом плане оказываются часто либо зародышами новых значений, либо остаточными следами старых семантических структур» [Сорокин, 1977, с. 20].

Так, лексема *corage* заняла свое место в системе лексики положительной морально-этической оценки английского языка XIII–XV вв., войдя в лексико-семантическую группу «Твердость (Мужество)».

Примечательным представляется тот факт, что и для среднеиспанских, и для среднеанглийских текстов характерно использование словосочетания *храбрый сердцем*: исп.: *el coraçon fuerte, fortaleza ... delos coraçones*; англ.: *be herte strang and stedeuest, streynthe of corage or of herte*. Данный факт свидетельствует о большой роли экстралингвистических факторов, распространяющихся на западноевропейский ареал: схожесть контекстов, в которых употреблялось данное словосочетание, вызванная похожими запросами в обществе — необходимостью рассуждать о морали на народном языке и тем самым донести нравственные ценности до простых людей, которые не владели языком церкви — латынью [Ванюшкина, 2021, с. 401]. Во многом данная потребность в языке была связана с распространением среди мирян такой практики, как исповедь, а также благодаря необходимости анализировать свое собственное поведение через призму понятий *грех* и *добродетель*, которые были центральными в средневековом обществе.

Таким образом, была рассмотрена лексико-семантическая группа лексем, которые входили в ядро лексики положительной морально-этической оценки в английском и испанском языках в период XIII–XV вв. и употреблялись при номинации кардинальной добродетели *Твердость (Мужество)*.

Проведенный анализ письменных памятников среднеанглийского и среднеиспанского языков позволил установить, что развитие лексики морально-этической сферы в двух рассматриваемых языках шло сходным путем. Среди сходств можно назвать влияние экстралингвистических факторов.

Для Англии и Испании, относящихся к одному культурно-историческому ареалу, общей для обеих стран в тот исторический период была потребность общества в выражении новых, переосмысленных понятий, связанных с нравственностью. В частности, понятий, связанных с христианской добродетелью *Твердость*, которая также имела наименование *Мужество*. Лексика данных лексико-семантических групп сформировалась в широко распространенных в тот период контекстах, кото-

рые обладают похожими характеристиками в испано- и англоязычной среде того времени.

Для проанализированных контекстов характерно употребление целого ряда средств положительной морально-этической оценки. Будучи использованными в одном синтагматическом ряду, абстрактные лексемы дополняли, усиливали значение друг друга, что в дальнейшем могло оказать влияние на их развитие. Посредством этого механизма лексемы обретали синонимические связи. Использование лексем в одном синтагматическом ряду приводило к семантической иррадиации, которая вела к модификации смысловой структуры. Лексемы приобретали новые оттенки значения. Так, находясь в одном сочинительном ряду с другими словами, исследуемые лексемы приобретали морально-этический компонент значения.

Проанализированные контексты на английском и испанском языках также содержат в себе антонимические связи, являющиеся одним из показателей значения слова, но также и механизмом модификации значения. Исследуемые нами лексемы обретали значение положительной морально-этической оценки благодаря отношениям контраста, в которые они вступали с лексемами ярко выраженного отрицательного значения.

Понятия *grex* и *добродетель* служили смысловыми центрами, вокруг которых в рассматриваемый период формировалась лексика морально-этической сферы. Эта сфера становилась все более дифференцированной, постоянно пополнялась как за счет латинских и французских заимствований, так и за счет тех лексем, значения которых модифицировались и приспособлялись к выражению понятий, которые являлись новыми для формировавшихся в тот период национально-литературных западноевропейских языков, в том числе английского и испанского.

Библиографический список

Алексеев А. В. Проблема синкретизма и диффузности лексического значения // История и современность филологических наук : сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, Москва, 05–06 марта 2020 г. М., 2021. Т. 1.

Ванюшкина О. И. Функционально-семантическое развитие среднеанглийской лексемы *milde* (на материале корпуса среднеанглийской прозы и поэзии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. № 4.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Гуревич А. Я. Средневековой мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь: около 50 000 слов. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., 1976.

Колокольникова М. Ю. Дискурс-анализ в диахроническом исследовании лексической семантики // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 1 (13).

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. М., 1992.

Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001.

Словарь средневековой культуры / отв. ред. А. Я. Гуревич. М., 2003.

Сорокин Ю. С. Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии. Л., 1977.

Шишмарев В. Ф. Очерки по истории языков Испании. М.; Л., 1941.

Corominas J. Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico // Madrid, 1984.

Этимологический словарь английского языка. URL: <https://www.etymonline.com>

Foucault M. History of sexuality: An introduction. New York, 1978. Vol. 1.

Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1926. Vol. 1.

Real Academia Española. URL: <https://www.rae.es>

Root J. Space to Spek: The Confessional Subject in Medieval Literature. New York, 1997.

Sperber H. Ein Gesetz der Bedeutungsentwicklung. Zeitschrift deutsche Alterum. 1922.

Stelten L. Dictionary of Ecclesiastical Latin. Columbus, Ohio, 1994.

Список источников

Corpus of Middle English Prose and Verse (CMEPV). URL: <https://quod.lib.umich.edu>

Corpus del español (CDE). URL: <https://www.corpusdelespanol.org>

References

Alekseev A. V. *Problema sinkretizma i diffuznosti leksicheskogo znacheniya*. [The problem of syncretism and diffuse lexical meaning]. In: *Istoriya i sovremennost' filologicheskikh nauk*. [History and modernity of Philological Sciences. Moscow, 2021. Vol. 1.

Vanyushkina O. I. *Funktsional'no-semanticheskoe razvitie sredneangliyskoy leksemy milde (na materiale korpusa sredneangliyskoy prozy i poezii)*. [Functional and semantic development of the Middle English lexeme milde (based on the Corpus of Middle English Prose and Verse)]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [News of Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism]. 2021. Vol. 21. No. 4.

Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoy kul'tury*. [Categories of Medieval culture]. Moscow, 1984.

Gurevich A. Ya. *Srednevekovoy mir: kul'tura bezmol'stvuyushchego bol'shinstva*. [Medieval world: the culture of the silent majority]. Moscow, 1990.

Diccionario de la Real Academia Española (DRAE). URL: <https://www.rae.es>.

Dvoret'skiy I. Kh. *Latinsko-russkiy slovar': okolo 50 000 slov*. [Latin-Russian dictionary]. Moscow, 1976.

Kolokol'nikova M. Yu. *Diskurs-analiz v diakhronicheskom issledovanii leksicheskoy semantiki*. [Discourse analysis in the diachronic study of lexical semantics]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. [News of higher education institutions. Volga region. Humanities]. 2010. No. 1 (13).

Le Goff J. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada*. [Civilization of the Medieval West]. Translation from French. Moscow, 1992.

Le Goff J. *Srednevekovyy mir voobrazhaemogo*. [Medieval world of the imaginary]. Moscow, 2001.

Slovar' srednevekovoy kul'tury. [Dictionary of Medieval Culture]. Ed. by A. a. Gurevich. Moscow, 2003.

Sorokin Yu. S. *Chto takoe istoricheskiy slovar'?* [What is a historical dictionary?]. In: *Problemy istoricheskoy leksikografii*. [Problems of historical lexicography]. Leningrad, 1977.

Shishmarev V. F. *Ocherki po istorii yazykov Ispanii*. [Essays on the history of languages of Spain]. Moscow; Leningrad, 1941.

Etymological dictionary of the English language. [Electronic source]. URL: <https://www.etymonline.com>

Corominas J. *Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico*. Madrid, 1984.

Foucault M. *History of sexuality: An introduction*. Vol. 1. New York, 1978.

Meillet A. *Linguistique historique et linguistique generale*. V. 1. Paris, 1926.

Root, J. *Space to Spek: The Confessional Subject in Medieval Literature*. New York, 1997.

Sperber H. *Ein Gesetz der Bedeutungsentwicklung*. Zeitschrift deutsche Alterum. 1922.

Stelten L. *Dictionary of Ecclesiastical Latin*. Columbus, Ohio, 1994.

List of sources

Corpus of Middle English Prose and Verse (CMEPV). URL: <https://quod.lib.umich.edu>

Corpus del español (CdE). URL: <https://www.corpusdelespanol.org>

ПЕРЕВОДЧИКИ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ГАЗЕТЕ «ЮЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» РУБЕЖА XIX–XX ВВ.¹

Ю. С. Серягина

Ключевые слова: переводческая рецепция, периодика Российской империи, немецкая литература, Южное обозрение.

Keyword: translation reception, regional periodicals of the Russian Empire, German literature, Yuzhnoe obozrenie.

DOI: 10.14258/filichel (2023)3–07

Значительную роль в рецепции зарубежной литературы играют переводчики. На рубеже XIX–XX вв. переводы зарубежной литературы публиковались прежде всего в литературных журналах и газетах. Региональные газеты редко обращались за материалом к центральным изданиям Петербурга и Москвы, тем самым создав уникальный комплекс текстов, посвященных инонациональной литературе. Многие авторы, публиковавшиеся в локальных газетах, уже были известными писателями и переводчиками на момент публикации, работали редакторами, входили в состав основоположников газеты. Однако многие переводчики подписывались псевдонимами, и найти биографическую информацию о них проблематично. Тем не менее, об их литературных предпочтениях, владении языками, их собственном художественном стиле могут рассказать их произведения. Некоторые местные авторы ограничивались только переводческой деятельностью, другие писали литературоведческие статьи и театральные рецензии. Некоторые создавали собственные литературные произведения, вдохновляясь в том числе и зарубежной литературой.

Если перевод перепечатывался из другой газеты, это обычно указывалось в заголовке или в сноске. Так, например, в томских газетах мы находим большое количество перепечаток из газет Юго-Западного края Российской империи, о чем говорят подписи: «Юж. об» («Южное обозрение»), «Южн. лист.» («Южный листок») и прочие. Фамилии именитых центральных переводчиков и писателей тоже обычно указываются.

¹ Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект МК-1293.2022.2 «Периодические издания как пространство культурного трансфера: рецепция немецкой литературы в газетах губерний Российской империи».

Поэтому, рассматривая переводы без подписи, мы можем предполагать, что они выполнены штатными переводчиками редакции. Так, в газете «Киевлянин» все переводы прозы со всех языков выходили без подписи, поэтому остается неизвестным, переводили ли их местные переводчики, или это были перепечатки. По исследованным на данный момент примерам переводной множественности в газетах фактов перепечатывания переводов из других газет в «Киевлянине» не выявлено. Примечательно, что авторство переводов поэтических произведений всегда указывалось.

Для региональных газет переводы художественных текстов выполнялись местными литераторами и переводчиками, которые зачастую владели несколькими языками. Иногда публикации снабжаются комментарием, из какого источника взят оригинал. Региональные публицисты не отставали от центральных издателей и публиковали или комментировали актуальные новинки, вышедшие в зарубежных газетах или издательствах. Прежде чем дойти до читателя газеты, произведения отбирались и адаптировались переводчиками, поэтому именно от них зависел характер восприятия той или иной зарубежной литературы в России. Переводы региональных авторов представляют собой репрезентативный материал для анализа литературной среды изучаемого периода в различных уголках Российской империи. А. Е. Мазуров в своих исследованиях сибирской прессы отмечает, что «жанр фельетона являлся главным показателем высокого уровня издания» [Мазуров, 2022, с. 10], то же можно сказать и о рубриках с переводной литературой. В одном номере газеты встречается сразу несколько литературных рубрик разного формата: крупные произведения, публикуемые частями, и короткая проза или поэзия, публикуемая в рубрике «Маленький фельетон». Целью настоящего исследования является выявление особенностей деятельности одесских переводчиков, публиковавшихся в газете «Южное обозрение», и их роли в формировании локальной литературной среды.

Ранее подобное исследование о переводчиках в дореволюционных газетах уже было проведено по материалам томских газет [Никонова, 2018], а также рассмотрена общая картина немецкой литературы в дореволюционных региональных газетах [Серягина, 2020а]. Всего в просмотренных нами на сегодняшний день газетах Сибири, Поволжья, Юга и Юго-Западного края Российской империи было обнаружено более 5000 переводов зарубежной литературы. Больше всего переводов с французского (более 2000), на втором месте немецкая литература — около 1200 переводов, на третьем — переводы с польского и английского языков. Обнаруженные в газетах публикации о зарубежной литературе оформлены

в научную библиографию (Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020621571, 2020).

Наиболее продуктивными газетами в плане обращения к зарубежной словесности были газеты Сибири и Юго-Западного края, во многом это связано с идеями областничества, которое подразумевало развитие собственной культурной идентичности данных регионов, в том числе и за счет литературы. Газеты играли немаловажную роль в этом процессе. Примечательно, что переводы зарубежных произведений, опубликованные в одесских и харьковских газетах, очень часто перепечатывались во многих других регионах.

На рубеже XIX–XX вв. Одесса была одним из крупнейших журналистских центров, периодическая печать переживала подъем [Лепилкина, 2011, с. 175], что делает исследуемый материал в высшей степени репрезентативным. В основу данного исследования легли публикации из одесской газеты «Южное обозрение».

Политическая, научная, литературная, торгово-промышленная и финансовая газета «Южное обозрение» выходила в Одессе ежедневно с 1896 по 1906 г. [Русская периодическая печать, 1957]. В справочной информации о газете редактором-издателем обычно указывают Г.М. Бейленсона, который эмигрировал после революции в Берлин и издавал там газету «Голос эмигранта» с 1921 по 1922 г. Однако за 10 лет газета не единожды сменяла редакторов и издателей. Так, в 1898 г. редактором мог стать Иван Алексеевич Бунин. К тому времени это было его четвертое пребывание в Одессе. С июля этого же года он начал печатать в «Южном обозрении» свои произведения, в том числе переводы с французского из Поля Бурже, Леконта де Лилля, с английского из Лонгфелло, с польского — Адама Асныка и с итальянского из Ады Негри. Ранее, в 1896 г., он публиковался и в другой одесской газете, в «Одесских новостях». Там вышел его перевод из Петрарки.

Некоторые исследователи предполагают, что к работе в «Южном обозрении» Бунина привел одесский писатель А. М. Федоров, который сам активно публиковал там собственные произведения и переводы. Через Федорова Бунин познакомился с владельцем газеты Николаем Петровичем Цакни, на дочери которого позднее женился. Подробно об этом пишет Антон Владимирович Бакунцев в статье «Бунин и газета „Южное обозрение“» [Бакунцев, 2011]. Отмечается также, что благодаря Бунину и приглашенным им известным писателям (А.И. Куприн, К.Д. Бальмонт и др.) газета привлекала читателя переводной литературой [Двинятина, 2015, с. 44]. Однако большую часть переводов выполняли менее именитые авторы.

В просмотренных 3600 номерах газеты обнаружено более 1100 публикаций, так или иначе связанных с зарубежной литературой, в том числе: 315 переводов с французского, 262 перевода с немецкого, 106 — с английского, 77 — с польского, 82 перевода с других языков, а также 216 различных критических заметок, театральных обзоров и пр.

Публикации переводов из зарубежной литературы в «Южном обозрении» часто снабжаются комментарием: «Перевел для Южного обозрения ...». Так мы узнаем о самых активных и известных переводчиках. Больше всего произведений — 86 — принадлежат перу К. Воинова, на втором месте по количеству переводов — Людвиг Стефан Яр (42 перевода), затем следуют авторы, подписавшиеся криптонимами Эм (39 переводов) и Э (22 перевода). 17 переводов принадлежат перу других переводчиков, подписавшихся инициалами или псевдонимами, которых не удастся атрибутировать. Следует отметить, что перепечатки переводов с немецкого из других газет тоже периодически появляются в «Южном обозрении», но составляют всего около 6% от общего числа (17 публикаций), что является достаточно низким показателем. Для сравнения: перепечатки переводов с французского составляют 11% от общего количества найденных переводов, а с польского — 32%. Около 40 переводов публикуются с пометой «с немецкого» в заголовке, но без указания автора оригинала.

Значительную роль в ознакомлении одесского читателя с зарубежной литературой сыграл переводчик К. Н. Воинов. Как минимум 115 произведений переведено им для газеты «Южное обозрение» с 1900 по 1903 г. Какую-либо биографическую информацию о К. Воинове найти не удалось, известно только, что переводил он с немецкого, французского, польского, английского и венгерского языков, а также являлся автором многочисленных циклов собственных произведений, которые тоже публиковались в «Южном обозрении» («Миниатюры», «Иррациональные рассказы», «Недосказанные рассказы», «Сказки жизни», «Нравоучительные рассказы», «Прелюдии», «Вещи и люди»), что «говорит о его активной и плодотворной литературной деятельности» [Серягина, 2020a]. Очевидно, что К. Воинова наиболее привлекает философская, назидательная тематика. Его произведения как переводные, так и собственные чаще всего представляют собой короткие рассказы-притчи и публикуются в рубрике «Маленький фельетон».

С французского К. Воинов переводит 13 произведений, 3 из них из Гюи-де-Терамона, по одному переводу из Феликса Галипо, Жана Каски и Анны Марии де Бове. Остальные 7 переводов опубликованы без указания автора.

К. Воинов также переводил с польского. В 1902 г. он переводит для «Южного обозрения» А. Догасинского и Г. Генкевича, а в 1903 г. в газете публикуется цикл из 7 переводов В. Косякевича. Автор еще одного перевода с польского не указан, но при этом упоминается, что оригинал был взят из сборника *Svenska Bilder och Vrongbilder*. Кроме того, в «Южном обозрении» опубликовано еще 2 перевода К. Воинова с английского без указания автора оригинала, «Эскиз Лигбеты Дилль» и «Иллюстрация мусульманского писателя Шемсуддина к вопросу о неравенстве человеческих способностей», которые затруднительно атрибутировать.

Больше всего К. Воинов переводил с немецкого — как минимум 88 произведений, большинство из которых публикуются в рубрике «Маленький фельетон» и представляют собой короткие поучительные или юмористические рассказы. Его публикационная активность начинается в 1900 г. с цикла из 41 перевода из Давида Гека, немецкоязычного писателя и переводчика, рожденного в Будапеште. Д. Гек переводил на немецкий язык произведения венгерских, фламандских и британских поэтов. Практически все переведенные К. Воиновым тексты Гека относятся к сборнику «Phantasie- und Lebensbilder». Кроме того, одно из найденных произведений Воинова написано «на мотив» Гека.

Воинов также перевел 10 произведений из О. Блюментеля, по 2 перевода из М. Зингера, К. Эвальда, Н. Ноймана, Г. Штейнницлера, по одному переводу из И. Баккер, К. Хёгера, А. Хаузенера, А. Малер, 1 стихотворение в прозе Штуккенберга и 18 произведений без указания автора оригинала. Публикуются также его подражания П. Шнабелю. Все это говорит о широкой осведомленности Воинова о немецкой литературе, о которой читатели газеты получили представление благодаря его переводам, а сам писатель и переводчик получил вдохновение для написания собственных литературных произведений и формирования своего художественного стиля.

Подобный формат произведений выбирает и переводчик с подписью «Эм». За 1903 г. в «Южном обозрении» публикуются 39 переводов, в том числе переводческие циклы короткой прозы из австрийской писательницы М. фон Эбнер-Эшенбах и нидерландского писателя Мультаули (Eduard Douwes Dekker).

Переводчик, подписывающийся криптонимом «Э», напротив, переводил объемные романы, публикуемые частями, на протяжении нескольких выпусков газеты. С немецкого языка он перевел для «Южного обозрения» 22 произведения, в том числе, например, «Наследственность» М. фон Эбнер-Эшенбах («Южное обозрение» 1903: № 2330, 2331, 2334, 2335, 2336, 2337, 2338, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2347), «Мертвые мол-

чат» А. Шницлера («Южное обозрение» 1902: № 1880, 1881, 1884), «Индусская быль» («Южное обозрение» 1902: № 1770, 1771, 1772, 1773, 1775, 1777, 1778, 1781, 1782) и «Панна» («Южное обозрение» 1903: № 2205, 2207, 2208, 2209, 2210, 2211, 2213, 2214, 2215, 2216, 2218) М. Нордау. Кроме того, за 7 лет своей публикационной активности (с 1898 по 1905 г.) он перевел для «Южного обозрения» 59 произведений с французского и 98 произведений с английского языка (из 106 переводов с английского в газете), а также 22 перевода с итальянского, шведского, испанского, румынского и финского языков, что в общей сложности составляет 20% от всех переводов в «Южном обозрении». Таким образом, данно-го автора можно считать самым продуктивным переводчиком газеты.

Другой переводчик «Южного обозрения», Людвиг Стефан Яр, также переводит с немецкого объемные прозаические произведения с 1898 по 1902 г. Мы находим 42 его перевода из немецких писателей, в том числе из Г. Товоте и М. Нордау, однако оригинальное авторство большинства его переводов, к сожалению, не указано. Из его биографии также ничего не известно. Кроме переводов с немецкого он публикует в газете один перевод с французского.

Среди переводчиков поэзии следует упомянуть З.А. Хирова, который перевел для «Южного обозрения» два стихотворения Эмануэля Гейбеля в 1897 г. [Серягина, 2020б]. Примечательно, что среди немецкой поэзии наибольшей популярностью пользовался Г. Гейне, в другой одесской газете, «Одесских новостях», он активно переводился местными переводчиками [Серягина, 2020а, с. 247], а в «Южном обозрении» его произведения публикуются в основном в качестве эпиграфов без указания автора перевода или упоминаются в литературных статьях.

Таким образом, упомянутые переводчики предоставляют читателю газеты «Южное обозрение» возможность разносторонне ознакомиться с центральными фигурами немецкой прозы и в меньшей степени поэзии. Несмотря на то что на сегодняшний день об упомянутых переводчиках сохранилось мало информации, они внесли существенный вклад в развитие локальной культуры. Так, благодаря переводчикам читателю газеты становится известно о тенденциях мира литературы, о современных популярных писателях, некоторые из которых сегодня неизвестны широкому кругу читателей.

Зачастую бывает затруднительно атрибутировать, кто являлся переводчиком тех или иных текстов, опубликованных в газетах, поскольку они иногда публиковались без подписи или подписывались псевдонимом или инициалами. Даже при указании фамилии бывает сложно отыскать какую-либо информацию о переводчике, особенно когда его твор-

ческий путь ограничивается переводами для одной газеты. Изучение переводчиков региональных газет позволяет сформировать представление о литературной среде различных регионов Российской империи, а также открыть новые факты о рецепции зарубежной литературы в России. В ходе проекта нам удалось выявить множество талантливых локальных переводчиков и писателей, некоторые из них становились широко известны, перепечатывались в других регионах и центральных изданиях.

Библиографический список

Бакунцев А. В. И. А. Бунин и газета «Южное обозрение». Новые материалы // История массовых коммуникаций. 2011. № 1.

Блохин В. Ф. Становление и развитие губернской периодической печати в России: вторая треть XIX — начало XX в. : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011.

Двинятина Т. М. И. А. Бунин и А. М. Федоров: к истории творческих отношений // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1.

Лепилкина О. И. Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XIX — начале XX вв. : дисс. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2011.

Мазуров А. Е. Фельетонное творчество Ф. В. Волховского в контексте региональной сибирской периодики : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2022.

Никонова Н. Е., Даниелян Т. Р. Переводная художественная литература как имагологический и идеологический инструмент: по материалам периодического издания «Кавказ» (1846–1884 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79.

Никонова Н. Е. Перевод и переводчики в литературной периодике Томска конца XIX века (И. И. Почекас, П. А. Грабовский, А. О. Станиславский и П. А. Черневич) // Имагология и компаративистика. 2018. № 9.

Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917) : Справочник / авт.-сост. М. С. Черепанов, Е. М. Фингерит. М., 1957.

Серягина Ю. С. Немецкая литература в дореволюционной периодике регионов Российской империи // Русская германистика : Ежегодник Российского союза германистов. М., 2020а. Т. 17.

Серягина Ю. С. Поэзия Э. Гейбеля на страницах дореволюционных периодических изданий Юго-Западного края // Межкультурная коммуникация и СМИ: сборник научных статей. Барнаул, 2020б.

Источник

Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020621571 Российская Федерация, Научная библиотека «Переводная

литература в дореволюционной периодике регионов Российской империи» / Н. Е. Никонова, Ю. С. Серягина, Е. В. Масяйкина, И. В. Морозова. Томск, 2020.

References

Bakuntsev A. V. I. A. *Bunin i gazeta "Yuzhnoe obozrenie". Novye materialy.* [I. A. Bunin and the newspaper "Southern Review". New materials]. In: *Istoriya massovykh kommunikatsiy.* [History of Mass Communications]. 2011. No. 1.

Blokhin V. F. *Stanovlenie i razvitie gubernskoy periodicheskoy pechati v Rossii: vtoraya tret' XIX — nachalo XX v.* [Formation and development of the provincial periodical press in Russia: the second third of the XIX — the beginning of the XX century]. Abstract of Hist. Dr. Diss. St. Peterburg, 2011.

Dvinyatina T. M. I. A. *Bunin i A. M. Fedorov: k istorii tvorcheskikh otnosheniy.* [I. A. Bunin and A. M. Fedorov: towards the history of creative relations]. In: *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal.* [Siberian Philological Journal]. 2015. No. 1.

Lepilkina O. I. *Strukturno-tipologicheskaya transformatsiya sistemy russkoy provintsial'noy pressy v XIX — nachale XX vv.* [Structural and typological transformation of the system of the Russian provincial press in the XIX — early XX centuries]. Thesis of Dr. Philol. Diss. Rostov on Don, 2011.

Mazurov A. E. *Fel'etonnoe tvorchestvo F. V. Volkhovskogo v kontekste regional'noy sibirskoy periodiki.* [The feuilleton creativity of F. V. Volkhovsky in the context of regional Siberian periodicals]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Tomsk, 2022.

Nikonova N. E., Danielyan T. R. *Perevodnaya khudozhestvennaya literatura kak imagologicheskiy i ideologicheskiy instrument: po materialam periodicheskogo izdaniya "Kavkaz" (1846–1884 gg.).* [Translated fiction as an imagological and ideological tool: based on the materials of the periodical "Caucasus" (1846–1884)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya.* [Bulletin of Tomsk State University. Philology]. 2022. No. 79.

Nikonova N. E. *Perevod i perevodchiki v literaturnoy periodike Tomskaya kontsa XIX veka. (I. I. Pochekas, P. A. Grabovskiy, A. O. Stanislavskiy i P. L. Chernevich).* [Translation and translators in the literary periodicals of Tomsk of the late XIX century (I. I. Pochekas, P. A. Grabovsky, A. O. Stanislavsky and P. L. Chernevich)]. In: *Imagologiya i komparativistika.* [Imagology and comparative Studies.]. 2018. No. 9.

Russkaya periodicheskaya pechat' (1895 — oktyabr' 1917): Spravochnik. [The Russian periodical press (1895 — October 1917): Handbook]. M. S. Cherepakhov, E. M. Fingerit. Moscow, 1957.

Seryagina Yu. S. *Nemetskaya literatura v dorevoluytsionnoy periodike regionov Rossiyskoy imperii.* [German literature in the pre-revolutionary periodicals of the regions of the Russian Empire]. In: *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo*

soyuza germanistov. [Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists]. Moscow, 2020a. Vol. 17.

Seryagina Yu. S. *Poeziya E. Geybelya na stranitsakh dorevol'yutsionnykh periodicheskikh izdaniy Yugo-zapadnogo kraja*. [E. Geibel's poetry on the pages of pre-revolutionary periodicals of the South-Western region]. In: *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i SMI*. [Intercultural communication and mass media]. Barnaul, 2020b.

A source

Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2020621571 Rossiyskaya Federatsiya, Nauchnaya bibliografiya "Perevodnaya literatura v dorevol'yutsionnoy periodike regionov Rossiyskoy imperii". [Certificate of state registration of the database No. 2020621571 Russian Federation, Scientific Bibliography "Translated literature in the pre-revolutionary periodicals of the regions of the Russian Empire"]. Nikonova N. E., Seryagina Yu. S. Masyaykina E. V., Morozova I. V. Tomsk, 2020.

НЕПРЯМАЯ АНАФОРИЧЕСКАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА НЕКРОЛОГА)

С. А. Макарова

Ключевые слова: теория референции, непрямая анафорическая референция, антецедент, анафор, некролог, индивидуализация.

Keywords: theory of reference, indirect anaphoric reference, antecedent, anaphor, obituary, individualization.

DOI: 10.14258/filichel (2023)3–08

Введение

В качестве предмета настоящего исследования выбрана структура «определенный артикль + существительное», обозначающая индивидуализацию¹ предмета мысли или референта, мотивированную предшествующей информацией в дискурсе. Индивидуализация предмета мысли выражается с помощью лексико-грамматического класса имени существительного благодаря форме с определенным артиклем [Смирницкий, 1959, с. 386; Blokh, 1983, р. 76], также называемой в грамматиках определенной референцией [Quirk, Greenbaum, 1973, р. 68; Biber et al., 2003, р. 263].

Как известно, английская артиклевая система представляет значительную сложность даже для тех иностранных студентов, которые демонстрируют высокий уровень владения английским языком [Барда, Митчелл, 2016, с. 9–11], что определяет актуальность исследования.

Определенная референция и ее разновидность — непрямая анафорическая референция — являются элементами теории референции, описывающей языковые феномены, которые интересуют специалистов как в области лингвистики, так и в ряде когнитивных дисциплин.

Формирование теории референции

Теория референции начала формироваться в XIX–XX вв. в первую очередь в логике [Петров, 1982, с. 404]. В то время внимание исследователей было преимущественно сосредоточено на вопросах логики и фи-

¹ Мыслительный процесс индивидуализации предполагает установление индивидуальной специфичности предмета мысли на основании фактов либо уже известных, либо сообщаемых в высказывании [Веккер, 1998, с. 162].

лософии, которые касались, например, истинности или ложности суждения [Арутюнова, 1982, с. 19]. Позднее исследователи сосредоточились на языке как таковом, что представлено работами Е. В. Падучевой и Н. Д. Арутюновой.

На данном этапе развития теории под референцией подразумевается «отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» [Языкознание..., 1990, с. 411], а также «соотнесение высказывания и его частей с действительностью — с объектами, событиями, ситуациями, положениями вещей в реальном мире (и даже не обязательно в реальном, поскольку высказывание может относиться к миру сказки, мифа, фильма)» [Падучева, 1984, с. 291]. Как уточняет Н. Д. Арутюнова, в рамках теории референции происходит изучение не абстрактной системы, а наблюдается «возвращение» языка к действительности, т. е. обращается внимание на «коммуникативную установку говорящего, его интенции, фонд знаний собеседников, коммуникативную организацию высказывания, отношение к контексту и т. п.» [Арутюнова, 1982, с. 10–11]. Иначе говоря, референция рассматривается как дискурсивное явление.

Также по мере развития теории референции было выявлено, что в механизме осуществления референции задействованы самые разные единицы (имена собственные и нарицательные, именные словосочетания, местоимения), а также сам контекст. Такое понимание референции позволило сформулировать еще одно ключевое понятие — кореферентность, понимаемое как «отношение между компонентами высказывания (обычно именными группами), которые обозначают один и тот же внеязыковой объект или ситуацию» [Языкознание..., 1990, с. 243]. Первый элемент анафорических отношений, называемый antecedентом, вводит объект внеязыковой действительности и является основанием для повторной отсылки на него в виде анафора, т. е. второго компонента. Анафор выражается анафорическими словами, т. е. именами и именными группами со значением определенности, местоимениями и местоименными словами, а в артиклевых языках может быть представлен существительными с определенным артиклем [там же, с. 32]. При этом референция, осуществляемая местоимениями и артиклями, определяется как одно из средств когезии, или связности [Halliday, Hasan, 1976, p. 29; Van Dijk, 2000, p. 127; Падучева, 2010, с. 265].

На наш взгляд, наиболее разработанная классификация разновидностей референции представлена в теоретической грамматике *Longman Grammar of Spoken and Written English* (2003). Сначала авторы указыва-

ют, что под воздействием на индивидуализацию языкового и ситуативного факторов различаются соответственно языковая референция и ситуативная референция. При актуализации ситуативного фактора участник языковой ситуации опирается на знание самой ситуации общения, понимание которой варьируется, начиная от частной жизни человека и заканчивая устройством вселенной [Biber et al., 2003, p. 264].

В свою очередь, при языковой референции участник коммуникативной ситуации для понимания индивидуализации опирается только на текст. Такая референция включает две разновидности — катафорическую и анафорическую. При катафорической референции индивидуализация предмета мысли мотивирована определением в постпозиции, а анафорическая референция предполагает индивидуализацию, обусловленную предшествующим текстом [ibid]. Анафорическая референция представлена двумя типами — прямой и непрямой анафорической референцией. Прямая анафорическая референция строится на повторном употреблении одного и того же существительного: сначала в дискурсе употребляется имя с неопределенным артиклем, а затем с определенным, а непрямая анафорическая референция предполагает использование разных лексико-грамматических средств для отсылки к одному и тому же референту [ibid]. Для иллюстрации данной классификации в грамматике предлагаются следующие примеры:

*All this happened more or less. **The war** parts anyway, are pretty much true* (ситуативная референция).

*A doctor was allowed to carry on working after telling fellow general practitioners he had contracted Aides, health officials revealed yesterday. <...> **The doctor**, who died last summer, broke health service guidelines* (прямая анафорическая референция).

*He found **her blue Ford Escort** in the car park. **The vehicle** was locked and the lights were off* (непрямая анафорическая референция).

*Another potential voter starts to tell him about **the car** that went through his garden wall* (катафорическая референция).

Теория референции и когнитивные исследования

В последние годы теория референции получила развитие в когнитивно-дискурсивных исследованиях [Воронина, 2020; Говорухо, 2014; Данилова, 2017; Прокопья, 2016]. Эти работы основаны на материале разных языков и в большинстве случаев фокусируются на местоименных способах выражения анафорических отношений. Однако непрямая анафорическая референция в английском языке, представленная структурой «определенный артикль + существительное», остается малоиз-

ученной в плане самого механизма и характера смысловых связей, устанавливаемых между антецедентом и анафором. Ранее непрямая анафорическая референция рассматривалась как артиклевый способ выражения мыслительного процесса индивидуализации, исследовалась на примере художественного и лингвистического дискурсов [Макарова, Долгина, 2018; Макарова, 2020; Макарова, Долгина, 2021; Макарова, 2021; Долгина, Макарова, 2022], однако теперь для создания более полной картины мы обращаемся к журналистскому дискурсу. В данном исследовании особое внимание уделялось определенному артиклю как средству выражения мыслительных процессов индивидуализации и инференции.

Как отмечал еще А. И. Смирницкий, определенный артикль «характеризует предмет, обозначаемый существительным, как известный конкретный предмет, выделяемый из всего класса однородных с ним предметов» [Смирницкий, 1959, с. 380]. Основываясь на этой дефиниции и анализе мыслительного процесса индивидуализации Д. М. Веккера [Веккер, 1998, с. 162], Е. А. Долгина сделала вывод о том, что существительное с определенным артиклем обозначает самое узкое представление о предмете, которое является результатом мыслительного процесса индивидуализации, т. е. предмет мысли дискретизируется из набора предметов, и таким образом формируется индивидуализированное представление [Долгина, 2010, с. 51].

А инференция — это мыслительная операция, «в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию» [Кубрякова и др., 1997, с. 33]. Как отмечает О. В. Александрова, такое понимание инференции похоже на давно устоявшееся в науке понятие когерентности, однако важнейшая особенность инференции заключается в том, что она неразрывно обусловлена коммуникативной ситуацией [Александрова, 2018, с. 29].

Комплексный анализ и классификация материала

С учетом вышесказанного цель исследования состоит в раскрытии индивидуализирующей роли анафора, выраженного структурой «определенный артикль + существительное», изучении закономерности его взаимодействия с антецедентом для установления тождественности референтов на примере журналистского дискурса и определении роли непрямого анафорической референции в осуществлении функции воздействия.

Для достижения поставленных целей был использован комплексный когнитивно-дискурсивный метод, разработанный для проведения дис-

сертационного исследования и включающий синтаксический, семантический и прагматический этапы анализа [Макарова, 2022, с. 76].

Синтаксический анализ позволяет установить формальные особенности непрямых отношений между антецедентом и анафором и их роли в процессе инференции. Это включает изучение и описание анафорического расстояния, т. е. удаленности анафора от антецедента, и синтаксической организации антецедента, который по протяженности варьируется от одного слова до сверхфразового единства при анафоре, выраженном существительным с определенным артиклем, в некоторых случаях допускающим прилагательное [там же, с. 76–81].

Семантический этап анализа материала заключается в исследовании лексических особенностей антецедента, вводящего новый для адресата предмет мысли, в его тесной смысловой связи с анафором с целью установления кореферентности, в результате чего выявляются примеры полной и частичной тождественности референтов в анафоре и антецеденте [там же, с. 83].

Прагматический анализ требовался тогда, когда при полной кореферентности оказывается невозможным установить прямую семантическую связь между анафором и лексическими элементами в антецеденте [там же, с. 87]. Прагматический анализ используется здесь в узком понимании этого термина, согласно которому в анафоре происходит обобщение, что позволяет сформулировать явную или скрытую цель распространенного антецедента: «сообщение некоторой информации или мнения, вопрос, приказ, просьба, совет, обещание, извинение, приветствие, жалоба и т. п.» [Языкознание..., 1990, с. 390].

Данный метод исследования дает возможность классифицировать отобранный материал на три основные группы, основываясь на типе связи между антецедентом и анафором — семантической, прагматической и семантико-прагматической [там же, с. 100].

В рамках настоящего исследования были сформулированы следующие вопросы, нуждающиеся в объяснении. В какой степени классификация непрямой анафорической референции актуальна для описания индивидуализации в журналистском дискурсе? И какова роль непрямой анафорической референции в реализации функции воздействия?

Чтобы ответить на данные вопросы, жанр некролога был исследован с когнитивно-дискурсивной точки зрения, которая учитывает факторы, обуславливающие мыслительный процесс индивидуализации. Примеры для анализа были взяты из целого ряда номеров 2022 года издания *The Economist*.

Как отмечает Е. О. Менджерицкая, в *The Economist* статьи «проходят строгую редакторскую обработку, предполагающую своеобразную унификацию стиля, его корпоративный характер, а также некую коллективную ответственность за публикацию» [Менджерицкая, 2017, с. 121]. При этом отличительной чертой дискурса этого издания Е. О. Менджерицкая называет «ироничное, иногда снисходительное отношение к описываемым проблемам» [там же, с. 120].

Проведя анализ статей из *The Economist*, Е. О. Менджерицкая пришла к выводу о том, что особенности дискурса этого издания показывают, что качественная пресса не избегает функций воздействия и развлечения. Однако здесь мы наблюдаем воздействие не эстетическое, как в случае художественной литературы, «а воздействие-убеждение, осуществляемое и при помощи различных способов подачи информации и особенностей организации речи» [там же, с. 134]. А функция развлечения становится своего рода интеллектуальной игрой, основанной на намеках и аллюзиях, для понимания которых требуются определенные фоновые знания [там же]. Эти особенности дискурса издания *The Economist* позволяют расширить представления о функционировании не прямой анафорической референции. А жанр некролога, в котором традиционно соблюдается целый ряд конвенциональных правил написания [Онипко, 2018, с. 53–54] и который ограничен в *The Economist* по объему одной страницей, представляет для нас особый научный интерес. Так, выбранный материал непохож на уже изученный нами художественный и лингвистический дискурс, что позволяет расширить представление о предмете исследования.

Уже упомянутый выше ограниченный объем жанра некролога определил синтаксические особенности анализируемых фрагментов. Анафорическое расстояние, т. е. расстояние между антецедентом и анафором, обычно краткое, так как предмет мысли преимущественно упоминается в одном и том же или соседних предложениях, как в примере из некролога, посвященного бирманскому политику и писателю Чжо Мин Йу:

*When she became pregnant, he solemnly put his hands on her stomach and apologised to **the baby** in advance.* (The Economist. 30.07.22)

Однако в отдельных редких случаях жанр некролога демонстрирует анафорическое расстояние, достигающее нескольких предложений, как в другом отрывке, найденном в некрологе, посвященном памяти Марио Терана Салазара, боливийского солдата, казнившего Че Гевару:

The figure of Che seemed suddenly gigantic. Those eyes shone so intensely that he felt dizzy, overwhelmed. He thought his m2 might be wrenched away by one movement of Che's hand. (The guards said later that he rushed from the

building, soaked in sweat, and that he did so more than once.) At last Che said: «Calm down and aim well! You are going to kill a man».

*The man who was not him for certain aimed his carbine at Che's legs, recalling the order that he should do so to spread the official story that he had died of battle wounds. With the first burst he made him topple writhing to the ground, his legs destroyed and blood streaming across the floor. His killer regained his spirits then, and unleashed a second burst that found Che's arm, his shoulder and his heart. Then **the giant** was dead, and he left (The Economist. 09.04.22).*

Как отмечалось ранее, при непрямой анафорической референции синтакс антецедента отличается разнообразием, в то время как анафор представлен структурой «определенный артикль + существительное». В изученных нами образцах жанра некролога случаев, когда анафор включает определение, выявлено не было. Ср.:

*As **a maker** he cared about every part of **the process**, from yarn to fabric to machinery (The Economist. 10.09.22).*

*He did not want **to be known** as the designer who had survived Hiroshima. **The focus** had to be shifted away from destruction, towards creation; away from shadows, to the light (The Economist. 10.09.22).*

*When **Nikita Khrushchev denounced Stalin's cult of personality in 1956**, Mr Gorbachev was one of the young party leaders who had to spread **the message** among rankandfile Communists (The Economist. 03.09.22).*

Анализ семантических отношений между антецедентом и анафором и степени их взаимосвязанности позволил подтвердить, что семантические отношения в журналистском дискурсе характеризуются как полной, так и частичной кореферентностью референтов антецедента и анафора. При полном тождестве антецедента и анафора семантическая связь между ними может устанавливаться с помощью лексико-грамматической вариативности, представленной однокоренными словами, т. е. анафор в таких случаях является результатом лексического словообразования (аффиксация, сложение и т. п.) [Макарова, 2022, с. 101-102]:

*His clothes were not finished until they were being **worn**, lived and moved in, just as music was unfinished until it was played. Even his Bao Bao bags, wildly popular constructions of polyvinyl triangles on a hard mesh, changed shape as they were filled and adjusted themselves to **the wearer** (The Economist. 10.09.22).*

В приведенном фрагменте из некролога, посвященного японскому модельеру Иссэю Миякэ, глагол *wear (worn)* в антецеденте соотносится с существительным *wearer* в анафоре.

Однако в некоторых других случаях семантическое взаимодействие анафора и антецедента происходит на основе лексической вариативно-

сти, достигаемой с помощью синонимов, гипонимов и гиперонимов², а также слов, входящих в одно семантическое поле [Макарова, 2022, с. 102]:

*Another vivid cause for regret was her remark on «60 Minutes» that the deaths of **half a million Iraqi children**, supposedly caused by the sanctions placed on Saddam Hussein for blocking un nuclear inspections, were a price worth paying. **The figures** turned out to be false, but she hated to appear so cruel* (The Economist. 22.04.22).

В данном примере, взятом из некролога американского дипломата Мадден Олбрайт, гипонимом, т. е. лексической единицей, выражающей представление более узкое по значению (видовое значение), является *half a million Iraqi children*, а в роли более широкого понятия (родового) в данном случае выступает *figures*.

Частичная тождественность анафора и антецедента строится на том, что их референты находятся в отношениях части и целого [Макарова, 2022, с. 134]:

*On hearing there was to be **a big festival in Warsaw**, he wrote to **the organisers** suggesting they might teach him about socialism if he could tell them about God* (The Economist. 08.10.22).

В данном рассказе о деятельности Эндрю ван дер Бийле, миссионера из Нидерландов, ставшего известным благодаря контрабанде Библии в коммунистические страны, целым является фестиваль в Варшаве *a big festival in Warsaw*, а организаторы *organisers* могут рассматриваться как его часть наряду с, например, участниками.

Прагматическая связь выявляется при полной тождественности референтов в анафоре и антецеденте, когда их взаимодействие определяется не семантической связью, а целевым назначением антецедента, формируемым в анафоре автором для читателей [Макарова, 2022, с. 147]:

*The way to help India develop was **to vote out the bad and vote in the best**, and he would joyfully set **the example*** (The Economist. 12.11.22).

Данная иллюстрация, взятая из некролога о Шияме Саране Неджи, первом гражданине Индии, проголосовавшем на выборах, демонстрирует функционирование анафора, при котором он суммирует антецедент в содержательном плане, указывая его цель быть примером — *the example* [Макарова, 2022, с. 150-151].

При семантико-прагматической связи отличительной чертой анафорических отношений является то, что инференция зависит как от праг-

² «Разновидность лексико-семантической парадигмы, в составе которой одно слово (гипероним) обозначает родовое понятие, а остальные слова (гипонимы) — видовые понятия» [Жеребило, 2010, с. 72].

матической направленности антецедента, так и наличия в нем элементов, используемых для образования дополнительной семантической связи с анафором [там же, с. 154]:

When Nikita Khrushchev denounced Stalin's cult of personality in 1956, Mr Gorbachev was one of the young party leaders who had to spread the message among rankandfile Communists (The Economist. 03.09.22).

В некрологе, посвященном памяти Михаила Сергеевича Горбачева, в качестве антецедента и анафора соотносятся придаточное предложение и употребленное затем существительное *message*, формулирующее прагматическую цель этого придаточного. При этом глагол говорения *denounce*, употребленный в придаточном предложении, образует с анафором *message* тематическую группу «речь», что подтверждает наличие семантической связи между антецедентом и анафором.

Таким образом, в жанре некролога представлены все три типа связи между антецедентом и анафором.

Индивидуализация и жанровое своеобразие некролога

Стилистический потенциал не прямой анафорической референции был ранее отмечен на материале художественной литературы, так как благодаря своей двухчастной структуре данное явление нередко позволяет акцентировать внимание читателя на детали, что в отдельных случаях позволяет говорить об эстетическом воздействии на него [Макарова, 2022]. Но поскольку функция воздействия характерна и для журналистских текстов [Липгарт, Хуринов, 2019, с. 138], следует обратить внимание и на стилистическое функционирование не прямой анафорической референции в жанре некролога.

Рассмотрим уже проанализированные выше отрывки из некрологов, посвященных Марио Террану Салазару и Мадден Олбрайт:

The figure of Che seemed suddenly gigantic. <...> Then the giant was dead, and he left (The Economist. 09.04.22).

Another vivid cause for regret was her remark on «60 Minutes» that the deaths of half a million Iraqi children, supposedly caused by the sanctions placed on Saddam Hussein for blocking un nuclear inspections, were a price worth paying. The figures turned out to be false, but she hated to appear so cruel (The Economist. 22.04.22).

В обоих случаях не прямая анафорическая референция используется при описании ключевых моментов в судьбе людей, которым посвящены некрологи. В первом случае не прямая анафорическая референция основана на однокоренных словах и тем самым привлекает внимание читателя. Интересующая нас структура передает внутренние пере-

живания человека, собирающегося казнить Че Гевару, но невольно восхищающегося им.

Во втором случае приводится описание одного из самых скандальных интервью Мадлен Олбрайт о гибели иракских детей, которое во многом определило ее имидж. Упоминание в антецеденте огромного числа жертв и подчеркнуто нейтральный анафор создают контраст, что служит одним из средств оправдания политика редакцией *The Economist*.

Следовательно, авторы создают нужный им образ, который транслируют читателю в том числе и с помощью грамматических средств.

Выводы

Данное исследование, посвященное артиклевому способу выражения мыслительного процесса индивидуализации, подтвердило, что индивидуализация в журналистском дискурсе, представленная некрологами, опубликованными в издании *The Economist*, систематически принимает форму не прямой анафорической референции. Были выявлены все ее ранее описанные разновидности, обусловленные типами связи между антецедентом и анафором. В результате было подтверждено, что функционирование структуры «определенный артикль + существительное» может служить для выделения предмета мысли в журналистском дискурсе. Более того, в некоторых случаях в журналистском дискурсе авторы используют потенциал анафорической референции для реализации функции воздействия.

Библиографический список

Александрова О. В. Особенности терминологии когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34.

Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII.

Барда И. С., Митчелл П. Дж. Распространенные ошибки в употреблении артиклей при переводе научных статей на английский язык // Язык и культура. 2016. № 4 (36).

Большая российская энциклопедия. Т. 15. М., 2010.

Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998.

Воронина Л. В. Вопросы релевантности референта и референтного выражения антецедентно-анафорического комплекса, реализующего семантику цели в политическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 5.

Говорухо Р. А. Выбор детерминатива при анафоре в русском и итальянском языках // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 1.

Данилова Е. Р. Особенности функционирования комплексной анафоры в политическом дискурсе: когнитивно-референциальный и лингвопрагматический аспекты : дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2017.

Долгина Е. А. Полифункциональность английских артиклей в языке и речи. М., 2010.

Долгина Е. А., Макарова С. А. Индивидуализация в научном дискурсе: типы определенной референции (на материале англоязычной лингвистической литературы) // Культура и текст. 2022. № 3 (50).

Долгина Е. А., Макарова С. А. Операции инференции и индивидуализации в англоязычном мышлении // Когнитивные исследования языка. 2018. Т. 34.

Долгина Е. А., Макарова С. А. Особенности непрямой анафорической референции в английском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. М., 2021. № 1.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010.

Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1997.

Липгарт А. А., Хуринов В. В. Функциональные стили современного английского языка. Наука и журналистика. М., 2019.

Макарова С. А. Анафорические отношения в английском языке при неполном тождестве референтов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Т. 7. № 836.

Макарова С. А. Непрямая определенная анафорическая референция в англоязычном лингвистическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Т. 4. № 846.

Макарова С. А. Функционирование структуры «определенный артикль + существительное» в составе непрямой анафорической референции в англоязычном дискурсе (на материале художественной прозы и лингвистической литературы) : дисс. ... канд. филол. наук : М., 2022.

Менджерицкая Е. О. Дискурссфера печатных СМИ: игра на выживание: монография. М., 2017.

Онипко К. А. Прагматика некролога: позиция автора // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 9 (42).

Падучева Е. В. 1985 Референциальные аспекты семантики предложения // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1984. Т. 42. № 4.

Петров В. В. Философские аспекты референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика. М., 1982.

Прокопья В. К. Механизмы анафоры при речепорождении и речепонимании: экспериментальное исследование на материале русского языка : дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2017.

Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.

Языкознание. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.

Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. Harlow, 2003.

Blokh M. Y. A Course in Theoretical English Grammar. M., 1983.

Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London, 1976.

Quirk R., Greenbaum S. A University Grammar of English. London, 1973.

Van Dijk T. A. Ideology: A multidisciplinary approach London, 2000.

Источник

The Economist. 2022. URL: <https://www.economist.com>

References

Aleksandrova O. V. *Osobennosti terminologii kognitivnoj lingvistiki*. [The specific characteristics of cognitive linguistics]. In: *Kognitivnye issledovaniya jazyka*. [The cognitive studies of language]. 2018. No. 34.

Arutjunova N. D. *Lingvisticheskie problemy referencii*. [The linguistic problems of reference]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. [The new in foreign linguistics]. Moscow, 1982. Iss. XIII.

Barda I. S., Mitchell P. Dzh. *Rasprostranennye oshibki v upotreblenii artiklej pri perevode nauchnyh statej na anglijskij jazyk*. [Common mistakes in the article use when translating research papers into English]. In: *Jazyk i kul'tura*. [The language and culture]. 2016. No. 4 (36).

Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija. [Great Russian Encyclopedia]. T. 15. Moscow, 2010.

Vekker L. M. *Psihika i real'nost»: edinaja teorija psihicheskikh processov*. [The psyche and reality: the unified theory of mental processes]. Moscow, 1998.

Voronina L. V. *Voprosy relevantnosti referenta i referentnogo vyrazhenija antecedentno-anaforicheskogo kompleksa, realizujushhego semantiku celi v politicheskom diskurse*. [Relevance of the reference and referential mean within the antecedent-anaphoric complex with purpose semantics in political discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. [Bulletin of the Moscow State Tehion University. Series: Linguistics]. 2020. No. 5.

Govoruhina R. A. *Vybor determinativa pri anafore v russkom i ital'janskom jazykah*. [Determinative choice in case of anaphora in the Russian and Italian languages]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Semiotika. Semantika*. [Bulletin of the Peoples» Friendship University of Russia]. 2014. No. 1.

Danilova E. R. *Osobennosti funkcionirovanija kompleksnoj anafory v politicheskom diskurse: kognitivno-referencial'nyj i lingvopragmaticheskij aspekty*. [Peculiarities of functioning of complex anaphora in political discourse: cognitive-referential aspects]. Abstract of Art. Cand. Diss. Krasnodar, 2017.

Dolgina E. A. *Polifunktional'nost' anglijskikh artiklej v jazyke i rechi*. [The polyfunctionality of the English articles in language and speech] Moscow, 2010.

Dolgina E. A., Makarova S. A. *Individualizacija v nauchnom diskurse: tipy opredel'noj referencii (na materiale anglojazыchnoj lingvisticheskoy literatury)*. In: *Kul'tura i tekst*. [Culture and Text]. 2022. No. 3 (50).

Dolgina E. A., Makarova S. A. *Operacii inferencii i individualizacii v anglojazыchnom myshlenii*. [Operations of inference and individualization in English thinking]. In: *Kognitivnye issledovanija jazyka*. [Cognitive Language Studies]. 2018. T. 34.

Dolgina E. A., Makarova S. A. *Osobennosti neprjamoj anaforicheskoj referencii v anglijskom jazyke*. [Features of indirect anaphoric reference in English]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta*. [Bulletin of Moscow University]. Ep. 9. Philology. Moscow, 2021. No. 1.

Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of linguistic terms]. Nazran, 2010.

Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. [Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Ed. By E. S. Kubryakova]. Moscow, 1997.

Lipgart A. A., Hurinov V. V. *Funkcional'nye stili sovremennogo anglijskogo jazyka. Nauka i zhurnalistika*. [Functional Styles of Modern English. Science and Journalism]. Moscow, 2019.

Makarova S. A. *Anaforicheskie otnoshenija v anglijskom jazyke pri nepolnom tozhdestve referentov* [Anaphoric relations in English with incomplete identity of referents]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. [Bulletin of the Moscow State Linguistic University]. 2020. T. 7. No. 836.

Makarova S. A. *Neprijamaja opredelennaja anaforicheskaja referencija v anglojazыchnom lingvisticheskom diskurse*. []. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. []. 2021. T. 4. No. 846.

Makarova S. A. *Funkcionirovanie struktury "opredel'nyj artikl' + sushhestvitel'noe" v sostave neprjamoj anaforicheskoj referencii v anglojazыchnom diskurse (na materiale hudozhestvennoj prozy i lingvisticheskoy literatury)*. Abstract of Philol. Cand. Dis. Moscow, 2022.

Mendzherickaja E. O. *Diskursosfera pechatnyh SMI: igra na vyzhivanie*. [The discourse sphere of print media: a survival game]. Moscow, 2017.

Onipko K. A. *Pragmatika nekrologa: pozicija avtora*. [Pragmatics of the obituary: the position of the author]. In: *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo*

gumanitarnogo universiteta. In: *Kul'turologija*. [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]. 2018. No. 9 (42).

Paducheva E. V. 1985 *Referencial'nye aspekty semantiki predlozhenija*. [Referential Aspects of the Semantics of a Sentence]. In: *Izvestija Akademii nauk SSSR*. [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow, 1984. T. 42. No. 4.

Petrov V. V. *Filosofskie aspekty referencii*. [Philosophical aspects of reference of reference]. In: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. [New in foreign linguistics]. Iss. XIII. Moscow, 1982.

Prokopenja V. K. *Mehanizmy anafory pri recheporozhdenii i recheponimanii: jeksperimental'noe issledovanie na materiale russkogo jazyka*. [Mechanisms of anaphora in speech production and speech understanding: an experimental study on the material of the Russian language]. Abstract of Filol. Cand. Diss. St. Petersburg, 2017.

Smirnickij A. I. *Morfologija anglijskogo jazyka*. [Morphology of the English language.]. Moscow, 1959.

Jazykoznanie. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. [Linguistics. Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Jarceva. Moscow, 1990.

Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow, 2003.

Blokh M. Y. *A Course in Theoretical English Grammar*. M., 1983.

Halliday M. A. K., Hasan R. *Cohesion in English*. London, 1976.

Quirk R., Greenbaum S. *A University Grammar of English*. London, 1973.

Van Dijk T. A. *Ideology: A multidisciplinary approach*. London, 2000.

A source

The Economist. URL: <https://www.economist.com>

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПЕНТАЛОГИЯ А. Ж. ЖАКСЫЛЫКОВА «СНЫ ОКАЯННЫХ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ КАЗАХСТАНСКИХ УЧЕНЫХ

Г. Е. Енсебай, А. С. Демченко

Ключевые слова: пенталогия, модернизм, фольклоризм, метамодернизм, постмодернизм, ремифологизация, неомифологизм, транслингвальный роман.

Keywords: pentalogy, modernism, folklore, postmodernism, metamodernism, remythologization, neo-mythologism, translingual novel.

DOI: 10.14258/filichel (2023)3–09

Роман А. Ж. Жаксылыкова «Сны окаянных» (А. Ж. Жаксылыков. Сны окаянных: Трилогия. 2005) в 2005 г. вышел отдельной трилогией, хотя первые две части романа написаны раньше: «Поющие камни» — в 1988-м, «Сны окаянных» — в 2000-м, «Другой океан» — в 2005 г. Чуть позже, в 2008 и в 2011 гг., были опубликованы четвертая («Дом суриката») и пятая («Возвращение») части романа соответственно. Поэтому романы в составе пятикнижия называют иногда книгами, а сам роман — пенталогией.

Задумывая данное исследование, мы понимали: всегда есть вероятность, что в ряду исследователей можно кого-то упустить, поэтому не претендуем на звание полномасштабного аналитическо-обзорного исследования. В настоящей работе только исследование С. М. Алтыбаевой [Алтыбаева, 2007] относится к 2007 г., остальные заняли позиции между 2015 и 2022 гг. Целью исследования является предоставить этот обзор молодым ученым, чтобы облегчить им научные изыскания. С. М. Алтыбаева в статье «Фантастическое в новейшей казахской прозе: к вопросу новаторства и традиции» приводит роман А. Ж. Жаксылыкова «Сны окаянных» «в качестве примера новаторского подхода к самому худо-

жественному методу. <...> Писатель вводит фантастический план в причинно-следственной связи с реальной, конкретно-исторической проблематикой» [Алтыбаева, 2007, с. 12]. «Авторская фантастика выполнена в форме известного жанра „антиутопии“. Она выступает важным структуро-, смысло- и образосоставляющим компонентом и рельефом романа» [Алтыбаева, 2007, с. 13].

«Таким образом, трилогия „Сны океанных“ А. Жаксылыкова является сложным художественным целым с развитой постмодернистской, барочной, реалистической и сюрреалистической направленностью, где фантастическое начало играет важную структуро- и смыслообразующую роль» [Алтыбаева, 2007, с. 15].

Также в этой работе упомянута статья Л. В. Сафроновой «Система образов и орнаментальные поля в романе А. Жаксылыкова „Другой океан“», где исследуются «орнаментальные поля» романа. С. М. Алтыбаева называет роман «антиутопией» и признает в нем «роман-бестиарий», продолжающий традиции Апулея, Э. Гофмана и Ф. Кафки («Исследования одной собаки»).

Одним из самых глубоких и масштабных исследователей по количеству научных статей, посвященных роману, является работа О. А. Валикова, которая не только написала диссертацию «Роман-трилогия А. Ж. Жаксылыкова „Сны океанных“ в контексте русской литературы» [Валикова, 2015], но и ряд других статей, в том числе в соавторстве [Валикова, Бахтикиреева, 2019]. В этих статьях подробно изучается текст романа в сопоставлении с произведениями русской литературы. Ознакомиться с названиями статей можно, посмотрев список использованной литературы [Валикова, 2015, с. 147–156].

«Языковая картина мира Казахстана „осложнена“ наличием двух языковых доминант, образующих условную координатную плоскость: казахского языка, генетической основы этноса, представляющего диахроническую (и, в более строгом отношении, панхроническую) ось; и русского, ставшего осью синхронической (и ретроспективно-синхронической)» [Валикова, 2015, с. 43].

«Данная ситуация явилась стимулом для развития характерного в культурном отношении явления — творчества писателей-билингвов, к которым относится и Аслан Жаксылыков. Будучи носителями родного языка, они пишут на языке „усвоенном“ (русском). Примечательно, что выбор русского языка оказывается намеренным: с одной стороны, писателю предоставлена возможность использовать грандиозный художественный потенциал русской лингвокультуры, а с другой — транспортировать в эту лингвокультуру „национальные образы мира“ (Г. Га-

чев), т. е. провести мост между двумя семиотическими пространствами» [Валикова, 2015, с. 43].

Писатели-билингвы в Казахстане на самом деле составляют интересный пласт исследований для ученых. Некоторые авторы пишут на родном языке, но в силу обстоятельств живут в русскоязычной языковой среде, либо наоборот: пишут на русском языке, в быту либо с коллегами предпочитают общение на казахском языке. Таким образом, языковая личность имеет два полюса, две языковые и когнитивные программы, влияющие друг на друга. «Розеттский камень» интерпретации исходного материала, по мнению исследовательницы — это творчество «А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. П. Платонова. В тексте цикла присутствуют менее интенсивные количественно, но устойчивые связи с произведениями Г. Р. Державина, А. С. Грибоедова, Е. А. Боратынского, Ю. М. Лермонтова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. А. Бунина, А. А. Блока, Ф. Сологуба, В. Я. Брюсова, Б. Л. Пастернака, О. Э. Мандельштама, М. И. Цветаевой, И. С. Шмелева» [Валикова, 2015, с. 144]. В исследовании нам показалось интересным упоминание «особой ментальной программы, свойственной носителям евразийской лингвокультуры» [Валикова, 2015, с. 147].

В 2019 г. О. А. Валиковой в соавторстве с У. М. Бахтикиреевой была написана статья «Роман А. Жаксылыкова „Поющие камни” в русле теории литературного домена». В этой статье авторы, подкрепляя свои слова тезисами различных ученых, доказывают, что произведение А. Жаксылыкова написано в соответствии с этническими представлениями казахов: «Роман „Поющие камни” начинается как „жжктау о конце света”: постепенно расширяющаяся картина утраты реализуется в цепи трагических в жизни героя событий» [Валикова, Бахтикиреева, 2019, с. 641], и приходят к выводу, что этот роман — транслингвальный по своей сути: «Как мы попытались продемонстрировать на материале романа „Поющие камни”, подтекстовая информация зачастую предоставляет исследователю большую свободу в декодировании элементов художественного целого. Тексты, созданные писателем на этнически неродном языке, в современном литературоведении принято называть транслингвальными. Посредством усвоенного языка автор транслирует в более широкое коммуникативное пространство коды родной для него лингвокультуры, в результате чего происходит взаимообогащение систем. Подобная интерпретация романа возможна лишь с соблюдением презумпции транслингвальности и теории литературного домена» [Валикова, Бахтикиреева, 2019, с. 646].

А. Джундубаева в своей диссертации «Нарративные стратегии в постмодернистской прозе» [Джундубаева, 2015, с. 5] уделила одну главу ис-

следованию четвертого романа из пяти, «Дом суриката», «в рамках ... исследования нарративных стратегий в постмодернистской прозе, а также роли мифа в нарративной стратегии романа А. Жаксылыкова „Дом суриката“» [Джундубаева, 2015, с. 86].

Исследовательница дает определение нарративным стратегиям А. Жаксылыкова: «Доминирующей нарративной стратегией в романе А. Ж. Жаксылыкова „Дом суриката“, на наш взгляд, является именно ремифологизация¹ как вариант постмодернистской игры с читателем, основанной на приеме двойного кодирования смысла за счет обращения к мифу, а главной характеристикой художественной направленности данного романа выступает неомифологизм² как путь к преодолению постмодернистской эпистемологической неуверенности» [Джундубаева, 2015, с. 89]. По мнению А. Джундубаевой, философской квинтэссенцией романа является легенда «Наш дом». В качестве примера приводится следующий отрывок из романа: «Ивовый потолок, сплетенный из прутьев, на честном слове державшийся на жердях и матке, без того источенных древоточцами, не выдержал тяжести урожая, а также напора кабанов, дружно вышедших на ристалище, и рухнул с оглушительным треском, напугав окрестных ворон и галок» (А. Ж. Жаксылыков. Дом суриката. Четвертая книга романного цикла „Сны окаянных“». 2008. С. 45–46). Мы же, читая работу А. Джундубаевой и этот отрывок, представляя звук падающего дома, вспоминаем другое произведение, где «...раздался дикий оглушительный грохот, словно рев тысячи водопадов... и глубокие воды зловещего озера у моих ног безмолвно и угрюмо сомкнулись над обломками дома Ашеро́в» (Эдгар Аллан По. Падение дома Ашеро́в).

Кстати, исследование А. Джундубаевой примечательно тем, что в нем она приводит довольно много выдержек из интервью самого автора романа, в которых он, высказывая уважение к коллегам, считающим, что это роман постмодернистский, сам, однако, от такой точки зрения отказывается, заявляя, что «Сны окаянных» — аккумуляция разнообразных культурных направлений, в том числе футуризма, философии и науки. Поэтому А. Джундубаева говорит, что «Дом суриката» — не постмодернистский роман, а «обладающий элементами постмодернистской поэтики» [Джундубаева, 2015, с. 89].

¹ Ремифологизация — стратегия интерпретации мифа как значимого, автономного, ценного опыта и универсального культурного принципа. С таких позиций обращаются к исследованию мифа романтизм и символизм [Джундубаева, 2015, с. 90].

² Неомифологизм — специфическая для XX века форма художественного мышления, предполагающая особое отношение к мифологическим сюжетам, образам и символам, которые не столько воспроизводятся, сколько проигрываются или пересоздаются, тем самым рождая новые мифы, соотносимые с современностью [там же, с. 90].

Н. Сарсекеева [Сарсекеева, 2016] стала одним из авторов монографии, посвященной литературе Казахстана периода Независимости, где роману также уделено внимание. Роман А. Жаксылыкова, согласно анализу автора, выбивается из тематики романов «нового времени», предлагая читателю не экзистенциальную проблему, а, скорее, экологическую — тему ядерного полигона и последствий испытания ядерного оружия. Тем не менее, поставив роман в один ряд с такими произведениями, как «Разума пылающая война» Т. Абдикова, «Цветы и книги» Д. Амантая, «Круг пепла» Д. Накипова, ученый подводит итоги: «В романах казахских авторов присутствует некий „просвет“ в плане сюжетной интриги и позитивной основы судьбы героя, в то время как в западном „новом романе“ устойчива тенденция к его деструкции. В связи с этим можно предположить, что направленность на позитивное смыслопорождение связана с издавна присущейномадам (кочевникам) верой в самогармонизацию мира, с национальными архетипами идеалов самосовершенствования в свете влияния суфизма и тенгрианства. Анализ романа „новой волны“ в литературе Казахстана в рамках диалога национальной традиции изображения „искателя истины“ и новаций мирового литературного процесса, с учетом опыта русской классики способствует выявлению новых граней авторского сознания прозы современного Казахстана, в котором и проявляется дух времени» [Сарсекеева, 2016, с. 150]. Там же Н. Сарсекеева приводит интересное сравнение, заметив, что поиск своего Пути Искателем-талибом напомнил ей мотив поисков утраченного времени в книгах М. Пруста.

Автор научно-квалифицированной работы 2021 г. «Современная проза Казахстана на русском языке: основные тенденции развития» У. Овчеренко, изучая роман и работы предыдущих исследователей, пишет: «Мы считаем, что в будущем при анализе произведений Жаксылыкова более продуктивной будет теория метамодернизма³, с ее поиском глубины бытия, стремлением к синтезу и интеграции» [Овчеренко, 2021, с. 92], а также подчеркивает сложность романа: «Крайне усложненная структура цикла в общем и каждого романа „работает“ на основную задачу новейшего периода творчества Жаксылыкова — затруднить читателю проникновение в событийное содержание текста, сконцентрировав его внимание на идейном содержании» [Овчеренко, 2021, с. 99]. Нам кажется интересным тот факт, что автор романа сознательно затрудняет читателю понимание фэбулы, делает текст как можно сложнее, ведет с ним

³ В противоположность ценностям постмодернизма — которые, по сути, представляют собой отказ от ценностей, жесткую иронию, порой откровенный сарказм, цинизм и деконструкцию.

своеобразную языковую игру, дарит ему ощущение интеллектуального удовольствия, когда вдруг приходит понимание, что роман многослойный и его следует читать и перечитывать, чтобы понять. Возможно, такой языковой игрой сам автор и увлекся, поэтому исследователи относят роман то к модернизму, то к постмодернизму, то к метамодернизму.

Авторы опубликованной в 2022 г. статьи «Фольклоризм в романе А. Жаксылыкова „Поющие камни”» [Ибраева, Шашкина и др., 2022], проведя структурный анализ произведения по методике И. П. Смирнова, доказывают, что этот роман создан по сюжету волшебной сказки. В некоторых сферах современного искусства, в сообществе сценаристов например, давно считается непреложной истина, что самые успешные сюжеты для самых интересных и продаваемых историй — по своей структуре мифологические, а сказка — это, как известно, осколок мифа. Сказка и миф имеют крепкую структуру, начало и конец, определенное количество персонажей, у каждого из которых своя роль.

К. Воглер⁴ в практическом руководстве по написанию интересного сюжета «Путешествие писателя» нарисовал вот такую схему путешествия героя (цит. по [Воглер, 2015]) (см. схему):

Схема. Путешествие героя

Если посмотреть на схему, то можно увидеть, что первая книга, «Поющие камни», заканчивается как раз «зовом странствий».

А. Ш. Аскарова в статье «Основные тенденции русскоязычной художественной литературы Казахстана в постсоветский период» пишет:

⁴ Здесь и далее цитируется по книге К. Воглер «Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино» / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. С. 45, 49.

«Тетралогия „Сны окаянных” Аслана Жаксылыкова, роман „Созвездия близнецов” Хасена Адибаева привлекают внимание современных литературоведов. Они являются ярким примером экзистенциальной художественной прозы. Герои в произведениях этих писателей становятся инструментом осмысления действительности, раскрытия сущности бытия» [Аскарова, 2016]. В статье роман А. Жаксылыкова изучается в контексте других казахстанских романов и различных литературных направлений: «Произведение можно рассматривать как в контексте модернизма, так и постмодерна и даже неореализма. Обусловлено это, вероятно, как многогранностью творческого сознания автора, так и его стремлением изобразить мир и, самое главное, не упрощая, но с сохранением всего его многообразия» [Аскарова, 2016, с. 188–189].

О. Абишева в статье «Сквозь призму мифа» [Абишева, 2016] также обращается к теме мифа и семантике имен собственных в романе А. Жаксылыкова, исследуя не только тюркские, но и европейские фольклорные традиции и отмечая, что «мифологические элементы в романе служат средством перекодировки известного мифа или предания. Автор представляет миф „наизнанку”, показывая, как время „вывихнуло” извечные народные ценности, как поменялись нравственные устои людей» [там же, с. 160]. Исследовательница также подчеркивает синтез философского и мифологического восприятия окружающего мира автором.

Таким образом, изучив научные работы 2015–2022 гг., мы сделали следующие выводы:

1. Текст пенталогии «Сны окаянных» невероятно сложен и пластичен, намеренно задуман, чтобы создать для читателя интеллектуальную головоломку, игру, т. е. помимо эстетического призван принести интеллектуальное удовольствие.

2. Роман интертекстуален. Каждый автор, исследующий текст романа, видит в нем отсылки к тюркским, европейским мифам и фольклору (О. Абишева, А. Ш. Аскарова), произведениям российских (О. Валикова) и зарубежных (Н. Сарсекеева, С. М. Алтыбаева) писателей-классиков.

3. Роман нельзя соотносить с каким-то одним литературным направлением, «своим» его считают и модернисты, и постмодернисты, и метамодернисты; в отношении темы это и экзистенциальный роман, и экологический, и роман-антиутопия (С. М. Алтыбаева).

4. В романе чувствуется мощный дух суфизма, тенгрианства, тюркских мифов, и это номадическое самосознание автора строит подтекст, на котором «лежит» огромный пласт европейской культуры; исследователи (О. Валикова, У. Бахтикиреева) считают, что причина такого наслоения — билингвальность автора, и называют роман транслингвальным.

5. Языковая картина мира романа строится из мифов-концептов, поэтому О. Абишева сделала заключение, что автор, как и герой романа Жан, осмысляет жизнь через миф.

В завершение нашего исследования хотелось бы добавить, что, хотя роман «Сны окаянных» любим казахстанскими исследователями за свою сложность и глубину, в нем остается все еще немало исследовательских лакун. Например, известно, что пять частей романа были написаны с перерывом в несколько лет в течение длительного времени, с 1988 по 2011 г. Было бы интересно проследить, как менялась стилистика автора за двадцать три года, между первой и последней книгами цикла, или за двенадцать лет, между первой и второй книгами.

Также было бы интересно выявить и проанализировать в романе концепты, например, концепт полигона, Ардахара или концепт джугары. В любом случае роман «Сны окаянных» вошел в историю казахской литературы периода Независимости и богат на материал для исследований.

Библиографический список

- Абишева О. Сквозь призму мифа // Простор. 2016. № 3.
- Алтыбаева С.М. Фантастическое в новейшей казахской прозе: к вопросу новаторства и традиции // Известия НАН РК. Серия филологическая. 2007. № 1.
- Аскарова А. Ш. Основные тенденции русскоязычной художественной литературы Казахстана в постсоветский период // Stephanos. № 3 (17). 2016. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26113540>
- Валикова О.А. Роман-трилогия А.Ж. Жаксылыкова «Сны окаянных» в контексте русской литературы : дисс. ... докт. философии (PhD). Алматы, 2015.
- Валикова О.А., Бахтикиреева У.М. Роман А. Жаксылыкова «Поющие камни» в русле теории литературного домена // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 4.
- Волгер К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино / пер. с англ. М., 2015.
- Джундубаева А.А. Нарративные стратегии в постмодернистской прозе : дисс. ... докт. философии (PhD). Алматы, 2015.
- Ибраева Ж.Б., Шашкина Г.З., Адилбекова М.К. Фольклоризм в романе А. Жаксылыкова «Поющие камни» // Керуен. 2022. Т. 77. № 4. URL: <https://keruenjournal.kz/main/article/view/307>
- Овчеренко У. Современная проза Казахстана на русском языке: основные тенденции развития: научно-квалифицированная работа. М., 2021.

Сарсекеева Н. Традиция изображения «искателя истины» в литературе Казахстана в контексте межнационального диалога // Эстетическая многоплановость гуманитарного дискурса литературы Казахстана периода Независимости: монография: / Б. У. Джолдасбекова, А. Ж. Жаксылыков, Н. К. Сарсекеева, Ж. А. Баянбаева и др. Алматы, 2016.

Сербинская В. Метамоде́рнизм: проблема определения // *Metamodern*. URL: <https://metamodernizm.ru/literature-metamodernism/>

Источники

Жаксылыков А. Ж. Сны окаянных: Трилогия. Алматы, 2005.

Жаксылыков А. Ж. Дом суриката. Четвертая книга романного цикла «Сны окаянных». Алматы, 2008.

По Э. А. Падение дома Ашеро́в. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=19694&p=5

References

Abisheva O. *Skvoz' prizmu mifa*. [Through the prism of myth]. In: *Prostor*. [Prostor]. 2016. No. 3.

Altybaeva S. M. *Fantasticheskoye v noveyshey kazakhskoy proze: k voprosu novatorstva i traditsii*. [Fantastic in the latest Kazakh prose: on the issue of innovation and tradition]. In: *Izvestiya NAN RK*. [Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan]. Philological series. 2007. No. 1.

Askarova A. Sh. *Osnovnyye tendentsii russkoyazychnoy khudozhestvennoy literatury Kazakhstana v postsovetkiy period*. [The main trends in the Russian-language fiction of Kazakhstan in the post-Soviet period]. In: *Stephanos*. No. 3 (17). 2016. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26113540>

Valikova O. A. *Roman-trilogiya A. Zh. Zhaksylykova "Sny okayannykh" v kontekste russkoy literatury*. [The novel-trilogy by A. Zh. Zhaksylykov "Dreams of the damned" in the context of Russian literature]. Thesis of of Philos. Doct. Diss. (PhD). Almaty, 2015.

Valikova O. A., Bakhtikireeva U. M. *Roman A. Zhaksylykova "Poyushchiye kamni" v rusle teorii literaturnogo domena*. [A. Zhaksylykov's novel "Singing Stones" in line with the theory of the literary domain]. In: *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhyby Narodov*. [Bulletin of the People's Friendship University of Russia]. 2019. T. 24. No. 4.

Vogler K. *Puteshestviye pisatelya. Mifologicheskiye struktury v literature i kino*. [A Writer's Journey. Mythological structures in literature and cinema]. Transl. from English. Moscow, 2015.

Dzhundubaeva A. A. *Narrativnyye strategii v postmodernistskoy proze*. [Narrative Strategies in Postmodern Prose]. Thesis of Philos. Doct. Diss. (PhD). Almaty, 2015.

Ibraeva Zh. B., Shashkina G. Z., Adilbekova M. K. *Folklorism in A. Fol'klorizm v romane A. Zhaksylykova "Poyushchiye kamni"*. [Zhaksylykov's novel "Singing Stones"]. In: *Keruyen*. [Keruen]. 2022 Vol. 77. No. 4. URL: <https://keruenjournal.kz/main/article/view/307>

Ovcherenko U. *Sovremennaya proza Kazakhstana na russkom yazyke: osnovnyye tendentsii razvitiya*. [Modern prose of Kazakhstan in Russian: main development trends: scientifically qualified work]. Moscow, 2021.

Sarsekeyeva N. *Traditsiya izobrazheniya "iskatelya istiny" v literature Kazakhstana v kontekste mezhnatsional'nogo dialoga*. [The tradition of depicting the "seeker of truth" in the literature of Kazakhstan in the context of interethnic dialogue]. In: *Esteticheskaya mnogoplanovost' gumanitarnogo diskursa literatury Kazakhstana perioda Nezavisimosti*. [Aesthetic diversity of the humanitarian discourse of the literature of Kazakhstan during the period of Independence: monograph] ^ monography by B. U. Dzholdasbekova, A. Zh. Zhaksylykov, N. K. Sarsekeeva, Zh. A. Bayanbaeva and others. Almaty, 2016.

Serbinskaya V. *Metamodernizm: problema opredeleniya*. [Metamodernism: the problem of definition]. In: *Metamodern*. [Metamodern]. URL: <https://metamodernizm.ru/literature-metamodernism/>

List of sources

Zhaksylykov A. Zh. *Sny okayannykh: Trilogiya*. [Dreams of the Accused: A Trilogy]. Almaty, 2005.

Zhaksylykov A. Zh. *Dom surikata. Chetvertaya kniga romannogo tsikla "Sny okayannykh"*. [Meerkat's house. The fourth book of the novel cycle "Dreams of the damned"]. Almaty, 2008.

Po Edgar Allan. *Padeniye doma Asherov*. [The Fall of the House of Usher]. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=19694&p=5

ДЭВИД БОУИ И Т. С. ЭЛИОТ К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ «ПЕРСОНЫ»

Д. А. Тюлин

Ключевые слова: поэтическая «персона», рок-поэзия, Дэвид Боуи, К. Г. Юнг, имперсональность, Т. С. Элиот.

Keywords: poetic «persona», rock poetry, David Bowie, C. G. Jung, impersonality, T. S. Eliot.

DOI: 10.14258/filichel (2023)3–10

«Персона» рассматривается в статье как концептуальная художественная маска, разработанная британским поэтом и музыкантом Дэвидом Боуи (David Bowie, урожд. Дэвид Роберт Джонс, 1947–2016). В текстах песен, которые входили в концептуальные музыкальные альбомы Боуи на протяжении 1970-х гг., он создает, а затем воплощает на сцене несколько такого рода «персон». Космический пришелец Зигги Стардаст, путешественник во времени Алладин Разумный, предводитель молодежной банды Хэллоуин Джек и, наконец, зловещий Тонкий Белый Герцог составляют последовательный ряд, который трансформируется в соответствии с меняющимися художественными предпочтениями их создателя. Эта плеяда «персон» рок-театра обеспечила Боуи уникальную позицию в мире музыки — художника, воплощающего на сцене своих героев, при этом меняющегося стремительно и радикально.

В связи с творчеством Боуи можно говорить о «персоне» как об увеличении количества измерений существования литературного персонажа и способов его реализации. Комбинация лирического голоса альбома, присутствующего в нем сюжета, а также концертных театральных практик позволяет воспринимать «персону» как нечто более полноценное и реальное, чем ее отдельные элементы, в совмещении этих приемов открываются метафорический и метатекстуальный пласты, придающие «персоне» более абстрактный, символический смысл. Символизм «персон» Боуи выражается в аллегоричности и метафоричности их сюжетных арок и характеристик, а также в постоянном смещении границ между автором и его воплощаемым в трехмерную реальность персонажем.

Понятие «персона» в актуальном для нас значении было впервые введено К. Г. Юнгом в рамках описания архетипа как структурной формы выражения коллективного бессознательного. «Персона» (die Persona)

рассматривается Юнгом как всего «лишь маска коллективной души, та маска, что симулирует индивидуальность, заставляя других и самого ее обладателя поверить в то, будто он индивидуален, тогда как он просто играет роль, через которую говорит коллективная душа» [Юнг, 1994, с. 218]. Фактически это роль, которую человек отыгрывает в обществе, оправдывая предполагаемые им ожидания того или иного социального круга, «вторичная реальность, в создании которой другие часто принимают большее участие, чем само заинтересованное лицо» [Юнг, 1995, с. 507]. По Юнгу, «персона» может выполнять разные функции и через нее могут реализовываться другие архетипы, у человека может быть несколько социальных масок. Основная же функция «персоны» в том, что она скрывает наиболее уязвимые стороны личности, создавая защитную прослойку между индивидуальной психикой и социальным коллективом. Юнг позаимствовал название архетипа из античного театра, где «персоной» называлась маска, прикладываемая актером к лицу во время выступления для выражения различных эмоциональных состояний героя [Стайн, 2010, с. 118].

Терминология Юнга привлекается здесь, поскольку этот способ мышления живо интересовал Боуи. Т. Старк находит внушительное количество отсылок к работам Юнга в творчестве художника, доказывая, что «как символические, так и непосредственные отсылки к Юнгу наполняют всю карьеру Боуи» [Stark, 2015, p. 108]. Судя по всему, интерес к концепции архетипов появляется у Боуи еще в 1960-е гг., тогда же, когда юный художник увлекается двумя другими важными для понимания его творчества концепциями: буддизмом и ницшеанской философией. Старк датирует первую отсылку к Юнгу в творчестве Боуи 1967 г.: Боуи говорил, что песня «Человек-тень» «посвящена теневой самости человека» [Stark, 2015, p. 115], что подтверждает его интерес к концепциям глубинной психологии (нем. «tiefenpsychologie», изучение бессознательного) Юнга.

«Персона» в разнообразных смыслах этого термина — это одна из ключевых единиц художественной системы Дэвида Боуи, в творчестве которого границы между персонажем и «персоной» были намеренно размыты. Аура загадки и мистики, некоторой искусственности и недоговоренности — это чрезвычайно важный эффект, который Боуи создавал в 1972–1976 гг., своего так называемого «классического» периода, когда в его творчестве «персона» играет столь важную роль.

Важно сразу оговорить, что под «маской» или «персоной» в случае с наследием Боуи в работе подразумевается не только образ, который создается в значительной мере вследствие «коллективных» требо-

ваний современной культуры. Мы рассматриваем «персоны» в творчестве Боуи как особые художественные конструкты, в которых замысловато переплетаются юнгианская маска, литературный персонаж и внешний образ, имидж. Хотя мы и опираемся на понятие «персона» в юнгианском ключе, для описания «персон» в творчестве Боуи требуется расширить это понятие, переместив его в сферу современного художественного высказывания. «Персона» у Юнга понимается как маскировка настоящей сущности «я» человека с помощью свободной от ограничений маски. Прибегая к «персоне», Боуи стремится постоянно трансформировать ее для того, чтобы ощущать авторскую релевантность. Таким образом, Боуи в своих «персонах» придает архетипу маски изменчивость и непостоянство постмодернистского толка.

В рок-композиции поэзия симультанно поддерживается и уточняется музыкальным сопровождением, в то время как «персона» получает дополнительное пространство для воплощения через перформативный аспект творчества, включающий не только концертные выступления, но и интервью. Работы Боуи не просто одновременно существуют в нескольких различных медиа, он делает свои произведения потенциально взаимодействующими не только со зрителем / слушателем / читателем, но и связанными в открытой системе с другими «текстами»: литературными, художественными, культурными кодами. При этом специфика стиля Боуи, который можно условно определить как «арт рок», характеризуется еще и возможностью переноса медиа через уподобление или отсылку, т. е. работы Боуи трансмедиальны по своей природе. Боуи намеренно противился любой классификации своего творчества, характеризуя себя как «художника» (artist) [Chirazi, 1999]. Это определение должно пониматься в широком смысле: «творец искусства». Боуи демонстративно уклонялся от того, чтобы за ним закрепилась характеристика рок-музыканта или поп-певца, акцентируя художественную направленность своего творчества, выходящую далеко за пределы песенной традиции.

Боуи создает своего лирического двойника, «персону», которая при этом является расширенной версией персонажа, снабженной чертами авторской фигуры, поскольку транслируется через автора. Между творческой личностью Боуи и «персоной» возникает напряжение, поскольку Боуи подчеркивает, что его «персоны» влияют на него, «годами не оставляют его в покое» [Jones, 1977]. Как пишет Аннализ Купер, «Что случается, когда играешь роль так хорошо и полно, что порождаешь нечто настоящее?» [Cooper, 2016, p. 191] Сближение с «персоной», автором и затем лирическим героем происходит у слушателя за счет трансформаций лирического «я» — порой неоднозначных смен лирической

перспективы, позволяющих читателю ощутить себя ближе к «персоне», погрузиться в текст через становление адресатами стихотворения, как происходит в песнях «Пять лет», «Звездный человек», «Рок-н-рольное самоубийство» из цикла «Взлет и падение Зигги Стардаста» и «Пауков с Марса» — в каждой Боуи внедряет в текст фигуру адресата, к которой обращается амбивалентный лирический субъект. Эти сдвиги позволяют слушателю постоянно идентифицировать себя то с «персоной», то со скрытой под литературной маской фигурой автора, даже без осознания четкой разницы. Невозможность реальной близости с автором или «персоной», но стремление к ней порождает лирического героя, амальгамацию автора и «персоны» в сознании слушателя.

Творческая деятельность Боуи, длившаяся более пятидесяти лет, делится на несколько периодов, каждый из которых обладает своими художественными особенностями, определявшимися интеллектуальными пристрастиями художника, эпохой, модой. В 1970-х гг. Боуи в высшей степени интересовала искусственность создаваемых им образов, и он придавал ей большое значение.

Искусственная личность в системе Боуи ставится выше личности аутентичной, поскольку она острее реагирует на знаки времени, в большей мере способна к переменам, более самостоятельна и свободна в своем выражении. Зачастую персонаж высказывается свободнее, нежели сам Боуи, в качестве художника занимающий позицию наблюдателя за собственным детищем. Граница и в целом выстроенная дистанция между автором и его героем позволяет автору делать своего персонажа более смелым, резким и самостоятельным в высказывании. Можно предположить, что Боуи, подобно многим другим рок-поэтам, был знаком с идеей имперсональности, сформулированной Т. С. Элиотом в эссе 1919 г. «Tradition and Individual Talent» («Традиция и индивидуальный талант»). [Элиот, 1987] По Элиоту, «путь писателя к совершенству означает каждодневное самопожертвование, утрату индивидуальности» [Элиот, 1987, с. 172]. Поэзия должна «стремиться к имперсональности», отсутствию выраженного авторского «я», которое должно быть отделено от поэзии [Элиот, 1987, с. 172]. «Чем эффективнее художественное сознание автора отделено от его личности, тем целостнее этот автор как художник», — утверждает Элиот. «Холодный разум, — подчеркивает он, — должен управлять его творческим сознанием» [Элиот, 1987, с. 172].

В большой книжной коллекции Боуи с 1970-х гг. значится поэма «Бесплодная земля». Заметим, что «Бесплодная земля» входит в «Сто лучших книг по версии Боуи». Этот список, изданный отдельной книгой после смерти Боуи, свидетельствует о широкой начитанности Боуи и важно-

сти литературных интересов для его творчества. В кросс-интервью, которое состоялось между Дэвидом Боуи и Уильямом С. Берроузом в 1974 г., Берроуз отмечает, что «Стихотворение из восьми строк» («Eight Line Poem») из альбомного цикла «Парень, что надо» («Hunky Dory», 1971) напоминает поэму Элиота «Бесплодная земля», на что Боуи резко отвечает: «Никогда его не читал» (в ответ Берроуз смеется) [Corpetas, 1974]. Стихотворение Боуи было прочитано Берроузом, а не услышано в качестве песни, что, вероятно, еще сильнее подчеркнуло для писателя совпадение стихотворения Боуи с поэзией Элиота. «Стих в восьми строках» описывает опустошенную комнату в богемной части города, выражая ощущение уныния и заброшенности, действительно схожее с «Бесплодной землей». Очевидно, внимание Берроуза привлекла нарочитая загадочность и обрывочность текста, указывающая на наличие глубокого смыслового содержания, заключенного в описании комнаты. Отметить следует также высокие музыкальные качества стихотворения, такие как звукопись и консонанс:

The tactful cacti by your window

В подстрочном переводе: «тактичный кактус у твоего окна». Кактус как образ пустынной опустошенности может переключаться с инфернальной, эсхатологической образностью из поэмы «Полые люди» (Thomas Stearns Eliot. *The Hollow Men*. 1925):

This is the dead land

This is cactus land.

В подстрочном переводе: «Это земля кактусов, / Это мертвая земля». Отсылку к «Полым людям» можно усмотреть в ранней песне «Мы — голодные люди» (David Bowie. «We Are Hungry Men». 1967), апокалиптический сюжет которой посвящен перенаселению и проблеме мирового голода:

We are hungry men

We don't give a damn for what you're saying

We're here to eat you.

В подстрочном переводе: «Мы — голодные люди, / Нам все равно, что ты скажешь, / Мы пришли, чтобы съесть тебя».

Весьма вероятно, что Боуи с его тяготением к «неаутентичности» частично ориентировался в своем творчестве на представление Элиота об имперсональности. Боуи редко полагался на спонтанность в творческом процессе: его поведение на сцене высоко дисциплинировано, альбомы композиционно структурированы. Боуи дистанцируется через «персону» от личного в поэзии, а то личное, что в нее прокрадывается, превращается в материал, но не в самоцель творчества.

Отчасти о том, как поэт конструирует представление об этой творческой личности, можно судить, принимая во внимание интервью с Боуи, где он подчеркивает, что находится в определенной конфронтации со своим порождением, — Боуи как бы борется со своей «персоной», которая стремится, в свою очередь, вытеснить автора. Боуи стремился сохранять свою личность на периферии своего творчества, но драматизировал конфронтации со своими персонажами — сюжет альбомного «От станции к станции» («Station to Station», 1976) можно трактовать как трагическое описание борьбы творческой личности с собственной «маской», которая стремится, в свою очередь, вытеснить автора. «Персона» по имени Тонкий Белый Герцог холодна и цинична, как поет Боуи в заглавной песне цикла:

*The return of the Thin White Duke,
Throwing darts in lover's eyes.*

В подстрочном переводе: «Возвращение Тонкого Белого Герцога, бросающего дротики в глаза любовников». Но далее в той же песне намечается внутренний конфликт между «персоной» и творческой личностью, когда лирический голос, несмотря на холодную «персону» Герцога, элегически выражает томление и желание любви:

*Got to keep searching and searching,
And what will I believe in
And who will connect me with love.*

В подстрочном переводе: «Должен искать и искать / И во что я буду верить, / И кто объединит меня с любовью». Боуи стремился сохранять свою личность на периферии своего творчества подобно тому, как это в 1919 г. предлагал делать Элиот: художник «отказывается от самого себя, каков он в данную минуту» [Элиот, 1987, с. 169], но при этом Боуи делает этот отказ предметом особого драматизма в своей поэзии. Боуи придает своей последней «персоне» характеристики абсолютной безэмоциональности и холодности ума, за счет чего драматизирует отношения между собой как художником и своими «персонами». Важно, что Боуи отказывается от поэтических масок в 1976 г., и Тонкий Белый Герцог может называться его последней полноценной «персоной».

Неаутентичность Боуи и подчеркнутая театральность его поэтического творчества являются бунтом против романтического представления об аутентичности и высшей ценности непосредственного переживания, нередко выражаемого современными Боуи рок-поэтами. Перевоплощаясь в своих героев, Боуи иронизирует над аутентичностью, подчеркивая в интервью «неискренность» и искусственность своего рок-театра, но не принижая его художественной ценности, воплощая таким образом нечто близкое идеалу творца по Элиоту.

Мы рассматриваем «персоны» в творческой системе Боуи как особые художественные конструкты, в которых внешний образ (имидж) замысловато переплетается с юнгианской маской и литературным персонажем. Идеи немецкого психолога Карла Густава Юнга играют существенную роль для понимания принципов функционирования «персоны» в творчестве Боуи. Хотя мы и опираемся на понятие «персона» в юнгианском ключе, для описания «персон» в творчестве Боуи требуется расширить это понятие, переместив его в сферу современного художественного высказывания. «Персона» для Боуи 1970-х гг. является условием творческой свободы, так как освобождает персонажей от лиризма, в чем заметно возможное влияние идей Т. С. Элиота об имперсональности в поэзии.

Библиографический список

Стайн М. Юнговская карта души: введение в аналитическую психологию. М., 2010.

Элиот Т. С. Традиция и индивидуальный талант // Зарубежная эстетика и теория литературы: XIX-XX вв. М., 1987.

Юнг К. Г. Отношения между эго и бессознательным // Собрание сочинений. Психология бессознательного. М., 1994.

Юнг К. Психологические типы. СПб., М., 1995.

Chirazi S. Portrait of the Artist: David Bowie // SOMA. 1999.

Cooper A. David Bowie's Sincerity // David Bowie and Philosophy: Rebel Rebel. Chicago, 2016.

Jones A. Goodbye to Ziggy and All That // Melody Maker. 1977. URL: <http://www.bowiegoldenyears.com/articles/771029-melodymaker.html>

Copetas C. Beat Godfather Meets Glitter Mainman: William Burroughs Interviews David Bowie // Rolling Stone. 1974. URL: <https://www.rollingstone.com/feature/beat-godfather-meets-glitter-mainman-william-burroughs-interviews-david-bowie-92508/>

Stark T. "Crashing Out with Sylvian" David Bowie, Carl Jung and the Unconscious // David Bowie: Critical Perspectives. New York, 2015.

Источники

Bowie D. We Are Hungry Men. 1967. URL: <https://genius.com/David-bowie-we-are-hungry-men-lyrics>

Eliot T. The Hollow Men. 1925. URL: <https://allpoetry.com/the-hollow-men>
Hunky Dory. Музыкальный альбом: Дэвид Боуи. 1971 RCA Records. URL: <https://rateyourmusic.com/release/album/david-bowie/hunky-dory/>

Station to Station. Музыкальный альбом: Дэвид Боуи. 1976. RCA Records. URL: <https://rateyourmusic.com/release/album/david-bowie/station-to-station/>

The Rise and Fall of Ziggy Stardust & the Spiders From Mars. Музыкальный альбом: Дэвид Боуи. 1972. RCA Records. URL: <https://rateyourmusic.com/release/album/david-bowie/the-rise-and-fall-of-ziggy-stardust-and-the-spiders-from-mars/>

References

Stayn M. *Yungovskaya karta dushi: vvedenie v analiticheskuyu psikhologiyu*. [Jungian Map of the Soul: Introduction to Analytical Psychology]. Moscow, 2010.

Eliot T. S. *Traditsiya i individual'nyy talent* [Tradition and Individual Talent]. In: *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury: XIX–XX vv.* [Foreign aesthetics and theory of literature: XIX–XX centuries]. Moscow, 1987.

Jung C. G. *Otnosheniya mezhdu ego i bessoznatel'nyim*. [The Relationship between the Ego and the Unconscious]. In: *Jung C. G. Sobranie sochineniy. Psikhologiya bessoznatel'nogo*. [Jung C. G. Collected Works. Psychology of the unconscious]. Moscow, 1994.

Jung C. G. *Psikhologicheskie tipy*. [Psychological Types]. St. Petersburg, Moscow, 1995.

Chirazi S. *Portrait of the Artist: David Bowie*. In: SOMA, 1999.

Cooper, A. *David Bowie's Sincerity*. In: David Bowie and Philosophy. Rebel, 2016.

Jones, A. *Goodbye to Ziggy and All That*. In: Melody Maker, 1977. URL: <http://www.bowiegoldenyears.com/articles/771029-melodymaker.html>

Copetas C. *Beat Godfather Meets Glitter Mainman: William Burroughs Interviews David Bowie*. In: Rolling Stone, 1974. URL: <https://www.rollingstone.com/feature/beat-godfather-meets-glitter-mainman-william-burroughs-interviews-david-bowie-92508/>

Stark T. “Crashing Out with Sylvian” *David Bowie, Carl Jung and the Unconscious*. In: David Bowie: Critical Perspectives, 2015.

List of sources

Bowie D. *We Are Hungry Men*. 1967. URL: <https://genius.com/David-bowie-we-are-hungry-men-lyrics>

Eliot T. *The Hollow Men*. 1925. URL: <https://allpoetry.com/the-hollow-men>

Hunky Dory. Studio album: David Bowie. 1971. RCA Records. URL: <https://rateyourmusic.com/release/album/david-bowie/hunky-dory/>

Station to Station. Studio album: David Bowie. 1976. RCA Records. URL: <https://rateyourmusic.com/release/album/david-bowie/station-to-station/>

The Rise and Fall of Ziggy Stardust & the Spiders From Mars. Studio album: David Bowie. 1972. RCA Records. URL: <https://rateyourmusic.com/release/album/david-bowie/the-rise-and-fall-of-ziggy-stardust-and-the-spiders-from-mars/>

ИДИОСТИЛЬ АНДРЕЯ КОЛЕСНИКОВА КАК АВТОРА РЕПОРТАЖНОГО ЖАНРА

В. Т. Веред

Ключевые слова: медиалингвистика, репортаж, ирония, идиостиль, прагматика.

Keywords: media linguistics, reportage, irony, idiostyle, pragmatics.

DOI: 10.14258/filichel (2023)3–11

Современная ситуация в российском медиадискурсе характеризуется высоким динамизмом: наблюдается активное освоение новых каналов коммуникации, происходит трансформация жанровых форм, отмечается «уплотнение жанров» (термин Т. В. Шмелевой), меняется *tone of voice* (манера) коммуникации журналиста с аудиторией. Отдельное внимание привлекает лингвистический аспект массовой коммуникации ввиду того, что медиаречь сегодня является, пожалуй, самой востребованной формой бытования языка и основным транслятором мировоззрения и культуры в целом.

В данной статье нам представляется интересным изучить функциональные изменения в жанре репортажа на примере медиатекстов специального корреспондента «Ъ» Андрея Колесникова, которые задают и отражают тенденции развития российского медиадискурса. Материал исследования обусловлен, во-первых, тем, что репортаж является одним из ключевых информационных жанров журналистики. Его называют «королем жанров» и «квинтэссенцией журналистики» [Литвиненко, 2013 с. 6]. Во-вторых, Андрей Колесников — широко известный публике журналист, с 2000 г. входящий в «кремлевский пул» и завоевавший за это время неофициальный титул «летописца Владимира Путина».

Цель настоящей работы — провести лексико-стилистический анализ текстов репортажей Андрея Колесникова и оценить прагматический потенциал именно такого отбора и организации языковых средств. В статье проанализированы публикации журналиста на сайте газеты «КоммерсантЪ» за 2022 и 2023 гг. (Андрей Колесников. Коммерсантъ. 2022; 2023¹).

¹ Здесь и далее приводятся материалы журналиста А. Колесникова с сайта: <https://www.kommersant.ru/authors/3>

Л. Р. Дускаева предлагает рассматривать речевые жанры журналистского дискурса как «устойчивые формы информационно-воздействующей речевой деятельности» [Дускаева, 2014, с. 23]. В предложенной ею классификации выделяются информирующие, оценочные и побудительные жанры. Репортаж традиционно относится к информирующим (информационным) жанрам. В основе коммуникативной ситуации, на которой строится репортаж, лежит актуальное общественно значимое событие. Автор репортажа оказывается свидетелем происходящего и становится глазами и ушами читателей. Таким образом, к основным жанрово-стилистическим признакам репортажа можно отнести оперативность, информативность, достоверность и наглядность. Отметим, что первые три параметра являются универсальной константой новостных медиатекстов. Наглядность выступает специфическим жанрообразующим началом репортажа.

С наглядно-образным изображением события, послужившим новостным поводом, сопряжен эффект присутствия и соучастия: автор репортажа эмоционально погружает читателя в описываемое событие. Журналист не только сообщает факты, но и всецело анализирует событие. Присутствие особого, авторского, отбора и последующей интерпретации фактов действительности дает возможность отнести репортаж к аналитическим жанрам или, по крайней мере, выделить наряду с событийным (новостным) репортажем и аналитическую разновидность данного жанра. Мы соглашались с В. И. Коньковым, который отмечает, что «репортаж развивает в своей структуре образное начало и аналитичность» [Коньков, 2014, с. 35]. Именно в аналитичности заключается точка роста современного репортажа как информационного жанра.

Учитывая, что современные медиа ориентированы на диалог с читателем, необходимо не только описать формально-структурные параметры жанра, но и ответить на вопрос, зачем создается репортаж и какие эмоции автор желает возбудить у массовой аудитории. Медиатекстам свойственна двуединая информационно-воздействующая функция. Однако такое определение слишком широко.

Андрей Колесников выбирает в качестве главной коммуникативной стратегии — комическую, что на первый взгляд противоречит предмету речи (деятельности первого лица государства), ведь смеховая культура, по замечанию М. М. Бахтина, всегда противостоит серьезной по тону культуре церкви и государства и рождает антимир — мир, вывернутый наизнанку [Бахтин, 1990]. Д. С. Лихачев развивает идею о смеховом «раскалывании» мира: «Смех открывает в одном другое, не соответствующее: в высоком — низкое, в духовном — материальное, в торжествен-

ном — будничное, в обнадеживающем — разочаровывающее» [Лихачев, 2001 с. 369–370].

Современная массовая культура как порождение эпохи постмодерна характеризуется сильным игровым началом. В. И. Карасик отмечает «карнавализацию мировосприятия и возрастание игровой составляющей поведения в различных коммуникативных ситуациях» [Карасик, Слышкин, 2021, с. 16]. Действительно, юмор сегодня пронизывает такие сферы человеческого общения, как быт, наука, политика и искусство, и нередко принимает формы балагурства, троллинга или стеба.

В медиадискурсе, наиболее ярко отражающем все социокультурные преобразования, смеховые ресурсы начали активно эксплуатироваться за пределами традиционных сатирических жанров журналистики. Грань между официальным и неофициальным, личным и общественным, смешным и серьезным растушевывается, что выражается системным снижением речевого регистра и, как следствие, сокращением дистанции между коммуникантами.

Иронию как разновидность комического признают важнейшей интенциональной характеристикой идиостиля Андрея Колесникова, что объясняется двумя причинами и отражает тенденции развития современных медиа. С одной стороны, активизация юмора в медиакommunikации, в том числе политической, связана с установкой медиа на гедонизацию: развлекательный характер подачи материала ориентирован на более широкую аудиторию и способен повысить рейтинг издания. С другой стороны, формы комического позволяют развенчивать пороки общества и мироустройства, а также «ориентируют аудиторию на активное переосмысление политических реалий, на отказ от политического конформизма» [Горностаева, 2018, с. 111].

В политическом репортаже Андрея Колесникова иронический эффект формируется не точно, а в пространстве целого текста. Лексико-стилистический анализ репортажа целесообразно начать с заголовка, поскольку именно заголовок в сжатой форме передает основное содержание материала, вовлекает читателя в дискуссию, а также «настраивает аудиторию на определенную эмоциональную тональность» [Богданова, 2006, с. 106]. Заголовок служит семантическим и стилистическим обрамлением картины, живописуемой автором репортажа. Немаловажную структурную нагрузку несет и подзаголовок, основная функция которого — «развить» мысль, вынесенную в заголовок, и обеспечить читателей дополнительной информацией по теме материала.

При озаглаивании репортажей Андрей Колесников часто обращается к **прецедентным текстам, пословицам, фразеологизмам** и транс-

формирует их с целью создания семантической двуплановости, которая, в свою очередь, порождает множественность интерпретаций и оставляет читателям «ироническую свободу поиска смысла» [Иссерс, 2012, с. 30].

Обратимся к эмпирическому материалу:

1. *Выше знамя российского цирка. Владимир Путин встретился с членами правительства* (Коммерсант. 25.07.2022). В репортаже вскользь упоминается о необходимости поддержки цирковой отрасли.

2. *От войны войны не ищут. Как Владимир Путин объяснил, что он еще даже не начинал* (Коммерсант. 8.07.2022). В заголовке дается субъективная оценка высказыванию президента о текущем конфликте в Донбассе.

3. *Александр Лукашенко просит сделать ход ядром. Владимир Путин поспешил удовлетворить просьбу в Константиновском дворце* (Коммерсант. 26.06.2022). Репортаж посвящен вопросу модернизации белорусских самолетов для размещения на них ядерных боеголовок.

4. *О, сколько нам открытий чудных!.. Владимир Путин увидел президента РАН с новой стороны* (Коммерсант. 28.03.2022). В материале повествуется о достижениях российской науки.

Журналист, предлагая аудитории подобные заголовки, как бы вступает с ней в интеллектуальную игру. Читатель должен расшифровать «ребус»: восстановить исходный облик прецедентного текста, соотнести его с первичным культурно-историческим фоном и только потом «синтезировать» семантику заголовка. Однако дешифровка не должна оказаться чрезвычайно сложной, иначе эмотивно-прагматическая установка адресанта не дойдет до адресата, адепта массовой культуры. Роль подзаголовка обычно сводится к оформлению шутки, или, на языке игроков КВН, — к «добивке» (т. е. остроумному окончанию шутки).

Заголовки балансируют на грани иронии и стеба, ценностного снижения и безудержного высмеивания всего и вся (см. пример с аллюзией на стихотворение А. С. Пушкина «О сколько нам открытий...»).

Вторым по частотности приемом озаглавливания является **столкновение в пределах одного контекста лексико-семантических вариантов многозначного слова или слов-омонимов**. Заглавие, построенное на каламбуре, по своей природе оказывается двусмысленным.

Например, заголовок *Владимир Путин раскрутил турбину ГЭС-2* (Коммерсант. 20.07.2022) на первый взгляд констатирует факт запуска президентом гидроэлектростанции. Однако, погрузившись в материал, читатель понимает, что в репортаже идет речь о недавно открывшемся Доме культуры «ГЭС-2», принимавшем форум, который и посетил В. Путин. Таким образом, заголовок обладает псевдономинативно-

стью и намеренно вводит в заблуждение читателя. Глагол *раскрутил* также подвергается семантическому переосмыслению и приобретает значение «сделал популярным».

Приведем еще один пример каламбурного заголовка: *Марат Хуснуллин расстроил Россию*. Далее следует подзаголовок: *С ним она станет еще больше и краше* (Коммерсант. 29.07.2022). Тождество формы глаголов *расстроить* 'огорчить' и *расстроит* 'активно застраивать' порождает двусмысленность высказывания. Семантическая неоднозначность и ироничность высказывания актуализируется именно подзаголовком.

Традиционные требования к заголовочному комплексу — быть ясным и не противоречить содержанию материала — игнорируются. Помимо этого, в информационных жанрах заголовки не должны быть комментарийным (оценочным), иначе «у читателей может сложиться впечатление, что им навязывают чье-то мнение» [Колесниченко, 2008, с. 98]. Однако и здесь наблюдается целенаправленный выход за общепринятые жанровые рамки. Исследователи отмечают, что созданный с помощью языковой игры заголовок «не реализует важнейшую функцию — информационную; на первый план выходит коммуникативная, экспрессивная и рекламная функция» [Выровцева, Щеглова, 2021, с. 34].

Коммуникативная тактика журналиста, избирающего неконвенциональные заголовки, заключается в установлении эмоционального и интеллектуального контакта с массовым читателем, что в дальнейшем позволит эффективнее управлять настроением аудитории. Перлокутивная сила иронического заголовка политического репортажа выражается в возбуждении интереса адресата к предлагаемому материалу и настраиванию последнего на «смеховую» подачу материала.

Репортер выдерживает в нарочито иронической тональности не только заголовочный комплекс, но и весь текст, создавая репортаж-перевертыш, напоминающий фельетон. Отбор языковых средств и приемов направлен на **стилистическое снижение и карнавализацию**. Работая в заранее очерченных координатах смеховой реальности, журналист используется разговорную лексику даже в тех случаях, когда ее можно без труда заместить нейтральным устоявшимся эквивалентом:

1. *Как и парой дней раньше, на встрече с молодыми предпринимателями, Владимир Путин теперь почти сразу вспомнил про Петра* (Коммерсант. 12.06.2022).

2. *«Остров фортов» — своего рода аналог парка подмосковного «Патриот», но посвященный не сухопутным войскам, а флоту, к тому же с питерским акцентом* (Коммерсант. 31.07.2022).

Андрей Колесников активно занимается словотворчеством и создает емкие **оказионализмы**, описывающие российские политические реалии: *импортозаблуждение* (Коммерсант. 26.05.2022), *верховные главнотоплаживающие* (Коммерсант. 22.06.2023), а также экспериментирует с заимствованными неологизмами, характерными для молодежной речи, играет их семантическими гранями:

Ответ на вопрос по повестке дня на таких пресс-конференциях на-двигается на тебя неотвратно, как Касым-Жомарт Токаев, с лицом мрачнее тучи (а глаза-то блистают гневом, как молнии — пламенем), на Александра Лукашенко, когда ему слышится, что президент Белоруссии смеивается над ним (троллит его, другими словами) (Коммерсант. 14.10.2022). Последний пример представляет собой стилистически пестрый текст, в котором в пределах одного высказывания используется как стилистически сниженная (*троллит*), так и стилистически возвышенная лексика (*неотвратно*, *блистать гневом*). Помимо этого, в анализируемом отрывке присутствуют нейтральная лексика и единицы, характерные для собственно газетно-публицистического стиля (*повестка дня*, *пресс-конференция*). Подобное контрастное соположение лексических единиц, относящихся к разным пластам лексики с точки зрения их функциональной и эмоционально-экспрессивной окраски, создает эффект комического и придает описываемой ситуации абсурдности.

Одним из ярких стилистических приемов создания комического является **нарушение лексической сочетаемости**, как, например, в следующем высказывании:

Событие обречено было стать историческим (Коммерсант. 27.06.2023). Речь идет о выступлении В. Путина перед военными с крыльца Грановитой палаты, которых президент благодарил за пресечение попытки вооруженного мятежа. Глагол *обречь* обладает пейоративной окраской и подразумевает некую насильственную и тяжелую участь для «обрекаемого», однако в широком контексте утверждается положительная развязка проблемной ситуации. Подобный иронический комментарий репортера подчеркивает излишнюю, возможно, помпезность мероприятия и обнажает юмористическую сущность внешне серьезно го события.

Для реализации стратегии иронического повествования автор иногда обращается к прямому пародированию участников общественно значимого события. Так, для косвенной речевой характеристики А. Лукашенко журналист вплетает в ткань репортажа фонетически записанное слово: *Похоже, белорусский президент стал внушать ему какую-то ра-*

доть своим появлением, какое-то **ощущение**, что он, Владимир Путин, не один на войне с этим безумным, безумным миром (Коммерсант. 23.05.2022).

Еще одним излюбленным авторским приемом является **фиксация оговорки в речи** президента и иных действующих лиц: *Поэтому, — констатировал президент России, — я предлагаю следующее. На вооружении украинской... (он просто оговорился. — А. К.) белорусской армии находится достаточно большая группировка самолетов Су-25* (Коммерсант. 26.06.2022). На наш взгляд, подобная тактика цитирования позволяет А. Колесникову конструировать двоemiрие, где официальному противопоставляется смеховое, а сознательному — бессознательное.

Коллоквиализация, характерная для современных медиатекстов, а также языковые приемы стилистического контраста, лексической несочетаемости и пародирования в работах Андрея Колесникова приобретают особый прагматический потенциал: **преодоление эмоциональной отчужденности народа и власти, народа и журналиста, освещающего вопросы государственной важности**. Стилистическое снижение и непринужденная, «свойская» манера повествования становятся сверхзадачей репортера и помогают ему выстраивать репортаж в иронической рамке.

Другой отличительной чертой медиатекстов Андрея Колесникова является **наличие сильного субъективного начала**. А.А. Тертычный отмечает, что не только жанр репортажа, но и журналистика в целом остается «субъективным сплавом факта, оценки, предположения» [Тертычный, 2018, с. 119]. Однако в работах Андрея Колесникова авторское начало гипертрофировано, личность журналиста не затеняется значимостью события государственной важности, а наоборот, всегда выходит на первый план. Предлагая свою интерпретацию увиденного и услышанного, автор заставляет читателя соразмышлять и сопереживать происходящему. Пристрастная авторская оценка становится стилеобразующим фактором текста, а ирония — орудием субъективной оценки и осмысления действительности.

Субъективная модальность реализуется как на лексическом (вводные слова и частицы), так и на синтаксическом уровне (риторические вопросы):

1. **Может**, и честно это было, да только, **конечно**, неверно (Коммерсант. 3.08.2022).

2. Владимир Путин рассуждал уже про ИТ-технологии, которые изменят мир (хотя после посещения выставки, посвященной Петру Первому, Владимир Путин же сказал, что за три столетия ничего не изме-

нилось — *так с чего бы миру меняться сейчас? Айтишники что, более великие, чем Петр?*) (Коммерсант. 10.06.2022).

Репортаж, изначально требующий объективизации действительности, превращается в **репортаж-эссе**, в котором субъективный взгляд довлеет над объективной реальностью. Лингвисты сегодня отмечают экспансию жанровых особенностей эссе в традиционные публицистические формы: «Доминирующим становится интерес к явлениям и проблемам, близким читателю просто по его человеческой сущности» [Магай, 2013, с. 91]. Эссеизация есть свобода авторской рефлексии, эксплицитная эмоциональная (а не рациональная) оценка жизненной ситуации: *Мысли о том, что вице-премьеры российского правительства вскопе будут передвигаться по улицам Москвы на б/у авто Е-класса, вызывает чувство законного, хоть и поверхностного, удовлетворения* (Коммерсант. 19.07.2022). Подобные комментарии-отступления пронизывают всю структуру репортажа.

Эссеизация, проявляющаяся в усилении авторского начала в тексте, создает личностный характер коммуникации. Журналист и читатель превращаются в собеседников, которые вместе анализируют и постигают не только события государственной важности, но и саму человеческую жизнь, такую многогранную и противоречивую. При этом Андрею Колесникову свойственна позиция наблюдателя, не претендующего на изложение абсолютной истины. Журналист делится личным мнением, лишённым политического пафоса и партийной ангажированности, поэтому из его уст слышится ироническая, а порой и саркастическая критика в адрес президента: *Только что на встрече с «Лидерами России», которая была перед этим мероприятием, Владимир Путин казался великодушным по отношению к «пятой колонне», и вот опять. Видимо, про-сто над текстами работали разные люди* (Коммерсант. 8.07.2022).

Отметим, что подобная критика не носит идеологического характера, поскольку игровая форма репортажа конструирует новую, параллельную, реальность, свободную от условностей, в которой президент спускается с политического пьедестала и превращается в обычного человека со свойственными ему недостатками и слабостями. По наблюдениям А. Н. Тепляшиной, благодаря комическому снижению А. Колесников пишет «не про политиков, а про обычных людей, на короткое время наделенных властью» [Тепляшина, 2007, с. 136]. Данная коммуникативная тактика репортажа позволяет журналисту сократить существующую вертикаль власти и снизить социальное напряжение путем обличения недостатков сильных мира сего.

Обобщая наши рассуждения о жанровой и стилистической эволюции политического репортажа, заметим, что в современном медиадискурсе обнаруживается тенденция к «гибридизации» жанров. Репортаж Андрея Колесникова не просто приобретает аналитические черты, но и превращается в **полифункциональный жанр**, в котором наблюдается конвергенция таких художественно-публицистических жанров, как фельетон и эссе.

В основе коммуникативной стратегии репортера лежит **ирония**, которая формирует индивидуально-авторский стиль журналиста, заключающийся в специфическом отборе и организации языковых средств: высокая тема облачается в низкую форму. К наиболее частотным речевым приемам создания комической рамки повествования относятся: **трансформация прецедентных текстов, обыгрывание полисемии и омонимии лексических единиц, каламбур, окказионализмы, стилистическая контаминация, лексическая несочетаемость, пародирование**. Жанровая доминанта медиатекста смещается в сторону эмоционального диалога с читателем, которого привлекает не столько описываемое событие, сколько оценка фактов профессиональным журналистом, его ироническое препарирование действительности. Обилие вводных слов и конструкций, риторических вопросов и иронических авторских комментариев-отступлений формирует личностный характер коммуникации с читателем и утверждает принцип диалогичности.

Игровой характер репортажа позволяет критически описывать и оценивать события, составляющие информационный повод. Избранная коммуникативная стратегия обеспечивает формирование объемной и подчас противоречивой картины политической действительности, а также повышает вовлеченность читателя в современные политические процессы. При этом Андрей Колесников всегда оставляет аудитории право на интерпретацию и собственные выводы.

Библиографический список

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Богданова О. Ю. Лингвостилистический анализ заголовка как элемента англоязычного текста // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 1.

Выровцева Е. В., Щеглова Е. А. Языковая игра как средство комического в современном медиадискурсе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 1.

Горностаева А. А. Иронические метафоры в политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. № 1.

Дускаева Л. Р. Типология речевых жанров журналистского дискурса // Медиалингвистика. 2014. Вып. 3.

Иссерс О. С. «Кремлевский репортаж»: старый жанр в новой рамке // Политическая лингвистика. 2012. № 3.

Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1.

Колесниченко А. В. Прикладная журналистика. М., 2008.

Коньков В. И. Принципы классификации газетных жанров: острова стабильности // Медиалингвистика. 2014. Вып. 3.

Литвиненко А. А. Репортаж: искусство повествования. СПб., 2013.

Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб., 2001.

Магай И. П. Эссеистика против публицистики: новая тенденция российской прессы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2013. № 6.

Тепляшина А. Н. Сатирический мир публицистического произведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2007. № 1-1.

Тертычный А. А. Объективность информации в СМИ: достижима ли она? // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2018. № 1.

Источник

Андрей Колесников. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/authors/3>

References

Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa*. [The Work of François Rabelais and Popular Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, 1990.

Bogdanova O. Yu. *Lingvostilisticheskii analiz zagolovka kak elementa angloyazychnogo teksta*. [Linguo-stilistic Analysis of the Title as an Element of English Text]. In: *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl pedagogical bulletin]. 2006. No. 1.

Duskaeva L. R. *Tipologiya rechevykh zhanrov zhurnalistitskogo diskursa*. [The Typology of Journalistic Speech Genres]. In: *Medialingvistika*. [Media linguistics Journal]. 2014. Iss. 3.

Gornostaeva A. A. *Ironicheskie metafory v politicheskom diskurse*. [Ironic Metaphors in Political Discourse]. In: *Vestnik Vestnik Rossiyskogo universiteta*

Druzhyby Narodov. [Bulletin of the Peoples» Friendship University of Russia]. 2018. No. 1.

Issers O.S. “*Kremlevskiy reportazh*”: *staryy zhanr v novoy ramke*. [“Kremlin Reportage”: Old Genre in New Frame]. In: *Politicheskaya lingvistika*. [Political Linguistics]. 2012. No. 3.

Karasik V. I., Slyshkin G. G. *Tendentsii razvitiya sovremennogo diskursa*. [Modern Discourse Developmental Trends]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]. 2021. No. 1.

Kolesnichenko A. V. *Prikladnaya zhurnalistika*. [Practical Journalism]. Moscow, 2008.

Kon'kov V. I. *Printsipy klassifikatsii gazetnykh zhanrov: ostrova stabil'nosti*. [Principles of Newspaper Genres Classification: The Islands of Stability]. In: *Medialingvistika* [Media linguistics Journal]. 2014. Iss 3.

Likhachev D. S. *Istoricheskaya poetika russkoy literatury. Smekh kak mirovozzrenie*. [Historical Poetics of the Russian Language. Laughter as a Mindset]. St. Petersburg, 2001.

Litvinenko A. A. *Reportazh: iskusstvo povestvovaniya*. [Reportage: The Art of Storytelling]. St. Petersburg, 2013.

Magay I. P. *Esseistika protiv publitsistiki: novaya tendentsiya rossiyskoy pressy*. [Essayism vs Journalism: a New Tendency in the Russian Media]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta*. [Moscow University Journalism Bulletin]. 2013. No. 6.

Teplyashina A. N. *Satiricheskiy mir publitsisticheskogo proizvedeniya*. [Satire in Journalism]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. [Vestnik of Saint Petersburg University]. 2007. Iss. 1. Pt 1.

Tertychnyy A. A. *Ob'ektivnost' informatsii v SMI: dostizhima li ona?* [Objective Information in Media: Is it Reachable?]. In: *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaviya*. [Issues of Journalism, Education, Linguistics]. 2018. No. 1.

Vyrovitseva E. V., Shcheglova E. A. *Yazykovaya igra kak sredstvo komicheskogo v sovremennom mediadiskurse*. [Language Game as a Comic Means in Modern Media Discourse]. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2021. No. 1

A source

Andrei Kolesnikov. *Kommersant*. [Kommersant]. URL: <https://www.kommersant.ru/authors/3>

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЫРАЖАЕМЫЕ ДЕЕПРИЧАСТНЫМИ ФОРМАМИ, В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Л. Г. Хабибуллина

Ключевые слова: татарский язык, семантика, деепричастие, деепричастная форма.

Keywords: tatar language, semantics, adverbial participle, adverbial form.

DOI: 10.14258/filichel (2023)3–12

В «Татарской грамматике» деепричастию дается следующее определение: «Деепричастие — это особая форма глагола, выражающая действие в его отношении к другому действию» [Татарская грамматика, 1993, с. 224]. При помощи деепричастных форм выражаются различные смысловые отношения. В данной статье рассмотрим семантико-синтаксические отношения, передаваемые деепричастными формами на *-ып/-еп*, *-п* и *-гач/-гәч*, *-кач/-кәч*.

Форма деепричастия на *-ып/-еп*, *-п* является самой многозначной. Основная ее семантика заключается в выражении таксисного значения **предшествования или одновременности действий**. Например: *Соңыннан минем абый ниндидер ике еллык курслар бетереп, юрист булып китте* (Ә. Еники. Вөждан); 'Потом мой брат окончил какие-то двухлетние курсы и стал юристом' (в этом примере выражается предшествование);... *Тын, якты авыл өстенә карап, булачак очрашу турында уйланып барам* (Ә. Еники. Вөждан). 'Смотря на тихую, светлую деревню, размышляю о предстоящей встрече' (выражается одновременность). Вообще, в лингвистических трудах деепричастие определяется как форма зависимого таксиса [Типология таксисных конструкций, 2009, с. 15]. Формой на *-ып/-еп*, *-п* передается **значение способа или образа действия**. Например: *Йокы кутән качкан, тән жиңеләеп киткән, аяклар үзләреннән-үзләре ашыгып, рәхәтләнеп атлыйлар* (Ә. Еники. Вөждан); 'Спать уже не хочется, тело словно стало легче, ноги спешат сами по себе, шагают с удовольствием'; *Юл буенча үземне тиргәп кайттым* (Ә. Еники. Вөждан). 'Всю дорогу ругал себя'. Повторение одного и того же деепричастия на *-ып/-еп*, *-п* выражает **семантику интенсивности, длительности и повторяемости процесса**. Например:...*Хафазамны кыстап-кыстап сыйларга тотындым* (Ә. Еники. Вөждан). 'Я принялся, уговаривая, угощать Хафазу'.

Деепричастная форма на *-ып/-еп, -п* может также передавать **каузальную семантику, значение цели, уступительность**.

В ходе исследования было установлено, что при причинно-следственных отношениях деепричастиями указывается на **психоэмоциональное, физиологическое состояние лица, совершившего действие**. Как правило, подобные конструкции указывают на **причины, породившие неосознанные или неконтролируемые следствия**. Например: *Килмагэн болыттан куркып, чатыр кормыйлар* (Мэкаль). «Не строят шатер, боясь неведомой тучи» (Пословица); *Тапмаган малга ышанып, кулдагын бетеру ахмаклык* (Мэкаль). «Глупо терять то, что в руках, надеясь на то, чего еще не наше!» И. Г. Чередниченко называет подобные конструкции предложениями эмоционального обоснования [Чередниченко, 1948, с. 117]. Однако мы придерживаемся мнения Н. А. Андрамоновой, которая утверждает, что «в них содержится не эмоциональное обоснование, а обоснование эмоционального состояния» [Андрамонова, 1977, с. 90]. В каузально-темпоральных конструкциях может выражаться **одновременность** действий. Например: *Битарафлыкны куреп борчылам*. «Переживаю, видя безразличие».

Когда деепричастием выражается значение цели, передается семантика совершения действия осознанно, с определенной целью. Например: *Ул, дарес хэзерлергэ жыенып, остал артына утырды*. «Он сел за стол, собираясь готовить уроки». В этом примере указывается на конкретное намерение субъекта действия: сел за стол с определенной целью. Кроме того, в предложении есть слово «собираясь», важную роль при выражении семантики цели играет лексическое значение зависимой предикации. Таким образом, смысловое отношение между двумя событиями выражается не только деепричастием, но именно деепричастием глагола «собирается». Как отмечает А. Р. Губанов, «желание, являясь мотивом всех произвольных невынужденных деятельности субъекта, находится в центре системы атрибутов человеческой психики, концепт „желание“ выступает в качестве семантического множителя... как возможность» [Губанов, 2016, с. 62].

Деепричастная форма на *-ып/-еп, -п* может употребляться и в **уступительных** конструкциях. Например: *Кырык ел кету кетеп, чыбыркы шартлата белмэгэн* (Мэкаль). «Хотя сорок лет был пастухом, щелкать кнутом не научился» (Пословица); *Ишэк юргалап бэйге алмас* (Мэкаль). «Осел не выиграет соревнование, даже если будет бежать» (Пословица); *Яңгырдан качып, дарьяга төшкэн* (Мэкаль). «От дождя спасся, упал в море». Уступительная семантика в подобных конструкциях может подкрепляться частицей *та/тэ, да/дэ*. Например: *Хэер, аның начар укып та,*

шәп сөйләуче булуына артык исем китмәде (Ә. Еники. Вөждан). 'Впрочем, я не особо удивился тому, что он плохо учился, но был отличным рассказчиком'.

Деепричастная форма на *-ып/-еп, -п* употребляется и в **отрицательной форме** на *-мыйча/-мичә* (сокращенно *-мый/-ми*). Например: *Идел кичмичә, аягыңны киптермә* (Мәкаль). 'Не просушивай ногу, пока не перешел Волгу' (Пословица); *Кич булмыйча, бугенге көнне мактама* (Мәкаль). 'Не хвали сегодня, пока не наступит вечер' (Пословица). В этих примерах выражается темпоральность. В подобных конструкциях может передаваться и кондициональное значение с темпоральным оттенком. Например: *Аю курмичә, айга сикермиләр* (Мәкаль). 'Не увидев медведя, на луну не прыгают' (Пословица); *Кыйналмый, берәү дә сый алмый* (Мәкаль). 'Если нет страданий, нет и награды' (Пословица); *Гөнаһ кылмый тәүбә итмисең* (Мәкаль). 'Если (пока) не совершишь грех, не покаешься' (Пословица).

Как видим, нельзя не согласиться с мнением, что «деепричастие на *-(X)п* является **контекстуальным**, поскольку в зависимости от ряда факторов: конструктивных (использование его в определенных типах конструкций), лексических (соотношение значений глаголов в деепричастной и финитной формах), контекстуальных, экстралингвистических (наш жизненный опыт, понимание ситуации в целом) — может иметь либо только таксисное значение, либо также дополнительно одно из обстоятельственных. В последнем случае таксисное значение перестает быть основным значением и становится фоновым» [Типология таксисных конструкций, 2009, с. 768].

В татарском языке деепричастная форма на *-гач/-гәч, -кач/-кәч*, как правило, выражает **временные отношения**. Например: *Суның кадере чиймә корыгач беленә* (Мәкаль). 'Ценность воды становится очевидной после высыхания родника'; *Ат урлангач, абзар ныгытмыйлар* (Мәкаль). 'После похищения лошади конюшно не укрепляют'. «Спаянное предложение со сказуемым на *-гач* в положительном аспекте выражает действие, которое заканчивается до начала действия главного предложения» [Закиев, 1995, с. 441]. По определению А. А. Юлдашева, в подобных случаях выражается действие, предшествующее другому действию и представляющее «ограничительное условие во времени» [Татарская грамматика, 1993, с. 229]. Деепричастия на *-гач/-гәч, -кач/-кәч* выражают предшествующее действие, обозначают следование действий друг за другом. Например: *...Дәрес беткәч, артык бер минут та тормыйча, китеп тә бара* (Ә. Еники. Гөләндәм туташ хатирәсе). 'После окончания урока, не задерживаясь больше ни на минуту, уходит'; *Арба ватылгач,*

юл курсэтуче күп булыр (Мэкаль). ‘Когда тележка сломается, будет много проводников’; *Теш чыккач, бала еламый* (Мэкаль). ‘После прорезывания зубов ребенок не плачет’.

Деепричастиями выражается неопределенное следование, временной интервал между процессами не дифференцируется, определяется по контексту или по наличию лексико-грамматических конкретизаторов. Например, сочетание усилительных частиц *ук/үк* ‘же’, *да/дэ, та/тэ* ‘и, также, тоже’ с деепричастием на *-гач/-гэч, -кач/-кэч* усиливает значение быстроты, внезапности, моментальности действия, выражает семантику быстрого следования: *Кинодан чыккач та, мин туры Вафага киттем* (Ә. Еники. Вөждан); ‘Как только я вышел из кино, сразу отправился к Вафе’; *Эштэн кайткач та, һичнигэ карамыйча, иң элек юныны, өстен алыштыру — бу аның көндәлек кагыйдәсе* (Ә. Еники. Вөждан). ‘Как только он возвращается с работы, первое, что ему нужно сделать, это помыться и переодеться, не глядя ни на что, — это его ежедневное правило’. Деепричастиями, как правило, выражаются предшествующие действия, реже могут обозначаться одновременные действия. Например: *Аның янында эшли башлагач, мин башта бик аптырый идем...* (Ә. Еники. Вөждан). ‘Когда я начал работать рядом с ним, я сначала очень удивлялся...’

Деепричастная форма на *-гач/-гэч, -кач/-кэч* может указывать и на **каузальную связь**. Деепричастиями выражается причинная часть, которая содержится в дополнительном действии. В большинстве примеров они образуют деепричастные обороты, которые осложняют простое предложение, выполняют синтаксическую функцию обособленного обстоятельства. Например: *Мин үзем, гомер буе ялгыз яшәгән кеше булгач, аш-суга тәмам өйрәндем диярлек* (Ә. Еники. Вөждан). ‘Будучи человеком, который прожил всю свою жизнь в одиночестве, я почти полностью научился готовить’. Главное действие в этом примере — *өйрәндем* (‘научился’) выражено глаголом-сказуемым. Дополнительное (добавочное) действие, предшествующее основному и содержащее в себе его причину — *ялгыз яшәгән кеше булгач* (‘будучи человеком, который прожил в одиночестве’), выражено деепричастием.

Сложность в разграничении временных и причинно-следственных отношений связана и с тем, что форма деепричастия на *-гач/-гэч, -кач/-кэч*, которая, как правило, является показателем темпоральности, может употребляться и в каузальных конструкциях. Следует отметить, что этой формой всегда выражается причинность при наличии в составе деепричастия аффикса отрицания: *Буш вакытың булмагач, ял итәргә өлгермисең*. ‘Поскольку нет свободного времени, не успеваешь отдохнуть’; *Ләкин озак еллар күрешимагач, мондый дуслык та экренләп суй-*

на, сунэ бара, эмма бөтенлай ук онытылмый... (Ә. Еники. Вөждан). 'Но, поскольку не виделись много лет, и такая дружба постепенно остывает, угасает, но не забывается совсем.' Тем не менее причинно-следственные отношения могут выражаться и при утвердительной форме деепричастия. Например: *Ял көне булгач, иртэ торасы юк*. 'Не надо рано вставать, так как сегодня выходной'; ...*Кул куйдыргач, берәу дә китмәгән* (Ә. Еники. Вөждан). 'Так как собрали подписи, никто не ушел'; *Үзең койты булгач, көзгене хурлама* (Мәкаль). 'Не обижайся на зеркало, оттого что сам некрасивый'.

В конструкциях с деепричастными формами на *-гач* может содержаться **синкретичное каузально-темпоральное значение**. Например: *Читлеккә элэккәч, ерткыч та юашилана* (Мәкаль). 'Попав в клетку, и хищник смиряется' (Пословица). Значение предложения можно объяснить так: 'Хищник попадает в клетку, поэтому смиряется' или 'После того, как попадает в клетку, хищник смиряется'. *Кешенең, акылы камилләнгәч, сүзе азая* (Мәкаль). 'У человека с усовершенствованием ума становится меньше слов', т. е. становится меньше слов после того, как (или потому что) усовершенствовался ум. Такой способ репрезентации каузально-темпорального синкретизма в татарском языке является довольно частотным. Например: *Эшләр болай булып киткәч, минем Казанда һич каласым килми башлады* (Ә. Еники. Вөждан). 'Когда (поскольку) дела пошли так, мне не хотелось оставаться в Казани'; *Бала-чага арткач, сәке тактасы тарая* (Мәкаль). 'Когда (поскольку) детей становится больше, нары сужаются' (Пословица); *Тавис, тәпие ямьсезлеген кургач, койрыгы белән каплаган* (Мәкаль). 'Павлин, увидев свою некрасивую лапу, накрыл ее хвостом' (Пословица); *Мамыгын бушаткач, юрганым бар дип хыяланма* (Мәкаль). 'Не мечтай, что у тебя есть одеяло, когда там уже нет пуха'. Переход семантики времени в значение причины в деепричастиях на *-гач* отмечает и академик М. З. Закиев [Татар грамматикасы, 2017, с. 364].

Как утверждает А. Р. Губанов, синкретизм каузальных конструкций подтверждает гибкость этих структур, проявляющуюся в их способности совмещать различные значения [Губанов, 2016, с. 11–12], а «способность деепричастия передавать осложняющие его семантику причинно-следственные отношения, отражает гносеологический процесс вычленения следственных отношений из отношений временной последовательности» [Губанов, 2016, с. 28]. Во временном плане следствие всегда происходит после причины или же одновременно с причиной [Философский словарь, 2003, с. 463]. Таким образом, каузальность тесно связана с темпоральностью. Но следует учитывать, что причинно-след-

ственные отношения — это внутренняя зависимость компонентов, тогда как временные — внешняя.

Деепричастие на *-гач*, как правило, выражающее временную семантику, может передавать и **условное значение**. Например: *Гәлен яраткач, тикәнен дә ярат* (Мәкаль). '(Если) Любишь цветы, люби и чертополох' (Пословица); *Белмәгәч — язмагыз* (Т. Миңнуллин. Моңлы бер жыр). '(Если) Не знаете — не пишите'; *Боткасын пешергәч, маен жәлләмә* (Мәкаль). 'Раз сварил кашу, не жалей масла' (Пословица). В подобных конструкциях, как правило, выражается синкретичная кондиционально-темпоральная семантика. Например: *Жиле булгач, бураны булыр* (Мәкаль). 'Будет ветер, будет метель. (Если (когда) будет ветер, будет метель)'; *Чын күңелдән елагач, сукуыр күздән яшь чыгар* (Мәкаль). 'Если (когда) искренне плачешь, из слепых глаз текут слезы' (Пословица); *Угын аткач, жәясен яшермә* (Мәкаль). 'Не прячь лук после стрельбы из лука' или же 'Не прячь лук, если выстрелил из лука' (Пословица).

Подведем некоторые итоги.

Результаты проведенного исследования показывают, что деепричастные формы на *-ыт/-еп*, *-п* и *-гач/-гәч*, *-кач/-кәч* в зависимости от контекста могут передавать разнообразные отношения. Являясь основным квалификатором темпоральности, они активно употребляются для выражения каузальных, кондициональных, уступительных и др. отношений, иногда образуют синкретичную каузально-темпоральную, кондиционально-темпоральную семантику. Все это позволяет утверждать, что многие смысловые отношения в татарском языке различаются не по грамматическому оформлению, а по семантическому содержанию.

Библиографический список

Андрамонова Н. А. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. Казань, 1977.

Губанов А. Р., Рец Н. И. Каузальность в ментальной организации национальной картины мира (на материале русского и чувашского языков). Чебоксары, 2016.

Закиев М. З. Татарская грамматика. Т. III: Синтаксис. Казань, 1995.

Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань, 1993.

Типология и грамматика. М., 1990.

Типология таксисных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. М., 2009.

Типология условных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 1998.

Философский словарь / общ. ред. В. А. Малинина. М., 2003

Чередниченко И. Г. Особые случаи придаточности в современном русском языке // Ученые записки Львовского государственного университета им. И. Франко. Вопросы славянского языкознания. Кн. 1. Львов, 1948.

Татар грамматикасы: өч томда / проект жит. һәм автор М. З. Зәкиев. Т. III. Казань, 2017

References

Andramonova N. A. *Slozhnye predlozheniya, vyrazhayushchie obstoitel'stvennyye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke*. [Complex sentences expressing circumstantial relations in modern Russian]. Kazan, 1977.

Gubanov A. R., Rets N. I. *Kauzal'nost' v mental'noy organizatsii natsional'noy kartiny mira (na materiale russkogo i chuvashskogo yazykov)*. [Causality in the mental organization of the national picture of the world (based on the material of Russian and Chuvash languages)]. Cheboksary, 2016.

Zakiev M. Z. *Tatarskaya grammatika*. [Tatar Grammar]. Vol. III: Sintaksis. Kazan, 1995.

Tatarskaya grammatika. [Tatar Grammar]. Vol. II. Morphology. Kazan, 1993.

Tipologiya i grammatika. [Typology and grammar]. Moscow, 1990.

Tipologiya taksisnykh konstruksiy. [Typology of taxis structures]. Moscow, 2009.

Tipologiya usloynykh konstruksiy. [Typology of conditional constructions]. St. Petersburg, 1998.

Filosofskiy slovar'. [Philosophical Dictionary]. Moscow, 2003.

Cherednichenko I. G. *Osobyie sluchai pridatochnosti v sovremennom russkom yazyke*. [Special cases of adjunct in modern Russian]. In: *Uchenye zapiski Lvovskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Franko. Voprosy slavyanskogo yazykoznaneya*. [Scientific notes of Lviv State University named after I. Franco. Questions of Slavic linguistics]. Book 1. 1948.

Tatarskaya grammatika. [Tatar Grammar]. In 3 vols. Vol. III. Kazan, 2017.

ЛЮДИ. ФАКТЫ. СОБЫТИЯ

СЕТЕВОЙ ТЕКСТ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ЛИНГВОЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА (ИТОГИ КРУГЛОГО СТОЛА «ЛИНГВОЭКСПЕРТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ»)

Т. В. Чернышова

Ключевые слова: новый сетевой текст, новые методики лингвоэкспертного исследования спорных текстов, лингвоэкспертная практика, проблемное поле лингвоэкспертных исследований.

Keywords: new network text, new methods of linguo-expert research of disputable texts, linguo-expert practice, problematic field of linguo-expert research.

DOI: 10.14258/flichel (2023)3–13

29 июня в рамках VII Международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа» (СПбГУ, г. Санкт-Петербург) прошло заседание круглого стола «Лингвоэкспертные исследования конфликтности в интернет-коммуникации», в работе которого приняли участие исследователи из Барнаула, Воронежа, Санкт-Петербурга, Москвы, Кемерово, Якутска, Республики Беларусь, Китайской Народной Республики.

Заседания экспертов-лингвистов, включенные в программу Международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа», на гостеприимной петербургской земле проводятся уже несколько лет [Медиалингвистика, 2015; 2020; 2021; 2022]. Особенностью этого круглого стола стало то, что в нем участвовали не только преподаватели вузов (Алтайского государственного университета, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Московского городского педагогического университета, Института международных отношений Нацио-

нального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Санкт-Петербургского государственного университета, Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Кемеровского государственного университета, Северо-Восточного федерального университета) и экспертных организаций (Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь), разрабатывающие теоретические и практические аспекты лингвоэкспертного анализа конфликтных текстов, но и представители бизнес-сообщества: ООО «Лада-Сервис» (Санкт-Петербург), ООО «Сетевые исследования» (Воронеж) и др.

Предметом обсуждения участников стал круг вопросов, посвященных функционированию языка в условиях интернет-общения, в частности были рассмотрены:

- 1) общие проблемы лингвоконфликтологии в интернет-коммуникации;
- 2) языковые правонарушения в пространстве массмедиа;
- 3) неприличная форма выражения оценки в сетевом тексте;
- 4) языковое воплощение сетевых текстов разной тематики и связанные с ним правовые риски;
- 5) лингвоэкспертные и лингвоправовые аспекты исследования новых конфликтных сетевых текстов и оценка возможности их изучения в традиционной лингвоправовой и лингвоэкспертной парадигме.

Обсуждаемая тематика нашла отражение как в ключевых докладах, так и в сообщениях участников круглого стола.

В докладе члена правления Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам **Татьяны Владимировны Чернышовой** (Алтайский государственный университет, Барнаул) на материале сетевых текстов как объектов лингвоэкспертной практики были выявлены две проблемы, которые приходится решать лингвистам-экспертам и специалистам в ходе оценки спорных сетевых высказываний: размытость терминологических понятий (таких как «фейк», «фейковые новости» и др.), на основе которых новые речевые объекты, появляющиеся в сети интернет в последние 2–3 года, квалифицируются как речевые правонарушения, и отмечаемая многими отечественными исследователями необходимость разработки новых или адаптации уже имеющихся методических подходов лингвоэкспертного исследования новых материалов, представленных новыми спорными речевыми объектами.

Данная проблематика была расширена в ключевых докладах круглого стола, посвященных обобщению результатов современной лингвоэкспертной практики.

Так, в докладе **Бабука Александра Вадимовича** (Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь) на основе классической методики выявления прагматического потенциала эмодзи был описан оценочный и конфликтогенный потенциал сетевых текстов, содержащих вербальную угрозу, и предложены варианты их лингвоэкспертной квалификации, а в докладе **Мироновой Натальи Изяславовны** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) на материале сетевых текстов, содержащих угрозу, описаны юридические трудности их квалификации, раскрыты причины различной трактовки угрозы в интернет-комментариях в языковом и юридическом аспектах и приведены критерии квалификации высказывания как угрозы в судебной экспертизе.

В сообщениях участников, посвященных обсуждению данных проблем, были продемонстрированы новые возможности в исследовании конфликтных текстов сетевой коммуникации разных сфер общения. В сообщении **Байгазановой Розы Токтаркановны** (ООО «Лада-Сервис», СПбГУ) был рассмотрен коммуникативный феномен сетевых сообщений в жанре буллинга в бизнес-коммуникации и в социально-политической сфере и представлена классификация данного жанра по разным основаниям. Отмечено, что, несмотря на малоизученность ситуаций буллинга в данных сферах, недоступных для изучения в силу корпоративных традиций и закрытости систем управления бизнесом и государством, в настоящее время появились возможности для изучения глубинных процессов, происходящих в этих сферах, их конфликтообразующего потенциала и влияния на экономическую и социально-политическую жизнь общества в связи с переводом всех видов информации (текстовой, аудиовизуальной) в цифровую форму.

В сообщении **Авериной Лейли Оруджевны** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) на необычном для лингвоэкспертной практики материале были рассмотрены особенности немецкой юридической терминологии в СМИ (на примере статей о преступлениях в сфере искусства). Сообщение **Соколовой Эллины Юрьевны** (Воронежский государственный университет) было посвящено выявлению провокативных интенций в аспекте прагматического анализа, а основное внимание уделено ответу на вопрос, что входит в компетенцию лингвокриминалиста, когда он анализирует спорные слова и выражения, выполняя экспертизу по антикоррупционным делам. По мнению

исследователя, эксперт, анализирующий коррупционный текст, должен установить так называемую конспиративную функцию анализируемого спорного высказывания, а именно: интенциональный (целевой) компонент как провоцирующей, так и провоцируемой сторон.

Возможная методика исследования нового сетевого видеотекста, направленного на выявление речекоммуникативных признаков, позволяющих дифференцировать пародию и дискредитацию в современном медиадискурсе, представлена в сообщении **Шмакова Артема Алексеевича** (Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Барнаул). По мнению докладчика, при проведении лингвистических исследований подобных спорных видеотекстов для выявления цели планируемого автором воздействия, направленного, с одной стороны, на рекламу банковского продукта, а с другой — более эффективное его продвижение через пародирование известного телевизионного шоу, необходим учет структурно-смысловых блоков текста и его композиции; жанровых особенностей речевого произведения и контекста его использования; коммуникативной направленности текста и интенций говорящих. Все это может достаточно убедительно выявить юмористический характер информации, его отношение к жанру пародии и, возможно, его юрислингвистическую квалификацию.

Еще одной важной и по сей день не решенной в полной мере проблеме лингвоэкспертной практики был посвящен доклад российского лингвиста **Константина Ивановича Бринева** (Хэнаньский университет, КНР), посвященный экспертной оценке неприличной формы выражения. Докладчик подчеркнул, что неприличная форма является одним из признаков состава административно-правового правонарушения, а не «юридическим определением оскорбления», и обосновал представление о том, что проблема неприличной формы в том виде, в котором она формулируется в судебной лингвистической экспертизе, является эмпирически неразрешимой, а также предложил возможные пути решения этой проблемы.

В данном лингвоэкспертном поле на круглом столе представили сообщения ряд исследователей. Так, **Малюка Анна Алексеевна** (Московский городской педагогический институт) в своем выступлении коснулась существенных аспектов постановки вопросов при назначении лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, подчеркнув, что наличие полного контекста, включая ситуативные детали, при проведении лингвистической экспертизы по делам об оскорблении является суще-

ственным моментом, влияющим кардинально на дальнейшие выводы эксперта (специалиста) по поставленным вопросам.

Причины деструктивного речевого поведения в сетевой коммуникации раскрыла в своем сообщении **Рольгайзер Анастасия Александровна** (Кемеровский государственный университет), проанализировавшая виды речевой агрессии, а также формы и способы ее реализации в интернет-комментариях.

*Участники круглого стола «Язык в координатах массмедиа»
(СПбГУ, г. Санкт-Петербург), 29 июня 2023 г.*

Все доклады с большим вниманием были выслушаны участниками круглого стола, прозвучало немало интересных вопросов, замечаний и рекомендаций, свидетельствующих о том, что проблемы современной лингвоэкспертной практики не только активно обсуждаются теоретически, но и решаются практически. Участники круглого стола выразили общее мнение о том, что вопросы, поднятые в ходе обсуждения, являются актуальными, своевременными и важными в плане повышения уровня лингвоэкспертных исследований текстов сетевой коммуникации и нуждаются в более широком обсуждении с участием исследователей, специалистов и практиков, изучающих проблемы речевой интернет-коммуникации в разных сферах межличностного и профессионального общения.

Библиографический список

Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа : мат-лы I Междунар. науч.-практ. конф. (6–9 сентября 2016 г. Варна, Болгария) / отв. ред. В. В. Васильева. СПб., 2016. Вып. 5.

Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа, этики и права: матер. IV Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 9–12 ноября 2020 г.) / науч. ред. А. Р. Дускаева, отв. ред. В. В. Васильева. СПб., 2020. Вып. 7.

Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа : мат-лы V Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2021 г.) / науч. ред. А. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. СПб., 2021. Вып. 8.

Медиалингвистика: мат-лы VI международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 июня-02 2022 года / науч. редактор А. Р. Дускаева, отв. редактор А. А. Малышев. СПб., 2022.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

М. П. Гребнева. Реминисценции и автореминисценции в трех ранних редакциях поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». Статья посвящена трем первым ранним редакциям поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон», в которых автор использует реминисценции из стихотворных повестей В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, традиционно именуемых романтическими поэмами, а также внежанровых стихотворений (элегий) В. А. Жуковского. Интерес к внежанровым стихотворениям не случаен и чрезвычайно продуктивен, так как они включают в себя и лирическое, и эпическое, и драматическое начала. Проведенный в исследовании сопоставительный анализ показал, что в связи с реминисценциями в лермонтовской поэме речь может идти не только об отдельных строках, мотивах, образах, но и о характерном для русской литературы этого периода инвариантном комплексе приемов воплощения образов демона и ангела, касающихся, в частности, мотивов воды (слезы) и огня, а также традиционную группу тем-сюжетов: «демон» — «мелкий бес» — «демонический герой». Уже в этих начальных вариантах поэмы, цитируя строки из собственных лирических и драматических произведений 1829–1831 гг., а также пьес (1830) и «Люди и страсти» (1830), Лермонтов использует также прием автореминисценции.

M. P. Grebneva. Reminiscences and Autoreminiscences in Three Early Editions of the Poem by M. Yu. Lermontov «Demon». The article is devoted to the first three early editions of the poem by M. Yu. Lermontov «Demon», in which the author uses reminiscences from the poetic stories of V. A. Zhukovsky and A. S. Pushkin, traditionally referred to as romantic poems, as well as non-genre poems (elegies) by V. A. Zhukovsky. Interest in non-genre poems is not accidental and extremely productive, since they include lyrical, epic, and dramatic beginnings. The comparative analysis carried out in the study showed that in connection with reminiscences in Lermontov's poem, we can talk not only about individual lines, motifs, images, but also about the invariant complex of techniques for incarnating the images of a demon and an angel, characteristic of Russian literature of this period, concerning, in particular, motifs of water (tears) and fire, as well as the traditional group of themes-plots: «demon» — «small demon» — «demonic hero». Already in these initial versions of the poem, quoting lines from his own lyrical and dramatic

works of 1829–1831, as well as plays (1830) and «People and Passions» (1830), Lermontov also uses the technique of autoreminiscence.

В. В. Десятов. Образы эпох и исторических периодов в русской культуре XX века. Основные действия. В истории России XX века выделяются девять периодов, репрезентируемых в художественной культуре тем или иным действием, видом деятельности, которые можно назвать основными, наиболее для данных периодов характерными. Образы исторических периодов и эпох определяются такими темами-доминантами, утвердившимися в искусстве и ставшими (в семиотическом аспекте исследования) символами того или иного времени. Например, танец оставался актуальным символом культурного самоопределения по принципу утверждения / отрицания на протяжении трех периодов: собственно танца, войны и труда. Избранный подход позволяет обнаружить достаточно интенсивную историко-культурную динамику. Художественная культура России XX века была нацелена на выявление новых процессов в социальной и частной жизни человека. Деятельность нескольких периодов связана с философией Ф. Ницше, период труда — с философией К. Маркса. Русское искусство XX века стало отражением не только человеческой деятельности, но и быстрой смены ее преобладающих видов.

V. V. Desyatov. Images of Epochs and Historical Periods in the Russian Culture of the twentieth century. Basic Actions. Basic steps in the history of Russia of the twentieth century, there are nine periods, each of which is represented in artistic culture by one or another action, type of activity, which can be called the main characteristics for these periods. The images of historical periods and epochs are determined by such dominant themes that have become established in art and have become (in the semiotic aspect of research) symbols of a particular time. For example, dance remained a relevant symbol of cultural self-determination on the principle of affirmation/denial for three periods: dance proper, war, and labor. The chosen approach allows us to detect rather intense historical and cultural dynamics. The artistic culture of Russia of the twentieth century was aimed at identifying new processes in the social and private life of a person. The activity of several periods is connected with the philosophy of F. Nietzsche, the period of labor -with the philosophy of K. Marx. Russian art of the twentieth century reflected not only the human activity, but also the rapid change of its prevailing types.

Е. А. Московкина. Образ церкви и архитектурный экфрасис в рассказах В. М. Шукшина. Архитектурный экфрасис в поэтике рассказов Шукшина, с одной стороны, следует характерному для русской литера-

туры антропоцентрическому канону организации хронотопа, где локус, а вместе с ним и здание становится существенной частью семиотики ландшафта или городской среды, выполняя при этом функцию психологического параллелизма, откликаясь на состояние и переживания центральных героев, в качестве обязательной рамы завершая их портреты, с другой стороны, служит своего рода средством вербальной визуализации социально-этической и эстетической проблематики писателя, оформившейся к концу 1960-х гг. Через образ церкви, который у Шукшина не только антропологичен, но и беспримерно физиологичен, автор отчасти сублимирует, отчасти осмысливает собственные «проклятые» вопросы: проблему разрыва с малой родиной, «прогрессивной» неукорененности; проблему «исторической» ностальгии и необъяснимо тесной связи с традицией; проблему творческого поиска, преодоления диспропорций «воспитанного» эстетического вкуса профессионала и наивного, непосредственного впечатления обывателя, преемственности и новаторства, свободы художественной идеи и косности материала, технических возможностей ее воплощения.

E. A. Moskovkina. Image of Church and Architectural Ekphrasis in V.M. Shukshin's Stories. Architectural ekphrasis in the poetics of Shukshin's stories, on the one hand, adjoins the anthropocentric chronotope of Russian literature. The locus, and with it the building, becomes an essential part of the semiotics of the landscape or urban environment here: the buildings perform the function of psychological parallelism, responding to the state and experiences of the central characters, completing their portraits as a mandatory frame. On the other hand, architecture in Shukshin's work serves as a kind of means of verbal visualization of the socio-ethical and aesthetic problems of the writer's work that took shape by the end of the 1960s. Shukshin's image of the church is not only anthropological, but also uncommonly physiological. It helps the author partly to sublimate, partly to comprehend his own «cursed» questions: the problem of a break with a small homeland, «progressive» mobility; the problem of «historical» nostalgia, a painful connection with tradition; the problem of creative search, overcoming the disproportions of the professional's «educated» aesthetic taste and naive, direct impression of the layman, continuity and innovation, freedom the artistic idea and the inertia of the material, the technical possibilities of its implementation.

М. В. Батюшкина. Государственный язык: дискуссионные вопросы исследования. Целью статьи является анализ изучения актуальных проблем исследования государственного языка. Особое внимание уделено различным подходам к пониманию феномена государственного язы-

ка (функциональный стиль, разновидность современного национально-литературного языка, правовой статус национального языка). Показано соотношение понятий «государственный язык» / «общегосударственный язык» / «государственный язык республики» / «официальный язык» и др. Отмечена трансформация правовых статусов русского языка и иных языков народов России (в связи с преобразованиями XX — начала XXI века). Дана обобщенная характеристика аспектов исследования русского языка как государственного языка Российской Федерации, а также государственных языков республик. Акцентируется внимание на новеллы законодательства. Обозначены перспективы междисциплинарного исследования государственного языка. Применяется методология русистики, социолингвистики, юридической лингвистики.

M. V. Batyushkina. State Language: Debatable Research Questions.

The purpose of the article is to analyze the study of topical problems of the study of the state language. Particular attention is paid to various approaches to understanding the phenomenon of the state language (functional style, a variety of the modern national literary language, the legal status of the national language). The correlation of the concepts «state language» / «national language» / «state language of the republic» / «official language», etc. is shown. The transformation of the legal statuses of the Russian language and other languages of the peoples of Russia (in connection with the transformations of the 20th century — the beginning of the 21st century) is noted. A generalized description of aspects of the study of the Russian language as the state language of the Russian Federation, as well as the state languages of the republics, is given. Attention is focused on the novelties of the legislation. The prospects for interdisciplinary research of the state language are outlined. The methodology of Russian studies, sociolinguistics, legal linguistics is applied.

Л. А. Джелалова. Русские пословицы в индивидуальном коммуникативном пространстве модели [А<В]. Статья посвящена изучению моделей пословиц, благодаря которым участники коммуникации могут обозначить свои намерения в речевом событии. В рамках заявленного коммуникативного пространства модели [А<В] пословицы могут актуализироваться в качестве аргумента при прямом взаимодействии (значок <) говорящего (А) на слушателя (В) — лица, с одной стороны, играющего второстепенную роль в речевом событии, а с другой стороны, влияющего на запланированный говорящим результат. Коммуникативно-прагматический анализ пословиц модели [А<В] позволяет выявить границы возможного использования изречений в конкретной ситуации общения; классифицировать их в процессе монолога

или скрытого диалога соответственно настоящей модели, в том числе и по степени воздействия, учитывая возможные варианты решения проблемы в нашем случае посредством пословиц-аргументов, выступающих в качестве смысловых синонимов основной пословице в контексте произведения или же как самостоятельных микротекстов конкретного речевого события.

L. A. Dzhelalova. Russian Proverbs in the Individual Communication Space of the Model [A<B]. The article is devoted to the study of proverb models, thanks to which communication participants can indicate their intentions in a speech event. Within the declared communicative space, the models [A<B] can be updated as an argument in direct interaction (icon <) of the speaker (A) with the listener (B) — a person, on the one hand, playing a secondary role in a speech event, and on the other hand, affecting the result planned by the speaker. Communicative and pragmatic analysis of the proverbs of the model [A<B] will identify the boundaries of the possible use of sayings in a specific communication situation; classify them in the process of monologue or hidden dialogue, respectively, of the present model, including in terms of the degree of impact, taking into account possible options for solving the problem through in our case proverbs-arguments acting as semantic synonyms for the main proverb in the context of the work or as independent microtexts of a particular speech event.

О. И. Ванюшкина. Роль экстралингвистических факторов в формировании лексико-семантической группы «Твердость (Мужество)» в английском и испанском языках XIII–XV вв. В статье рассматриваются особенности лексико-семантической группы «Твердость (Мужество)» в английском и испанском языках XIII–XV вв., большую роль в становлении которой сыграли экстралингвистические (религиозные) факторы. Источником англоязычного материала служат письменные памятники, которые содержатся в корпусе среднеанглийской прозы и поэзии *Corpus of Middle English Prose and Verse*. Источником испаноязычного материала являются письменные памятники, содержащиеся в электронном корпусе *Corpus del español*. Лексемы данной группы в изучаемых языках в рассматриваемый период принадлежали к ядру лексики положительной морально-этической оценки. Это объясняется значимой ролью церкви в формировании у средневекового общества этических норм. Средневековые авторы выделяли семь добродетелей, три из которых считались богословскими (*Вера, Надежда, Любовь*), а остальные именовались кардинальными: *Благоразумие, Справедливость, Чистота и Твердость (Мужество)*. Именно эти наименования стали семантическими центра-

ми, вокруг которых формировался слой лексики положительной морально-этической оценки в английском и испанском языках XIII–XV вв.

O. I. Vanyushkina. The Role of Extralinguistic Factors in the Formation of the Lexical-Semantic Group «Fortitude (Courage)» In the English and Spanish Languages of the XIII–XV Centuries. The article discusses the features of the formation of the lexical-semantic group «Fortitude (Courage)» in the English and Spanish languages of the XIII–XV centuries, an important role in the formation of which was played by extralinguistic, in particular, religious factors. The source of the research material in English is presented by manuscripts of the XIII–XV centuries contained in the *Corpus of Middle English Prose and Verse*. The source of the research material in Spanish is presented by manuscripts of the XIII–XV centuries contained in the electronic corpus of the *Corpus del español*. The lexemes of this group in the languages under study belonged to the core of the lexis of positive moral and ethical evaluation in the period under review. This is explained by the significant role of the Church in the formation of ethical norms in mediaeval society. Mediaeval authors singled out seven virtues, three of which were considered theological (Faith, Hope, Love), and the remaining four were called cardinal: Prudence, Justice, Purity, and Fortitude (Courage). The names of virtues became semantic centers around which lexis of positive moral and ethical evaluation was formed in the English and Spanish languages of the XIII–XV centuries.

Ю. С. Серягина. Переводчики с немецкого языка в газете «Южное обозрение» рубежа XIX–XX вв. В то время как в Москве и в Петербурге на рубеже XIX–XX вв. ведущим форматом публицистических изданий был журнал, в регионах основную роль информирования и развлечения населения играла газета. Направленность издания была понятна из заголовка: это мог быть информационный или новостной листок, информирующий о текущих локальных и мировых событиях, или же более широкое издание, газета политическая, экономическая и литературная, в которой кроме прочего значительное внимание уделялось культуре и литературе. Такие газеты выполняли не только информационную, но и просветительскую функции, сообщая читателю посредством местных и переводных художественных произведений, библиографических и театральных заметок об основных тенденциях локальной и мировой культуры. Не последнюю роль в этом процессе играли местные литераторы и переводчики. Статья посвящена переводчикам с немецкого языка, публиковавшим свои произведения в одесской газете «Южное обозрение» на рубеже XIX–XX вв.

Yu. S. Seryagina. Translators From German in the Newspaper «Yuzhnoe Obozrenie» At the Turn of the XIX–XX Centuries. While in Moscow and St. Petersburg at the turn of the XIX–XX centuries the leading format of journalistic publications was the magazine, in the regions the main role of informing and entertaining the population was played by the newspaper. The focus of the publication was clear from the title. It could be an information leaflet or news leaflet informing about current local and world events, or a broader edition, a political, economic and literary newspaper, in which, among other things, significant attention was paid to culture and literature. Such newspapers performed not only informational, but also educational functions, informing the reader about the main trends of local and world culture through local and translated works of art, bibliographic and theatre notes. Not last role in this process was played by local writers and translators. The article is dedicated to translators from the German language who published their works in the Odessa newspaper «Yuzhnoe obozrenie» at the turn of the 19th–20th centuries.

С. А. Макарова. Непрямая анафорическая референция в англоязычном журналистском дискурсе (на материале жанра некролога). Предметом данного исследования является непрямая анафорическая референция как артиклевый способ выражения мыслительного процесса индивидуализации. В связи с этим приводятся основные этапы развития теории референции, элементом которой она является. В исследовании ставится цель выяснить, применима ли для англоязычного журналистского дискурса ранее разработанная классификация разновидностей непрямой анафорической референции, а также описать, участвует ли непрямая анафорическая референция в осуществлении функции воздействия, типичной для журналистского дискурса. На материале некрологов, публикуемых в издании *The Economist* за 2022 г., проводится анализ, включающий синтаксический, семантический и прагматический этапы. Фрагменты некрологов классифицируются в зависимости от того, какой тип связи между антецедентом и анафором выявлен. В результате устанавливается актуальность предложенной классификации для исследуемой разновидности дискурса и определяется потенциал непрямой анафорической референции для осуществления функции воздействия.

S. A. Makarova. Indirect Anaphoric Reference in English Journalistic Discourse (on the Material of Obituary). The subject of this research is indirect anaphoric reference viewed as an article means of expression of the mental process of individualization. Consequently, the article focuses

on the development of the theory of reference that started to form more than a hundred years ago. The aim of the study is to investigate whether the worked-out classification of indirect anaphoric reference is applicable to English journalistic discourse and what is the role of this phenomenon in the realization of the function of impact which is typical of journalistic discourse. The analysis is conducted on the material of extracts borrowed from obituaries found in the editions of *The Economist* published in 2022 and includes three stages — syntactic, semantic and pragmatic. The extracts from the obituaries are classified in accordance with the type of the link between antecedent and anaphor. As a result, the relevance of the classification for the analyzed type of journalistic discourse is established and the potential of indirect anaphoric reference for carrying out the function of impact is shown.

Г. Е. Енсебай, А. С. Демченко. Пенталогия А. Ж. Жаксылыкова «Сны окаянных» в исследованиях казахстанских ученых. Данная статья носит обзорно-аналитический характер. На примере различных казахстанских исследований — научных статей, материалов диссертаций, монографий — был проанализирован исследовательский интерес к роману А. Ж. Жаксылыкова «Сны окаянных». За основу взяты публикации 2015–2022 гг. Были структурированы интертекстуальные связи романа и отношение автора к мифопоэтике и философии на страницах романа. Приведены данные исследований, утверждающие, что в создании романа использовались отсылки не только к тюркским, но и европейским мифам, фольклору, а также к русской и европейской литературе. Также уделено внимание феномену писателя-билингва. На основе проведенного исследования сделан ряд выводов, касающихся сложности и пластичности текста пенталогии «Сны окаянных», намеренно задуманного как интеллектуальная головоломка; интертекстуальности романа, отсылающего к тюркским, европейским мифам и фольклору, произведениям российских и зарубежных писателей-классиков; многоплановости переплетающихся в нем литературных направлений, обусловленных билингвальностью автора и позволяющих исследователям называть роман транслингвальным.

G. E. Yensebay, A. S. Demchenko. A. Zh. Zhaksylykov's Pentalogy «Dreams of the damned» in the Studies of Kazakh Researchers. It is analytical review article. On the example of various Kazakhstani studies — scientific articles, dissertation materials, monographs — the research interest in the novel of A. Zh. Zhaksylykov «Dreams of the cursed» is analyzed. The publications of 2015–2022 are taken as the basis. The intertextual connections

of the novel and the author's relationship with mythopoetics and philosophy in the pages of the novel are structured. The author presents the research data that in the making of the novel the references not only to the Turkic, but also to the European myths, folklore, as well as to Russian and European literature were used. Attention is also paid to the phenomenon of the bilingual writer. On the basis of the study, a number of conclusions are drawn regarding the complexity and plasticity of the text of the «Dreams of the Cursed» pentalogy, which was deliberately conceived as an intellectual puzzle; the intertextuality of the novel, referring to Turkic, European myths and folklore, the works of Russian and foreign classic writers; the versatility of literary trends intertwined in it, due to the bilingual author the researchers identify the novel as translingual.

Д. А. Тюлин. Дэвид Боуи и Т. С. Элиот: к постановке проблемы поэтической «персоны». Статья проясняет некоторые особенности поэтической системы творческого наследия 1970-х гг. британского поэта и музыканта Дэвида Боуи (David Bowie, 1947–2016), сосредоточиваясь на понятии «персона» в контексте его творчества. «Персона» как термин используется в статье, будучи позаимствованным из учения немецкого психолога К. Юнга, где понимается как социальная маска, скрывающая уязвимости личности. В применении к творчеству Боуи термин «персона» подразумевает маску художественную, особый тип реализации поэзии, в котором соединяются творческая личность и персонаж. Предполагается, что поэзия Боуи, получающая выражение через уникальную «персону», стоящую в центре его альбомных циклов 1970-х гг., демонстрирует признаки имперсональности по Т. С. Элиоту. В статье доказывается, что Боуи был знаком с поэзией Элиота и мог использовать его идею «имперсональности» поэзии в своем творчестве.

D. A. Tyulin. David Bowie and T. S. Eliot: Addressing the Problem of Poetic «Persona». The article clarifies some features of the poetic system of the creative heritage of the 1970s. British poet and musician David Bowie (1947–2016), focusing on the concept of «persona» in the context of his work. «Persona» as a term is used in the article, being borrowed from the teachings of the German psychologist C. Jung, where it is understood as a social mask that hides the vulnerability of the individual. When applied to Bowie's work, the term «persona» implies an artistic mask, a special type of poetry realization, in which a creative person and a character are combined. Bowie's poetry, expressed through the unique «persona» at the center of his album cycles of the 1970s, is supposed to show signs of T. S. Eliot's impersonality. The article proves that Bowie was familiar with Eliot's poetry and could use his idea of «impersonality» of poetry in his work.

В. Т. Веред. Идиостиль Андрея Колесникова как автора репортажного жанра. Статья посвящена лексико-стилистическому анализу политического репортажа Андрея Колесникова с точки зрения его соответствия традиционным жанровым характеристикам. Авторские речевые приемы выстраивания диалога с читателем оцениваются в свете их прагматического потенциала. В работе делается вывод о том, что репортаж Андрея Колесникова не только приобретает аналитические черты, но и превращается в полифункциональный жанр, в котором наблюдается конвергенция таких художественно-публицистических жанров, как фельетон и эссе. В основе коммуникативной стратегии репортера лежит ирония, которая формирует индивидуально-авторский стиль журналиста, заключающийся в специфическом отборе и организации языковых средств: высокая тема облакается в низкую форму. Репортажи носят игровой характер, что позволяет автору реализовывать основную коммуникативную цель — критически описывать и оценивать события, составляющие информационный повод.

V. T. Vered. The idiostyle of Andrey Kolesnikov as an Author of the Reportage Genre. The article is devoted to the lexical and stylistic analysis of Andrey Kolesnikov's political news reportage in terms of its compliance with the traditional genre characteristics. The author's speech techniques of building a dialogue with the reader are evaluated in the light of their pragmatic potential. The paper concludes that not only does Andrey Kolesnikov's reportage acquire analytical features, but also it turns into a multifunctional genre, in which the convergence of such art and journalistic genres as feuilleton and essay is observed. The reporter's communication strategy is based on irony and it forms the individual author's style of Andrey Kolesnikov, which consists in a specific selection and organization of linguistic means: formal topic is covered by informal means. The reportages» nature is entertaining. This allows the author to realize the main communication goal, i. e., to critically describe and evaluate the events that make up the information occasion.

А. Г. Хабибулина. Семантико-синтаксические отношения, выражаемые деепричастными формами, в татарском языке. Исследование семантико-синтаксических отношений значимо как в лингвистическом, так и в когнитивном плане. Благодаря анализу не только формальных, но и семантических структур раскрываются многие языковые факты, которые помогают более точно объяснить закономерности мыслительной деятельности человека. Целью данной статьи является выявление смысловых отношений, которые выражаются деепричастными формами на -ып/-еп, -п и -гач/-гэч, -кач/-кэч, в татарском языке. Материал

исследования извлекался из текстов татарской прозы и малых жанров фольклора. В результате проведенного исследования было установлено, что деепричастные формы не могут служить маркерами, позволяющими заведомо отнести конструкции к числу тех или иных семантико-синтаксических отношений. В некоторых случаях наблюдается совмещение в одной конструкции различных значений, при этом совмещение признаков бывает в разных пропорциях. Возникновение синкретичной семантики обусловлено необходимостью выражения сложной содержательной информации. Таким образом, данное исследование проведено с опорой на теорию синхронной переходности (синкретизма).

L. G. Habibullina. Semantic and Syntactic Relations Expressed by Adverbial Forms in the Tatar Language. The study of semantic-syntactic relations is significant both linguistically and cognitively. Due to the analysis of not only formal, but also semantic structures, many linguistic facts are revealed that help to more accurately explain the patterns of human mental activity. The purpose of this article is to identify semantic relations that are expressed by the adverbial forms on -yp/-ep, -p and -gach, -kach, in the Tatar language. The research material was extracted from the texts of Tatar prose and small genres of folklore. As a result of the conducted research, it was found that adverbial forms cannot serve as markers that make it possible to knowingly attribute constructions to the number of certain semantic-syntactic relations. In some cases, there is a combination of different values in one design, while the combination of features happens in different proportions. The emergence of syncretic semantics is due to the need to express complex meaningful information. Thus, this study is based on the theory of synchronous transitivity (syncretism).

Чернышова Т. В. Сетевой текст и проблемы его лингвоэкспертного анализа (итоги круглого стола «Лингвоэкспертные исследования конфликтности в интернет-коммуникации»). Представлен обзор докладов и выступлений, прозвучавших на заседании круглого стола, организованного 29 июня 2023 г. в рамках VII Международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа» (СПбГУ, г. Санкт-Петербург). Заседания экспертов-лингвистов, включенные в программу ежегодной международной конференции, проводятся с 2015 г. и привлекают к обсуждению актуальных вопросов современной лингвоэкспертной российской практики не только филологов-лингвистов, но и практиков, интересующихся проблемами безопасного использования языка в различных ситуациях речевого общения. В этом году предметом обсуждения участников круглого стола стали речевые конфликты в разных

жанрах интернет-коммуникации и проблемы их исследования в современной лингвоэкспертной практике. В ходе дискуссии в докладах и выступлениях участников были обсуждены возможные методы и приемы исследования новых конфликтных интернет-текстов различных жанров в русле лингвистической прагматики, стилистическом, медиакоммуникативном, лингвоэкспертном и правовом аспектах.

Chernyshova T. V. Network text and problems of its linguo-expert analysis (results of the round table «Linguistic expert research on conflict in Internet communication»). This material provides an overview of the reports and speeches made at the round table meeting organized on June 29, 2023 as part of the VII International Scientific Conference «Language in the coordinates of the mass media» (St. Petersburg State University, St. Petersburg). Meetings of expert linguists, included in the program of the annual international conference, have been held since 2015 and involve not only philologists-linguists, but also practitioners interested in the problems of safe use of language in various situations of verbal communication to discuss topical issues of modern linguo-expert Russian practice. This year, the subject of discussion of the round table participants was speech conflicts in different genres of Internet communication and the problems of their study in modern lingua-expert practice. During the discussion, in the reports and speeches of the participants, possible methods and techniques for studying new conflict Internet texts of various genres were discussed in line with the linguistic pragmatic, stylistics, media communicative, linguo-expert and legal aspects.

НАШИ АВТОРЫ

- БАТЮШКИНА** — кандидат педагогических наук, консультант Законодательного Собрания Омской области; эксперт Национальной академии этикета и протокола InterProtocol, член научно-методического совета Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (Москва).
Марина Владимировна
E-mail: soulangeana@mai.ru
- ВАНЮШКИНА,** — старший преподаватель Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
Ольга Игоревна
E-mail: vanyushkina-olga@mail.ru
- ВЕРЕД,** — кандидат филологических наук, ассистент Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва).
Валерия Тарасовна
E-mail: val_cherry-merry@hotmail.com
- ГРЕБНЕВА,** — доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
Марина Павловна
E-mail: grmarinagr@mail.ru
- ДЕМЧЕНКО,** — доктор PhD, и. о. доцента Казахского национального университета им. аль-Фараби.
Алена Сергеевна
E-mail: alenchika@mail.ru
- ДЕСЯТОВ,** — доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
Вячеслав Владимирович
E-mail: galton67@yandex.ru
- ДЖЕЛАЛОВА,** — доктор филологических наук, доцент Московского государственного университета технологии и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ).
Лариса Анатольевна
E-mail: dshelar@mail.ru
- ЕНСЕБАЙ,** — докторант Казахского национального университета им. аль-Фараби.
Гульназ
E-mail: gulnazensebay@gmail.com
- МАКАРОВА,** — кандидат филологических наук, стажер-исследователь, ассистент по совместительству Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
Светлана Алексеевна
E-mail: Swetlana495@yandex.ru
- МОСКОВКИНА,** — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
Евгения Александровна
E-mail: evgenya.moskovkina@yandex.ru

- СЕРЯГИНА,
Юлия
Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета.
E-mail: seriagina@gmail.com
- ТЮЛИН,
Дмитрий
Александрович — аспирант Российского государственного гуманитарного университета (Москва).
E-mail: ringosartre@gmail.com
- ХАБИБУЛЛИНА,
Лениза
Газинуровна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (Казань).
E-mail: valievalg@mail.ru
- ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна
Владимировна — доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: chernyshova@filo.asu.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПРИСЫЛАЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 45 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения — до 25 тыс. знаков с пробелами, другие материалы — до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов — объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание научных изданий (Библиографический список) оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания — учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Не-научные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости — с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы

и т. п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).

7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и. о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и. о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы и References.

Примечания

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте.

2. Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).

3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.

Периодическое издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

№ 3 ■ 2023

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер ПИ № ФС77–81381 от 16.07.2021 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Технический редактор Т. Б. Беломестнова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс с 36795 в каталоге Урал-Пресс
Цена свободная

Подписано в печать 07.09.2023.

Дата выхода издания в свет 18.09.2023.

Формат 60×84/16. Гарнитура Minion 3. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 10,3. Тираж 500 экз. Заказ № 585.

Издательство Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66